ПОЛОЦКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
МУЗЕЙ-БИБЛИОТЕКА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность

(материалы Международной научной конференции 11-12 ноября 1999 г.)

ПОЛОЦКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
МУЗЕЙ-БИБЛИОТЕКА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность

(материалы Международной научной конференции 11-12 ноября 1999 г.)

Полоцк 1999

Составитель: Песина И.Е. - ведущий научный сотрудник
Музея-библиотеки Симеона Полоцкого.

Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность// Материалы Международной научной конференции. - Полоцк: Полоцкий историко-культурный заповедник, Музей-библиотека Симеона Полоцкого, 1999.

Компьютерный макет и вёрстка Пескин А.В.

Г. Полоцк, ПП «Наследие Ф.Скорины». Заказ 6340. Тираж 50 шт.

11-12 ноября 1999 года в Полоцком историко-культурном музее- заповеднике состоялась Международная научная конференция «Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность» (к 370 -летию со дня рождения)

Учёные, сотрудники архивов, библиотек, музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Могилева, Полоцка отмечают, что проведение данной конференции стало заметным событием в научной и культурной жизни.

Тематика конференции охватывала проблемы духовного и литературного наследия Симеона Полоцкого, исторической взаимосвязи славянских культур XVI-XVII вв., педагогический аспект деятельности Симеона Полоцкого, духовное и культурное наследие христианства на Беларуси.

Участники конференции отмечают закономерность создания Музея-библиотеки в бывшей Братской школе Богоявленского монастыря, где преподавал Симеон Полоцкий. Открытие не просто музея Симеона Полоцкого, а музея-библиотеки весьма логично. Посетители могут не только ознакомиться здесь с экспозицией, посвященной просветителю и гуманисту XVII века, но и в прямом смысле ощутить себя в той эпохе, благодаря соответственно оформленному интерьеру и возможности пользования богатым книжным фондом музея, в том чис-

ле и прижизненными изданиями Симеона Полоцкого.

Одобрить традицию проведения на базе Музея-библиотеки Симеона Полоцкого международных научных конференций, в том числе посвященных Симеону Полоцкому, его мировоззрению, общественно-политической и литературной деятельности. Периодичность проведения- 1 раз в 5 лет.

От имени участников конференции обратиться к Министерству культуры России, Министерству культуры Республики Беларусь, библиотекам, архивам России с просьбой оказания содействия в пополнении экспозиции единственного в мире музея, посвященного жизни и деятельности Симеона Полоцкого.

Выйти с предложением в Министерство культуры Республики Беларусь, Витебский облисполком, Полоцкий горисполком об ускорении реализации проекта по установке памятника Симеону Полоцкому на его родине.

Обратиться в Министерство культуры Республики Беларусь, Госкомитет по печати с предложением об издании в 2000 году буклета о музее-библиотеке Симеона Полоцкого.

Внести на рассмотрение Полоцкого горисполкома предложение о присвоении одной из улиц города имени Симеона Полоцкого.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОСКВЕ XVII В.

Аверьянов К.А.,
(г.Москва)

XVII в. стал особым временем в истории московскою народного образования, когда со всей остротой было осознано то, что обучение грамоте у своих «доморощенных» учителей, пополнение знаний путем чтения и самообразования не является достаточным. Впервые был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего развития системы просвещения, то есть о возможности перехода от преимущественно домашнего обучения, где давались лишь самые начальные знания, к более высоким ступеням образования - специально созданным училищам, где преподавались бы отдельные предметы и иностранные языки. После Смутного времени Россия продолжает налаживать связи с Европой. Но для этого нужны были не просто грамотные, но и образованные люди, знающие помимо прочего и иностранные языки. Знание латинского языка как международного средства общения было крайне необходимо. Всего этого прежняя школа дать не могла. Процесс перехода к новым формам обучения, начавшийся еще в XVII в., растянулся на столетие с лишним и завершился много позже, уже после кончины великого реформатора России Петра I.

Уже со второй четверти XVII в. в Москве начинают возникать подобные школы. Однако сведения о них крайне скудны. В 1632 г. при Чудовом монастыре в Кремле была открыта на средства патриарха одна из первых греко-славянских школ, в которой обучали греческому и славянскому языкам, грамматической «хитрости», риторике и философии. Но уже в 1634 г. со смертью своего организатора монаха Иосифа, приехавшего на Русь из Александрии, она, вероятно, прекратила свое существование и в документах более не встречается.

Другим очагом московского просвещения стала Немецкая слобода на Яузе. Её население составляли купцы, среди которых преобладали голландцы и немцы из Гамбурга, а также «служилые иноземцы» - военные, медики и мастера разных специальностей, получавшие «государево жалованье». Военные несли службу в полках нового строя; аптекари, лекари и доктора обслуживали царскую семью, московскую знать и армию; ювелиры, кузнецы, оружейники, часовщики, живописцы - царский двор и казну. Сравнительно рано (с 1621 г.) здесь появляется школа для детей иноземцев, существовавшая на протяжении всего столетия. Но учились там и некоторые из русских. В частности, в 1678 г. были специально присланы два подростка для обучения «латинскому и цесарскому (т.е. немецкому. -Авт.) языку для аптекарского дела».

Так же, как и в XVI в., огромную роль в деле московского образования сыграло книгоиздание - выпуск учебной литературы. Наиболее известной учебной книгой XVII в. был, без сомнения, Букварь подьячего Василия Бурцева. Он был издан впервые в 1634 г. гигантским по тому времени тиражом - почти в 3000 экземпляров, а уже через три года потребовалось его новое издание. Всего же на протяжении XVII столетия он переиздавался несколько раз. Любопытна в этом плане сохранившаяся до нас опись книг Печатного Двора, числившихся на его складе в 1649 г. Первое место среди них занимает именно Букварь Бурцева. Обращает на себя внимание и его дешевизна. Он продавался в розницу всего за 2 деньги, т.е. по 1 копейке. Такая цена делала его доступным для широких масс. Но Букварь не был единственным учебным изданием. Тем же Бурцевым в 1630-е гг. были изданы Святцы, Апостол, Псалтырь, Часослов -последние две книги широко использовались при обучении чтению. Всего же Василием Бурцевым было издано 17 книг.

В отличие от предшествующего столетия кроме бук-

варей и азбук начинают выходить и другие учебные пособия. Так, в середине XVII в. была издана «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, вышедшая позднее в сокращенном варианте специально для школьников. В конце века печатается Букварь монаха московского Чудова монастыря Кариона Истомина. В 1682 г. в свет выходит таблица умножения, из названия которой ясно указывалась её практическая цель: «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякие вещи». Интересно, что в ряде книг, использовавшихся в виде пособий при обучении чтению, появляются и методические руководства для учителей. В одной Псалтыри, изданной в Москве в 1645 г., имеется «Наказание учителям, как обучать детей грамоте», где требуется, в частности, различать произношение двух сходных букв - «е» и «ять»: «зазорно и укорно «еже» (т.е. «е») вместо «ести» («ять») глаголати».

От XVII в. до нас дошли первые подробные сведения и о профессиональном образовании. В этот период наблюдается значительная специализация ремесла: только в Москве насчитывалось до 250 различных ремесленных специальностей. Для постройки каменных церквей и зданий нужны были более совершенные приемы строительной техники. Уже в XV в. в Москве пользуются часами, а для их починки от мастеров требовалось умение изготовлять детали часового механизма. Без знания прикладной физики нельзя было обойтись в кузнечном деле, литье колоколов и пушек, чеканке монет. При лечении были необходимы сведения по медицине. В ряде случаев из-за границы приглашали специалистов, но также готовили и собственных мастеров.

Обучение ремеслам носило индивидуальный характер и сопровождалось «жилыми записями» на ученичество. Они предусматривали овладение того или иного мастерства, устанавливали взаимные обязательства ученика и мастера, вознаг-

раждение и оплату труда сторон. Обычный срок постижения ремесла, которое зачастую сопровождалось и обучением фамоте, составлял пять лет.

Важным рубежом в развитии московского просвещения стало царствование второго государя из династии Романовых - Алексея Михайловича. Огромную роль в этом сыграл один из близких царю людей - окольничий Федор Михайлович Ртищев. В возобновленном им в 1648 г. Андреевском монастыре близ Воробьевых гор, в двух верстах от тогдашнего города (в районе современной площади Гагарина), он открыл училище, куда пригласил из Киева учёных монахов, чтобы организовать обучение «языкам славянскому и греческому, наукам словесным до риторики и философии».

Москвичи по-разному отнеслись к этому нововведению. Одни, только лишь из одного угождения царскому любимцу, отправили учить своих детей к «киевским старцам». Будущий думный дьяк Л.Т. Голосов, тогда ещё юноша, жаловался о подневольности учения: «Старцы де не добрые, он де в них добра не познал и доброго ученья у них нет: ныне де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь де учиться никак не хочу». Другие же, наоборот, увлеклись малоизвестной в Москве греческой и латинской грамотой, хотя и признавали, что «в той грамоте и еретичество есть», и даже просились для продолжения образования в Киевскую академию. Двоих из них Ртищев отправил учиться в Киев.

В целом же успех начинания Ф.М. Ртищева был очевиден. Показательно и то, что он не был одинок в стремлении завести школы. На рубеже 40-50-х годов XVII в. благодаря греческому старцу Арсению возобновляет свою деятельность школа при Чудовом монастыре. В ней преподавался как греческий, так и латинский языки. В 60-е годы XVII в. она именовалась «Алексеевской школой» (по имени митрополита Алексея, основателя Чудова монастыря). Тогда же существо-

вала школа при церкви Введения в Барашах, устроенная на собственные деньги местным священником Иваном Фокиным.

Эти и другие новые школы устраивались уже по новому образцу. Так, учащиеся школы в Мещанской слободе под руководством своего учителя Ивана Волошенинова занимались помимо прочего театральным делом и смогли дать на сцене придворного театра ряд представлений. В 1666 г. прихожане церкви Иоанна Богослова в Китай-городе подали челобитную о разрешении создать при храме школу по образцу украинских братских училищ, чтобы в ней было «устроение учения... различными диалекты: греческим, словенским и латинским». Власти разрешили открытие «гимнасиона», «да трудолюбивые спудеи (студенты. - Авт.) радуются о свободе взыскания и свободных учений мудрости». И хотя дальнейшие сведения об этой школе весьма скупы, самая мысль о создании «гимнасиона» показывает, что идеи Федора Ртищева упали на плодородную почву. В этом же русле следует рассматривать и решения Собора 1666-1667 гг., прямо повелевшего, «чтобы всякий священник детей своих научил грамоте».

Непосредственным же продолжением дела самого Ф.М. Ртищева, назначенного в 1664 г. воспитателем наследника престола царевича Алексея Алексеевича, стало создание Заиконоспасского училища (школы), расположившегося в центре Китай-города, в Заиконоспасском монастыре на Никольской улице, от которого и получило свое название. Из него выросла впоследствии знаменитая Славяно-греко-латинская академия. Училище было открыто в 1664 г. по указу царя Алексея Михайловича с целью подготовки кадров для различных московских приказов, в первую очередь Приказа тайных дел, представлявшего собой личную канцелярию государя. При монастыре были построены особые деревянные хоромы, предназначавшиеся специально для училища.

Руководить новым учебным заведением доверили вы-

ходцу из Белоруссии Симеону Полоцкому, выдающемуся просветителю, оратору и поэту своего времени. Он же одновременно числился и «строителем» Заиконоспасского монастыря. В числе учителей были архимандрит Дионисий и Епифаний Славинецкий. Последний примечателен тем, что составил славяно-греческий словарь. Учащиеся были набраны из молодых подьячих разных приказов. Первых четырех учеников, которым следовало учиться «по латыням», назначил сам царь.

Важнейшей заслугой Симеона Полоцкого явилось то, что несмотря на активное противодействие, ему удалось воспитать целую плеяду учеников, которые продолжили его кипучую деятельность за распространение образования, борьбу с той средневековой косностью и неподвижностью, в которой застывала тогдашняя московская жизнь.

Нужда в образованных выпускниках школы была настолько велика, что сразу же после окончания учебы двое из них были направлены с дипломатической миссией А.Л. Ордин-Нащокина в Курляндию. Одним из них оказался любимый ученик Симеона Полоцкого подьячий Приказа тайных дел Семен Медведев, сменивший сю на посту руководителя школы в 1669 г., впоследствии постригшийся в монахи под именем Сильвестра и сыгравший большую роль в деле московского просвещения.

Но в судьбы школы постоянно вмешивалась политика. Первый её выпуск совпал с осуждением на церковном соборе патриарха Никона, стремившегося к утверждению первенства духовной власти над светской. Его противники во главе с новым патриархом Иоасафом утверждали, что знания порождают смуту в умах, «многая мудрость» рождает и «многую ересь». В этих условиях говорить о дальнейшем развитии школы, её преобразовании в высшее учебное заведение, было достаточно сложно. Все же царь Алексей Михайлович поручает написать Симеону Полоцкому проект устава, а на содержание

будущей Академии велел «приписать» несколько монастырей. Но противники не дремали, им удалось убедить царя в ненужности новых «еретических» затей, и разговоры о её создании заглохли на несколько лет.

Тем не менее образование в Москве продолжало развиваться. В 1681 г. патриарх Иоаким открыл при Печатном Дворе школу, предназначенную для учеников разных сословий. Преподавал в ней русский иеромонах Тимофей, хорошо знавший греческий язык и долгое время проживший на Афоне и в Палестине. В первый год её существования в школе обучалось греческому языку 30 человек, в 1685 г. - уже 56, в следующем - 66. Кроме того, 166 человек училось русскому языку. Всего, таким образом, в ней было 232 ученика.

Зимой 1682 г. Сильвестр Медведев подает царю Федору Алексеевичу новый проект создания Академии. По его замыслу первое высшее учебное заведение в России должно было стать свободным от церковного влияния (разумеется, в понятиях того времени), иметь, автономию в управлении. В учебную программу включалось преподавание славянского, греческого, латинского языков (откуда и название самой Академии), грамматики, риторики, поэтики, математики, астрономии, геометрии, диалектики, логики, этики, богословия, светской и церковной юриспруденции, медицины и «прочих всех свободных наук». Но царь вскоре скончался, затем последовали стрелецкий бунт и очередная смута. Сильвестр Медведев бежал из Москвы. Только в 1685 г., когда у власти утвердилась царевна Софья, которую обучал Симеон Полоцкий, Медведев возвращается в Москву и подает правительнице «Привилей» - проект создания Академии. Но полностью провести его в жизнь ему не удалось. Патриарх Иоаким предлагает несколько другой план - преобразован, школу при Заиконоспасском монастыре в Славяно-греко-латинскую академию. В итоге был принят именно он.

По плану Академия должна была давать не только духовное, но и широкое общее образование: «...ими бо возможно обрести свет разума души». В её программу входил весь цикл средневековой схоластической школы, начиная от грамматики и кончая философией «разумительной, естественной и нравной». Система обучения делилась на три ступени. В низшей обучали письму и чтению на славянском и греческом языках, в средней преподавали грамматику и латынь, а в высшей изучали риторику, диалектику, логику и физику.

Возглавить Славяно-греко-латинскую академию были приглашены по рекомендации восточных патриархов ученые-теологи братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Сначала они поселились на той же Никольской улице, в Николаевском греческом монастыре, затем - в кремлёвском Чудовом, а позднее для них были поставлены деревянные кельи в Богоявленском монастыре. Ректоры Академии одновременно были и настоятелями Заиконоспасского монастыря. Интерес в Москве к новому начинанию был огромен. Ещё до официального открытия Академии, пока строилось её здание, в конце 1685 г. начались регулярные занятия при Богоявленском монастыре с несколькими учениками типографского училища. В декабре 1685 г. было уже 28 учеников, а в следующем году - 32, из которых 6 были аттестованы как «лучшие».

Наконец, в октябре 1687 г. в Заиконоспасском монастыре открылась и сама Академия, получившая название Славяно-греко-латинской. Первый набор 1687 г. составили 104 студента, на следующий год было принято 163 человека, а в 1689 г. - 182 слушателя. В Академию охотно поступали представители московской знати. Среди учеников были два сына боярина князя Ю.М. Одоевского, сын кравчего князя Б.А. Голицына, сын дьяка В. Постникова, впоследствии доктор медицины Падуанского университета-П.В. Постников.

Тем не менее становление Академии происходило с

большими трудностями. В 1689 г. правительство Софьи пало, к власти пришел Петр I, и Сильвестр Медведев был арестован как приспешник Софьи, а в феврале 1691 г. казнен. В 1694 г., по наветам недоброжелателей и противников светского образования были отстранены от преподавания и братья Лихуды. Все же их дело не пропало. Преподавание в Академии продолжили русские ученики Лихудов, Федор Поликарпов и Николай Семёнов.

Хотя Академия имела характер духовного учебного заведения и дала церкви многих просвещенных иерархов и проповедников, огромное число её выпускников действовало именно на светском поприще. Достаточно упомянуть, что в разные годы её окончили знаменитый ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов, поэт В.К. Тредиаковский, сатирик А.Д. Кантемир, издатель первой русской «Арифметики» Л.Ф. Магницкий, основатель русского театра Ф.Г. Волков, путешественник С.П. Крашенинников, изобретатель секрета русского фарфора Д.И. Виноградов. Академия просуществовала на Никольской улице вплоть до 1814 г., когда была преобразована в Московскую духовную академию и переведена в Троице-Сергиеву лавру.

За несколько первых столетий существования российской столицы московское просвещение прошло сложный и длительный путь своего развития. На нем встречались и тяготы, и трудности, и поражения, и непонимание, и даже противодействие окружающих. Но как ни трудна была эта дорога, неприметная на первый взгляд деятельность людей, стремившихся к образованию и просвещению своих современников, всё же приносила свои плоды. Наступало XVIII столетие, вошедшее в историю под названием «Век просвещения».

ГІМНАГРАФІЧНАЯ СПАДЧЫНА Ф. СКАРЫНЫ Й С. ПОЛАЦКАГА.

Баўтовіч М.,
(г. Полацак)

Пачынаючы разгляд гімнаграфічнае спадчыны Ф. Скарыны й С. Полацкага мушу адзначыць, што маю тут на ўвазе збольшага акафісты. Удакладненьне гэтае неабходнае, бо знаходзім сярод твораў надрукаваных Ф. Скарынам і тых, што знаходзяцца ў рукапісу С. Полацкага гэтаксама каноны, стыхіры, трапары.

Напачатку азнаёмімся з стылёвымі асаблівасьцямі акафісту, паспрабуйма наблізіцца да вытокаў жанру, высьвятліць аўтарства першага твору. Акафіст, як адзін з жанраў хрысьціянскае гімнаграфіі мае свае карані ў бізантыцкай культуры VI-VIIстст. Па - грэцку назва гучыць як «"imnos akafistos», што значыць «хваласьпеў, які трэба сьпяваць стоячы». Традыцыя вядзецца ад таго часу, калі жыхары Канстантынопалю ў падзяку Багародзіцы за абарону места ад барбараў праз усю ноч, стоячы, пяялі хваласьпеў, які завецца цяпер акафістам да Багародзіцы. Сьпяваецца акафіст звычаем у пятую суботу Вялікага Посту, якая з гэтае прычыны мае назву акафіставай, а сынаксар на гэты дзень мянуе яго «песьняй несядальнаю». Акафіст да Багародзіцы лёг у падмурак цэлага жанру. Пачынаецца твор зь першага кандаку, які мае ўласную назву «кандак сьвята Дабравешчаньня» і сьпяваецца асобна 25-га сакавіка. Пасьля яго зьмешчаныя яшчэ дванаццаць ікасаў і дванаццаць кандакоў. Звычайна па сканчэньні прамаўляецца пасьляакафіставая малітва. Кандак (kontakion) перакладаецца з мовы грэцкае як «скрутак» пэўна ад першаснае формы захоўва-ньня хрысьціянскіх хваласьпеваў і зьяўляецца кароткім урыўкам з жыцьця сьвятога, да якога з мольбамі зьвяртаюцца

вернікі, ці выкладам тэалягічных дагматаў. Замыкае кандак традыцыйна вокліч «Алілуя!» Ікас (oykos) - большая за кандак складовая частка, назва якой перакладаецца як «дом», што на думку дасьледнікаў адбылося ў выніку літаральнага перакладу з сырскае мовы слова «beth», якое мае два сэнсы «дом» і «страфа». Першая частка ікасу сэнсоўна зьяўляецца працягам таго, пра што распавядаецца ў кандаку. Ніжэй зьмешчаныя дванаццаць хайрэтызмаў (ад грэцкага «chayre»- радуйся, вокліча, якім пачынаецца кожны радок), злучаных рыфмаю ў пары, апошні хайрэтызам - рэфрэн, аднолькавы для ўсіх ікасаў. Рэфрэн гэты працінае твор, зьнітоўваючы яго ў вадно цэлае. Ёсьць ён апрача ікасаў і ў першым кандаку, які мае яшчэ адну назву «каптур». Лічба дванаццаць, а менавіта столькі ў акафісьце ікасаў і кандакоў без уліку «каптуру», на мове лічбавога сымбалізму азначае завершаную поўнасьць і Валадарства Божае на зямлі, бо ўтвараецца памнажэньнем трох (Сьв. Тройца) на чатыры (стыхіі). Прыгадайма тутака колькасьць радоў Ізрайлевых, апосталаў Хрыстовых, брамаў Ерусаліму Нябеснага (Адкрыцьцё 21: 12-21). Такім чынам спалучэньне колькасьці ікасаў з колькасьцяй хайрэтызмаў у іх дае дасканаласьць, памножаную на саму сябе й разам з альфабэтным грэцкім гранавершам ад Альфы да Амэгі мусіць засьведчыць, што Госпад наш Ісус Хрыстос ёсьць найвышняю дасканаласьцяй. Ён «... Альфа й Амэга, пачатак і канец, першы й апошні...» (Адкрыцьцё 22: 13) - вось сымбалічны й зьместоўны сэнс усяго твору. Падзяляецца акафіст умоўна на дзьве часткі: гістарычную, дзе зьмешчанае апісаньне падзеяў, зьвязаных з прыйсьцем Хрыста ў гэты сьвет, і дагматычна-маральную, у якой тлумачыцца глыбінны сэнс таго, пра што напісана ў першай палове твору. Парныя хайрэтызмы, як пазначана вышэй ахопленыя рыфмаю тыпу гомэатэлеўту, што ўтвараецца праз пастаноўку ў канцы радкоў словаў з аднолькавымі канчаткамі і надае акафісту яшчэ большую прыгажосьць і вытанчанасьць. Хаця перакладчыкі яго на лацінскую

й славянскую мовы на жаль ня здолелі захаваць гэтае адметнасьці, але менавіта адсюль бярэ пачатак эўрапейская танічная паэзія. Таму з гледзішча формы й зьместу акафіст да Багародзіцы ўяўляе ўнікальны ў сваёй дасканаласьці твор, нездарма ж грэцкая традыцыя называе Акафістам толькі гэты твор (яго й мы будзем далей гэтак менаваць). Усе пазьнейшыя творы гэтага жанру завуцца ікасамі. Вялікі знаўца Ўсходняе Царквы князь Максымільлян Саксонскі пісаў: «Акафіставы гімн належыць да найслаўнейшых паэтычных твораў усяго грэцкага сьвету». Уплыў Акафісту на лацінскую культуру можна бачыць і сёньня ў літаніях, што пераянялі форму ікасаў.
Час напісаньня Акафісту дакладна не вядомы, але прамежак часу можна вызначыць, калі прыняць да ўвагі, што тэалягічна - дагматычны зьмест Акафісту стаўся мажлівым толькі пасьля трэцьцяга Сусьветнага Сабору ў Эфэсе, які адбыўся ў 431г. й прызнаў сьв. Марыю за Багародзіцу. Верхняя мяжа акрэсьленая тым, што напрыканцы VIIIст. Акафіст быў ужо перакладзены на лацінскую мову бенэдыктынамі ў манастыры сьв. Гала(†645г.) (Сэнт-Галэн, сучасная Швайцарыя) і ў якасьці галоўных ворагаў хрысьціянскае веры аўтар твору называе агняхвалаў-зарастрыйцаў, а не сарацынаў(арабаў) носьбітаў ісламу. Такі стан захоўваўся да 651г., калі абрынулася ў друз сасанідзкая дзяржава, і нават менш таго, да 630-640гг., часу ўдалых заваёваў Абу Бэкра й Амара. Да таго ж «каптур» Акафісту згадвае пра выбаўленьне ад чужынцаў, якія непасрэдна пагражалі Канстантынопалю. У вызначаных хрaналягічных рамках гэткія варункі склаліся ўлетку 626г., калі сталіца была ледзь уратаваная ад войскаў обраў і пэрсаў. Паводле старой сынаксарнае заўвагі Акафіст першы раз сьпявалі 7 жніўня 626 году. Такім чынам ў 626 годзе быў напісаны «каптур», які пачынаецца словамі «Te “Ipermacho Stratego...» (Табе Ваявода Ўсепераможная...), і быў урачыста прасьпяваны Акафіст, але з гэтага не вынікае, што тады ж быў напісаны

сам твор. Ёсыдь падставы думаць, што напісаны ён раней, а 7 жніўня 626г. ня дата напісаньня Акафісту, але мяжа, што акрэсьляе час, і пазьней за якую твор ня мог зьявіцца.

Вызначыць аўтара гэтага дзівоснага твору ня менш складана чым час напісаньня. Зь вядомых гістарычных асобаў найчасьцей згадваюць Рамана Міласьпеўца (Melodos) й Гэорга Пісыду. Раман Міласьпевец (†555г.) нарадзіўся ў сырыйскім месьце Эмэсе, быў дыяканам у Бэйруце. На пачатку VIIст. зьявіўся ў Канстантынопалі. Знакамітым стаўся праз стварэньне кандакоў, якіх напісаў блізу тысячы. Захавалася ж зь іх толькі 85. Вернікам вядомыя ягоныя кандакі на Раство: «Дзева сёньня Над'існага нараджае... » і на Вялікдзень: «Хаця й у магілу зыйшоў... ». Азначаныя кандакі на самой справе ёсьць толькі зачынамі значна большых твораў, што мелі такую самую назву. Гэтыя Раманавы кандакі складаюцца з 18-24 строфаў (ікасаў), аб'яднаных аднолькаваю мэтрычнаю будоваю й скразным рэфрэнам. Зачын твору ці «каптур» меншы памерам за ікасы й мае іншую структуру, але з тым самым рэфрэнам. Першыя літары «каптуру» і ікасаў звычайна ўтвараюць granaверш: «Твор ціхмянага Рамана» ці іншы падобны выраз. Мэтрыка кандакоў сылабічная з даволі пасьлядоўным улікам тонікі. Такім чынам Акафіст і кандакі Рамана Міласьпеўца маюць у будове шмат агульных рысаў: колькасьць строфаў, скразны рэфрэн у ікасах, мэтрыку, granaверш. Розьніцца ж Акафіст большай унутранай вытанчанасьцяй і наяўнасьцяй меншых строфаў (кандакоў) і хайрэтызмаў.

Гэорг Пісыда - дыякан і хартафілак канстантынопальскай катэдральнае цэрквы сьв. Сафіі (610-638гг.). У сваіх творах апяяў перамогі імпэратара Гэракла І. Шырока вядомы ягоны твор «Вайна з обрамі», у якім апісаныя падзеі 626 году й аблога Канстантынопалю обрамі ды пэрсамі. Таксама Пісыду належыць «Шасьцідзён ці пра стварэньне сьвету». Гэты вялікі паэтычны твор (1894 радкі) разам з «Шасьцідзёнам» Базыля

Вялікага быў у тыя часы надзвычай папулярны. Пісаў свае творы Пісыда 11-радковым ізасылабічным вершам. Як відаць паэмы Пісыды зьвязаныя з Акафістам храналягічна, але не стылёва. Таму з двух паэтаў Раман Міласьпевец ёсьць больш верагодным аўтарам. Зусім мажліва, што напісаны твор іншаю асобай, якая засвоіла й цудоўна перапрацавала творчыя знаходкі Рамана.

Але ўжо надыходзіла іншая эпоха - час панаваньня новага гімнаграфічнага стылю званага канонам, закладальнікам якога стаўся сьв. Сапрон (†638г.) патрыярх Ерусалімскі. У творчасьці ж сьв. Андрэя Крыцкага (660-740гг.), аўтара дзівоснага Вялікага Канону, гэгы стыль дасягнуў сваёй вышыні. Зь цягам часу склалася традыцыя, паводле якой акафісты зьмяшчаліся ў сярэдзіне аднайменных канонаў пасьля шостай песьні(ірмасу). Спачатку акафіст, як гімнаграфічны жанар, разьвіваўся ў межах бізантыцкае культуры з захаваньнем нормаў, закладзеных першым творам. Крыніцамі для напісаньня станавіліся ня толькі Стары й Новы Запаветы ці псальмы, але й апакрыфічныя творы. З пашырэньнем культуры акафісту паўстала неабходнасьць у перакладах на іншыя мовы. Пры выкананьні перакладу перавага аддавалася сэнсу, як з кананічнымі тэкстамі, таму гранаверш і рыфмаваньне хайрэтызмаў былі страчаныя, што відаць у лацінскім і славянскім перакладах Акафісту. Пачала вагацца колькасьць хайрэтызмаў нават у межах аднаго твору. Даволі часта зьнікаў трынаццаты кандак. Характэрны для хайрэтызмаў вокліч: «Радуйся» зьмяняўся на іншыя звароты: «Ісусе», «Госпадзе», «Слава» і г. д.

«Малая падарожная кніжка» Ф. Скарыны зьмяшчае восем акафістаў. Уклад выкананы паводле бізан-тыцкага ладу штодзённых малітваў (гл. «Малітвы на ўвесь тыдзень» Кірылы Тураўскага), пры якім нядзеля прысьвячаецца Ўваскрошаньню Хрыстову; панядзелак - Анёлам; аўторак - Яну Папярэдніку; серада - Багародзіцы; чацьвер - апосталам і сьв. Міколу біскупу

Міраў Лікійскіх, якога вернікі Ўсходняе Царквы лічаць роўным апосталам; пятніца - пакутам і крыжовай сьмерці Госпада нашага Ісуса Хрыста; субота - усім сьвятым. Скарына з замілаваньнем ставіўся да традыцыяў, на карысьць чаго сьведчыць ня толькі лад укладаньня акафістаў, але й падыход да іхняга перакладу й апрацоўкі. У адносінах да структуры мэтад ягоны можна характарызаваць, як рэстаўрацыйны. Дзеля дасягненьня пасьлядоўнага папарнага рыфмаваньня хайрэтызмаў Скарына зьмяняў адны словы на блізказначнікі, другія нерастаўляў у межах хайрэтызму, зьмяняў лад хайрэтызмаў. Падобна на тое, што наш першадрукар быў знаёмы ня толькі з грэцкім тэкстам Акафісту але й зь іншаю гімнаграфічнай паэзіяй V-VII стст., у прыватнасьці Рамана Міласьпеўца. На карысьць гэтага сьведчыць наяўнасьць гранавершаў падобных да Раманавых у акафістах, створаных самім Скарынам, хаця гэта можна патлумачыць й паўднёва-славянскімі ўплывамі, знаёмствам з творчасьцяй Пахома Лагапета і Рыгора Цамблака, які ў 1415-1420гг. быў мітрапалітам Кіеўскім. Перапісвальнікам жа пазьнейшага часу гранаверш невядомы, у гэтым можна ўпэўніцца, паглядзеўшы на яго разбурэньне ў выніку пазьнейшых перапісваньняў з праўкай тэксту. У пасьляакафіставых малітвах Скарына выкарыстоўвае гомэатэлеўты, як тое рабілі Прокал Канстантынопальскі (Vст.) і Раман Міласьпевец. Пры разглядзе акафісты, зьмешчаныя ў «Малой надарожнай кніжцы» можна ўмоўна падзяліць на чатыры групы. Першая будоваю цалкам супадае з кананічнаю, гэта ўласна Акафіст да Багародзіцы. Другая: у будове маюцца адхіленьні: у кандаку першым замест рэфрэну зьмешчаны вокліч «Алілуя». Іхнія адпаведнікі былі вядомыя раней. Гэта акафісты да сьв. Міколы й Арханёла Міхайлы. Трэцьцяя: ня маюць трынаццатага кандака і іхнія адпаведнікі ня знойдзены. Гэта акафісты да магілы й крыжа. Чацьвертая: ня маюць трынаццатага кандака й рэфрэну ў кандаку першым. Гэта акафісты да Пётры й Паўлы, Яна

Хрысьціцеля, імя Ісусава.

Зьмешчаны Скарынам пераклад Акафісту да Багародзіцы амаль цалкам адпавядае кананічнаму Пераклад, а менавіта гэта рабіў Скарына, бо пісаў пасьля канону да Багародзіцы: «... перакладзены з грэцкае мовы на рускую...», ён разумеў як выверку і праўку тэксту. У скарынавым варыянце ёсьць адхіленьні, якія могуць дапамагчы знайсьці той рукапіс, што паслужыў укладальніку. Вызначальнымі ёсьць: згадка ў кандаку шостым пра прароцтва Балямава й ужываньне ў кандаку дзесятым слова «авечка» замест «чалавек». Параўнаць скарынаў варыянт з кананічным можна па выданьні а. А. Надсона «Акафіст найсьвяцейшай Багародзіцы», Лёндан, 1992. Але ня выключана, што Скарына меў перад вачыма рукапіс славянскага перакладу Акафісту й канону, бо скарынаў пераклад канону супадае з кананічным, а ў тэксьце Акафісту ёсьць памылкі, якія маглі зьявіцца ў выпадку карыстаньня ня якасным славянскім рукапісам: «света» замест «совета»(ікас 2), «пленице» - «плетения» (ікас 9), «псальмы» - «песка» (кандак 11). Праўда гэтыя памылкі маглі зьявіцца й пры наборы. Галоўная ж адметнасьць скарынавага варыянту рыфмаваньне хайрэтызмаў.

Другім акафістам, які добра супадае з кананічным варыянтам ёсьць акафіст да сьв. Міколы. У некаторых крыніцах гэты акафіст прыпісваецца кіеўскаму мітрапаліту Ахрэму II (1090-1096) і прысьвечаны перанясень-ню мошчаў сьвятога да Бары(Італія) ў 1087г. Параўнаньні паказалі, што адрозьненьні паміж варыянтамі большыя чым у выпадку Акафісту (карэляцыя недзе 80% пры 95% для Акафісту). Гэта дае падставу для думкі, што і ў дадзеным выпадку маем таксама справу зь перакладам. Тады аўтарства Ахрэма II сумнеўна.

Акафіст да Арханёла Міхайлы, зьмешчаны ў кніжцы Скарыны, будовай амаль ня розьніцца з кананічным. Пры параўнаньні выяўлена, што кандакі й першыя часткі ікасаў

добра супадаюць з кананічным варыянтам (карэляцыя недзе 60-70%), хайрэтызмы ж цалкам не падобныя. Хайрэтызмы кананічнага акафісту вызна-чаюцца большай шматслоўнасьцяй і меншай колькасьцяй іх у ікасе(7).

Казаць нешта пэўнае пра акафісты да Магілы Господняй і жыцьцядайнага Крыжа Господняга немагчыма з-за нястачы матар'ялу. Абодва акафісты ў адрозьненьні ад традыцыйнай будовы ня маюць трынаццатага кандака. Акафіст да магілы мае акрамя таго ў складзе ікасаў толькі 6 хайрэтызмаў. Параўнальны аналіз не выявіў агульнага паміж скарынаўскім акафістам да Крыжа Господняга й традыцыйным. Калі традыцыйны акафіст грунтуецца на Сьвятым Пісьме, дык крыніцамі для скарынаўскага сталіся ня толькі Стары й Новы Запаветы, але й паданьне пра знойдзеньне крыжа сьв. Аленай і зьяўленьне яго імпэратару Канстантыну.

Акафіст да Петры й Паўлы з гранавершам вядомы з XVст. і прыпісваецца канстантынопальскаму патрыярху Ісыдару (1347-1349гг.). Наяўнасьць ў славянскім тэксьце альфабэтнага гранаверша заслуга невядомага перакладчыка, які зьмясьціў гранаверш паводле кірылічнага альфабэту, адкінуўшы літары, што стаяць у ім пасьля амэгі. Пэўна ў Скарыны й маем той самы акафіст, бо вершы, што папярэднічаюць уласна акафісту, гранавершам не ахопленыя.

Аўтарства акафіста да Яна Папярэдніка прыпісваюць таму ж канстантынопальскаму патрыярху Ісыдару, але гэта тычыцца кананічнага твору. Акафіст жа, што зьмешчаны Скарынам, зусім не падобны да кананічнага. Ён мае значныя адхіленьні ў будове: адсутнасьць 13-га кандака, рэфрэна ў 1-м кандаку. Наяўнасьць гранавершу «ПИСАЛ ДОКТОР СКОРИНИЧ ФРАНЦИСКУС», якім ахоплены ня толькі сам акафісг але й папярэднія трапары й стыхіры, што звычайна чытаюцца перад канонам, дае падставы для думкі пра аўтарства самаго Скарыны.

З усіх акафістаў «Малой падарожнай кніжкі» найбольш нязвыклым ёсьць акафіст да імя Ісусава, які акрамя адхіленьняў у будове (адсутнасьць 13-га кандака й рэфрэну ў 1-**м** кандаку) вылучаецца тым, што ня мае скразнога рэфрэну. Ягонае месца займае трынаццаты хайрэтызам, уласьцівы толькі канкрэтнаму ікасу. Але апошнія хайрэтызмы ікасаў падобныя адзін да аднаго. У выніку сувязь структуровых частак твору замест трывалага зьнітаваньня набывае форму гнуткае повязі. Акафіст да Госпада Ісуса, што вядомы перапісвальнікам з XVст., паслужыў Скарыну зыходным матар'ялам. Параўнальны аналіз выявіў, што кандакі й уводныя часткі ікасаў скарынаўскага й кананічнага акафістаў зусім розныя, але хайрэтызмы маюць шмат агульнага. Супадзеньні ў тэкстах хайрэтызмаў вагаюцца ад 40% у ікасе 12 да 80-90% у ікасах 4 і 6. Такім чынам ствараючы новы акафіст Скарына пазычыў агулам блізу 60% хайрэтызмаў з старога акафісту, апрацаваўшы й паставіўшы іх на новыя месцы. Упэўняе нас у тым, што гэта твор скарынаў і гранаверш «ДЕЛАЛ ДОКТОР СКОРИНИЧ ФРАНЦИСКУС», якім ахоплены ня толькі сам акафіст але й папярэднія вершы.

Параўнаньне вершаў, зьмешчаных перад Акафістам да Багародзіцы ў «Малой падарожнай кніжцы» з кананічнымі з службы Багародзіцы дае падставы сцьвярджаць, што яны не зьяўляюцца творамі Скарыны. ВЕРШы 1-3 ёсьць стыхірамі на «Госпадзе клічу... » (тон 6); СЛАВА - СЛАВА, І ЦЯПЕР на «Госпадзе клічу... » (тон 2); І ЦЯПЕР - СЛАВА, І ЦЯПЕР стыхіраў на стыхоўні (тон 2). У акафісьце да Пеётры й Паўлы ВЕРШ 1 падобны да трапара сьвятым (тон 2) на сьвята 29 чэрвеня. Верш І ЦЯПЕР у акафісьце да сьв. Міколы ёсьць трапаром (тон 2) з службы да сьвятога. Верш пад тытулам СЛАВА ў акафісьце да Крыжа Гасподняга мае такі самы тытул і зьмест, што й у каноне да Сьвятога Крыжа (песьня 1, тон 4) Рыгора Сынайца, а ВЕРШЫ 2 і 3 падобныя да ЗАПЕВУ з таго самага твору. Вершы ВЕРШ 1-3, СЛАВА у акафісьце да імя

Ісусава вельмі падобныя да стыхіраў на «Хваліце...» (тон 4) з кананічнага акафісту да Госпада нашага Ісуса Хрыста. Не зважаючы на тое, што гэтыя вершы ахопленыя разам з усім акафістам адным скарынаўскім гранавершам, мусім прыняць да ўвагі згадку ў зьмесьце «Малой падарожнае кніжкі», што гэтыя стыхіры Госпаду Ісусу ёсьць творамі манаха Студыцкага манастыру Тэактыста(IXст.). Як відаць з вышэй напісанага ўносак самога Скарыны ў айчыннуто гімнаграфічную спадчыну вымагае далейшых пошукаў.

Сымон Полацкі ў справе гарманізацыі Акафісту пайшоў шмат далей за Скарыну. Скарына рабіў толькі аздабленьне твору хаця й добра ведаў сылабіку, аб чым сьведчыць уступ да кнігі Ёва:

Богу въ Троици единому ко чти и ко славе
Матери Его Пречистой Марии к похвале
Всем небесным силам и святым Его к веселію
Людем посполитым к доброму научению.

Сымон Полацкі ж увесь Акафіст выклаў адзінаццацісkладовым сылабічным вершам, тым самым разбурыўшы былую структуру й стварыўшы новую. Захаванымі засталіся падзел на кандакі й ікасы, наяўнасьць рэфрэну ў ікасах і першым кандаку, але нутраная будова зьмененая. Кандакі й ікасы ўжо структурова ня розьняцца, хайрэтызмы ў межах ікасу не выдзяляюцца, а зьяўляюцца звычайнымі двухрадкоўямі. Памер хайрэтызму тут не абмяжоўваецца адным радком. Бывае, што ён пашыраны на ўсе двухрадкоўе, ці пачынаецца зь сярэдзіны аднаго радка й сканчаецца на сярэдзіне другога. Стылёвыя зьмены вымагалі зьмены зьместу, таму зразумела, што акафіст да Найсьвятой Дзевы розьніцца з Акафістам і сэнсам. Параўнаньне пераконвае ў тым, што для твора Сымона Полацкага крыніцаю стаўся кананічны пераклад Акафісту (адсутнасьць згадкі пра Баляма й пасьлядоўнасьць хайрэтызмаў). Напісаны акафіст да Найсьвятой Дзевы, як вынікае з

тэксту, у 1648г. калі Сымон Полацкі навучаўся ў кіеўскай Магілянскай калегіі. Пазьней недзе ў 1651г. ён ад'ехаў да Вільні.

Тое, што напісана вышэй пра падыход Сымона Полацкага ў справе рыфмаваньня акафісту да Найсьвятой Дзевы, ёсьць справядлівым пры разглядзе акафісту да Госпада нашага Ісуса Хрыста. Час напісаньня твору недзе 1648-5Ігг., бо стылёва абодва акафісты вельмі падобныя. Узорам для яго паслужыў хутчэй за ўсе акафіст кананічны, на карысьць чаго сьведчыць урывак пра дзяўчыну хананэйскую ў кандаку першым. Удакладніць крыніцу для акафістаў С. Полоцкага пэўна дапаможа зьмест пасьляакафіставых малітваў. Цяжка адказаць зь якою мэтай пісаў вучань Магілянскае калегіі гэтыя творы. Пераклад на польскую мову пэўна абумоўлены значнаю палянізацыяй грамадзкага жыцьця ўсходніх земляў тагачаснае Рэчы Паспалітае. Славянская мова была ўжо незразумелая, а беларуская, як дзяржаўная, паступова свае пазыцыі траціла. У гэткіх варунках адукаваная частка грамадзтва, без увагі на канфэсыйную прыналежнасьць, арыентавалася на мову польскую. Яшчэ раней з гэтае ж прычыны ў 1635г. праваслаўны мітрапаліт Кіеўскі Сыльвэстар Косаў пераклаў і выдаў у польскай мове «Пацярык пячэрскі». Ніжэй дзеля параўнаньня падыходаў Ф. Скарыны й С. Полацкага да апрацоўкі Акафісту зьмешчаныя пераклады пятага ікасу.

Кананічны:

Видеша отроцы халдейстіи, на руку Девичу создавшаго руками человеки, и Владыку разумевающе Его, аще и рабій приял зрак, потщашася дарми послужити Ему и возопити Благословенней:

Радуйся, звезды незаходимыя Мати
Радуйся, заре таинственнаго дне
Радуйся, Троицы таинники просвещающая
Радуйся, мучителя бесчеловечнаго изметающая от начальства

Радуйся, Господа человеколюбца показавшая Христа
Радуйся, варварскаго избавляющая служенія
Радуйся, тименія изимающая делъ
Радуйся, огня поклоненіе оугасившая
Радуйся, пламене страстей изменяющая
Радуйся, верныхъ наставнице целомудрія
Радуйся, всехъ родовъ веселие
Радуйся, Невесто неневестная

Францішка Скарыны:

Видеша отроци халдейстиі, на руку Девичю создавшего рукама человеки, и Владыку разумевающе Его быти, аще и рабиі приат зракъ, подщашеся дарми угодити Ему, и возопиша Благословенной:

Радуйся, Мати звезды незаходимое
Радуйся, свете зори утренее
Радуйся, прельсти пещъ оугасивши
Радуйся, о Троици человеки просветивши
Радуйся, врага немилостива от власти изметающи
Радуйся, Господа человеколюбца Христа показующи
Радуіся, иже отводиши от служебъ поганских
Радуйся, иже избавляеши от делъ скверных
Радуйся, огню поклонение оуставльши
Радуйся, пламени страшного силу изменивши
Радуіся, верным наставнице и целомудрие
Радуйся, всехъ народов веселие
Радуіся, Невесто неневестная

Сымона Полацкага:

Gdy obaczyli chaldeyscy krolowie
Na reka Panny prawdziwi wießczkowie
Tworce czlowieka, Panem Go uznali
Lub niewolnikie stal, ofiarowali
Dary Mu godne z uslugami swemi

Spiewaiac wdziecznie glosy rozlicznemi
Badz pozdrowiona, gwiazdy nieschodzacey
Matko, swiatloscia swiat oswiecaiacey
Badz pozdrowiona, jutßenko ognista
Dnia taiemnego, Dziewico Pßeczysta
Badz pozdrowiona, piec ugaßaiaca
Klamstwa a skrytosc Troycy ziawiaiaca
Badz pozdrowiona, zes kaceßa zlego
Wygnala Panno z dziedzictwa twoiego
Badz pozdrowiona, czlekolubiwego
Rodzaca Panno Syna iedynego
Badz pozdrowiona, niewole poganskiey
Nas zbawiaiaca pßez moc reki Panskiey
Z sprosnych uczynkow wßytkich oczyscilas
Poklon ogniowi Panno ugasilas
Badz pozdrowiona, plomienie gaßaca
Affectow ciala y zadze nißczaca
Badz pozdrowiona, mistßynio czystosci
Wierny narodom pßyiemna radosci
Badz pozdrowiona, Matko pßy panienstwie
Panna zrodzilas Boga w czlowieczenstwie

МАРАЛЬНА-ВЫХАВАЎЧЫ АСПЕКТ ПЕДАГАПЧНАИ СПАДЧЫНЫ СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА

Болбас В. С.,
(г. Мазыр)

Выключная ўвага Сімяона Полацкага да праблемы маральна-духоўнага ўдасканалення грамадства ў значнай ступені бьша абумоўлена пастаяннай скіраванасцю да маральна-этычных праблем грамадскай і педагагічнай думкі ўсходніх славян, адпаведным напаўненнем зместу хрысціянскага веравучэння і ўплывам на мысліцеля рэнесансавых ідэй эпохі Адраджэння.

Пастаянна абапіраючыся на дасягненні ўсходнеславянскай педагагічнай культуры, творча выкарыстоўваючы распрацоўкі заходнееўрапейскіх гуманістаў, праяўляючы клопат аб шырокім, выходзячым за рамкі афіцыйнай артадаксіі, разуменні хрысціянскай этыкі, Сімяон Полацкі ўнёс значны ўклад у распрацоўку айчынных тэарэтычных асноў маральнага выхавання. У процівагу сярэднявяковым уяўленням аб сапсаванасці чалавечай прыроды, схільнасці яе да зла, філасаф-педагог першым з еўрапейскіх мысліцеляў аднаўляе антычную ідэю Арыстоцеля аб адсутнасці ў чалавека прыроджаных ідэй. Уяўленне аб душы чалавека як аб «чыстай дошцы» (tabula rasa) вызначае капцэптуальны падыход да выхавання як усемагутнай пераўтвараючай сіле, якая здольна істотным чынам удасканаліць кожную асобу і грамадства наогул. Па гэтай прычыне Сімяон Полацкі яўна пераацэньваў магчымасці выхавання, але на той час гэта было прагрэсіўнай з'явай у абгрунтаванні неабходнасці спецыяльнай арганізацыі асветна-выхаваўчых працэсаў.

Асновай эфектыўнасці выхаваўчых намаганняў айчынны педагог лічыў чалавечы розум, а дакладней яго развіццё і ўдасканаленне. Фарміраванне дабрачыннай асобы, на яго думку, немагчыма без разумовага развіцця. Таму ў многіх сваіх трактатах Сімяон дае канкрэтныя парады, якім чынам і з дапамогай якіх метадаў і сродкаў магчыма ўдасканаленне розуму, а праз яго і фарміраванне маральнасці. Магістральным шляхам такога працэсу ён лічыць узбагачэнне розуму ведамі, набыццё мудрасці, адукаванасці. У шырокай асвеце народных мае ён бачыў шлях іх маральна-духоўнага аздараўлення. Прычым кнізе і кніжным ведам адводзіцца першаступеннае месца.

Паставіўшы ў якасці ўтвараючага пачатку сваёй выхаваўчай сістэмы чалавечы розум, Сімяон вялікую ўвагу надае спецыяльна арганізаванаму навучанню. У сваіх дыдактычных распрацоўках ён арыентуе на актыўнае, асэнсаванае набыццё ведаў. Сур'ёзную ўвагу звяртае на ўзроставыя асаблівасці і псіхалагічныя адметнасці дзяцей. Важна, што маральнае развіццё педагог не ставіць у поўную залежнасць ад навучання і значную ўвагу надае ўласна маральна-выхаваўчаму ўздзеянню: прыклад бацькоў і настаўнікаў, шматлікія сродкі метадаў пераканання, прывучэння, заахвочвання, пакарання і інш.

Вялікую ролю ў маральным выхаванні ён адводзіць *наст*аўніку, а яшчэ большую сям'і. У распрацоўцы пытанняў сямейнага выхавання у айчыннай грамадскай і педагагічнай думцы Сімяона Полацкага з упэўненасцю можна назваць адным з пачынальнікаў. Прычым ён першы сярод усходнеславянскіх педагогаў узняў пытанні аб выхаванні дзяўчынак і аб ролі маці ў сямейным выхаванні.

Аналіз педагагічнай спадчыны Сімяона Полацкага дае падставы сцвярджаць, што ў адрозненне ад многіх іншых еўрапейскіх мысліцеляў-педагогаў, адны з якіх у выхаванні аддавалі прыярытэт школе, іншыя сям'і, ён сцвярджаў, што клопат аб выхаванні дзяцей павінен быць усеагульным клопатам і

сям'і, і школы, і грамадства, і дзяржавы.

У адрозненне ад ідэй асновапаложнікаў рэнесансавага руху - гуманістаў Італіі, якія стрыжнем гарманічнага фарміравання асобы лічылі маральна-духоўнае развіццё, але раўнапраўнымі кампанентамі пры гэтым выступалі разумовае і фізічнае ўдасканаленне, Сімяон Полацкі яўна заніжаў ролю апошняга. Тым не меньш, у параўнанні з прадстаўнікамі паўночнага Адраджэння, якія наогул ігнаравалі клопат аб целе, ён заяўляў, што цвярозасць розуму непасрэдна залежыць і ад фізічнага здароўя індывіда. Прытрымліваючыся падыходаў больш ранняй арганізацыі выхавання дзяцей, Сімяон пры вызначэнні такога ўзросту ў катэгарычнай форме выказаў слушную ідэю аб неабходнасці выхавання дзяцей з моманту іх нараджэння.

Прынцыпова адрозніваюць Сімяона Полацкага ад дзеячаў гуманістычнай педагогікі падыходы ў вызначэнні характару адносін выхавацелей да выхаванцаў. У той час калі еўрапейскія гуманісты рашуча асуджалі грубасць, жорсткасць настаўнікаў, і толькі асобныя ў якасці выключэння дапускалі падчас за пэўныя ўчынкі фізічныя пакаранні, Сімяон, аддаючы даніну ўсталяваўшайся традыцыі, заклікае «не щадити жезла» у выхаванні дзяцей.

Адным з тлумачэнняў падобнай пазіцыі педагога з'яўляецца тое, што іншыя погляды проста не былі б успрыяты ў існаваўшай рэчаіснасці і асветна-выхаваўчая місія слыннага педагога, якой ён цалкам і поўнасцю прысвяціў свае жыццё, проста была б немагчымай. У гэтым напрамку слушнымі з'яўляюцца папярэджанні Сімяона аб недапушчэнні перарастання любві і клопатаў бацькоў да дзяцей у «празмерную любоў», якая вядзе да ўседазволеннасці, патакання капрызам і, у рэшце рэшт, прыводзіць да адмоўных выхаваўчых вынікаў.

Прытрымліваючыся прынцыпу прыродаўзгодненнасці выхавання Сімяон Полацкі адказы на многія пытанні грамад-

скага ўладкавання і арганізацыі выхаваўчых працэсаў шукаў у агульных законах прыроды. Ён пастаянна падкрэсліваў, што сумеснае суіснаванне, абшчыннасць, узаемная дапамога ёсць пераважаючы факт прыроды, яе агульнае правіла. На думку мысліцеля, менавіта, грамадскі інстынкт з'яўляецца крыніцай, якая сілкуе ўсе маральныя пачаткі і надае дынамізм далейшаму развіццю маральнасці. Неаднаразова Сімяон Полацкі падкрэслівае, што першым настаўнікам маральнасці з'яўляецца сама прырода, якая вучыць асабістае Я замяняць на грамадскае МЫ. Паняцце аб дабры і зле выпрацоўваюцца, такім чынам, не на аснове таго, што ўяўляе сабой дабро ці зло для асобнага чалавека, а на тым, што яны ўяўляюць сабой для пэўнай людской супольнасці. У сваю чаргу маральна-духоўны ўзровень канкрэтнага чалавека вымяраецца перш за ўсё карыснасцю, грамадскай значнасцю яго дзеянняў і ўчынкаў. Добрыя справы, а не пачуцці і намеры павінны вызначаць сапраўднага чалавека. Тут яўна прасочваецца сімбіёз элементаў язычніцкай і хрысціянскай этыкі ў поглядах мысліцеля, што было характэрным для старажытнарускай філасофскай думкі.

Такім чынам, аналізуючы адпаведныя погляды выдатнага айчыннага мысліцеля, можна прыйсці да высновы, што ім зроблены істотны ўклад у развіццё сусветнай этыка-педагагічнай думкі, закладзены трывалыя цагліны ў падмурак фарміравання тэарэтыічных асноў маральнага выхавання на ўсходнеславянскіх землях. Многія ідэі педагога шмат гадоў былі сапраўдным арыенцірам для арганізатараў працэсу маральна-духоўнага удасканалення грамадства. Не страцілі сваёй каштоўнасці яны і ў наш час.

НЯБЕСНЫЯ НАВУКІ І ЗЯМНЫЯ ШЛЯХІ СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА.

Віцязь С. П.,
(г. Мінск)

Сімяон Полацкі, ураджэнец беларускага горада Полацка, прызнаны дзеяч культуры часоў сярэднявечча, загадкавая і натхняючая асоба, вывучэнне якой яшчэ далека не дасягнула апошняй мяжы.

У дадзеным паведамленні разглядаецца падыход да асэнсавання дзейнасці Сімяона Полацкага з пункту гледжання яго сацыяльнага ўплыву. Вылучаюцца мэты і сродкі гэтага ўплыву, іх палітычны характар. Прапануецца новая канцэпцыя асэнсавання яго біяграфіі.

Агульнавядомыя вызначэнні творчага шляху Сімяона Полацкага: паэт, педагог, асветнік, прапаведнік, багаслоў, інш. - заклікаюць да пэўных удакладпенняў. Прывядзем яго абгрунтаваныя характарыстыкі: Сімяон Полацкі «не принадлежит к числу великих писателей, но... положил основание в русской литературе в той отрасли которая до него почти совсем не была разработана - поэзии и драматургии» [1, с. 260]; - «не ставил перед собой задачу научить чему-то принципиально новому. Он стремился обобщить всё, что было зафиксировано в книжной мудрости, и этому исчерпывающему знанию научить максимально широкую аудиторию» [2, с. 218]; - «был среди тех, кто ещё в XVII в. стремился не допустить разрыва между церковью и культурой, пересказывая в виршах все новинки современной ему науки и популяризируя предания разных эпох» [2, с. 211]. Да гэтага варта далучыць і няпростае стаўленне да асобы Сімяона Полацкага з боку царкоўных уладаў, якія спачатку даручылі яму на Саборы 1666 г. пад-

рыхтаваць ідэалагічную працу («Жезл правления») супраць раскольнікаў, ва ў аб'яднанне праваслаўнай царквы, а праз 10 год пасля яго адыходу з жыцця, на Саборы 1690 г. - забаранілі яго творы, як ерэтычныя.

Для аб'ектыўнага ўспрыняцця дзейнасці Сімяона Полацкага дарэчы будзе ўзгадаць галоўныя своеасаблівасці папярэдняй эпохі: адыход першапачатковых каралеўскіх радоў Ягеллонаў (Гедзімінавічаў) у Вялікім Княстве Літоўскім (ВКЛ) (1572 г.) і Рурыкавічаў у Расіі (1598 г.), ды ўвядзенне праваслаўнага патрыярхата ў Расіі (1589 г.) і каталіцка-праваслаўнай уніі ў Рэчы Паспалітай (1596 г.). Тыя падзеі ў вялікай ступені вызначылі змест эпохі, сучаснай дзейнасці Сімяона Полацкага, калі высвятліўся грубы палітычны ціск у духоўных абшарах грамадскага жыцця, які прывёў неўзабаве да канфесійнага, а ў хуткім часе - і да этнічнага супрацьстаяння, і далей, да непрадбачанага выніку - да аб'яднання Малай і Вялікай Русі (1653-54 гг.). Вынік гэты ініцыіраваўся стыхійнымі рухамі вернікаў, і быў рэалізаваны праз вайсковыя дзеянні і палітычныя пагадненні. Падобнае адбывалася і на беларускіх землях.

На гэтым фоне стан Сімяона Полацкага выклікае пачуццё недасказанасці. Ці не супярэчыць яго актыўная мастацкая дзейнасць заклікам да «аб'яднання зямель Белай і Вялікай Русі»? (У своеасаблівай, дарэчы, форме): Всадник меченосный (1) с копейным (2) случися, Орлу светозарному (3) служите потщися. [3, с. 37] (Дзе 1 - герб ВКЛ, 2 - герб Масквы, 3 - герб Расіі).

Ці не мае рысы інфаптыльнасці такая жыццёвая пазіцыя - пакінуць радзіму, каб складваць вершы пры чужым двары? Ці не вялікая гэта цана, каб «неплохо устроиться» і «стать первым профессиональным писателем в Московском государстве» [4, с. 106]? На гэтыя запыты вышукваецца адказ у прапануемым даследванні.

Нават кароткі агляд дзейнасці Сімяона Полацкага адкрывае шматлікія рысы надзвычайнасці. Напрыклад, яго вучоба - у найлепшым на той час праваслаўным цэнтры багаслоўскай і гуманітарнай адукацыі - Кіева-Магілянскай калегіі. Яго ўзаемаадносіны - з найвышэйшымі асобамі таго часу - царом Вялікай Русі і царскім асяроддзем, Сусветнымі і Расійскімі патрыярхамі праваслаўнай царквы. Звесткі і метады, якімі ён валодаў - навейшыя і выніковыя [5]. Яго плён - гэта ўражваючая нават на сёняшні час колькасць асабістых твораў, у тым ліку друкаваных; гэта - уведзеная ім друкарня (т. зв. «Верхняя», 1678 г.) - грунтоўна абсталяваная, з мастакамі, лепшымі на той час (С. Ушакоў, А. Трухменскі) [1, с. 230]; гэта - праект стварэння Маскоўскай акадэміі (1680 г.), што ў далейшым перасягнула калегію, дзе ён вучыўся, і г. д.. Відавочна, такі чалавек - чалавек справы. Ці магла такая высокаадукаваная і дзейная асоба не імкнуцца да нечага надзвычайнага? У чым жа была звышзадача Сімяона Полацкага?

Падстава для яе разумення, як бачыцца, трапна вылучана ў даследванні [2, с. 212]: Сімяон Полацкі «испытал на себе серьезное влияние... идей святого апостола Павла. Он часто ссылается в своих виршах и проповедях на апостола Павла, цитирует его послания». Так, гэта фіксуецца, як па форме, так і па зместу («Жезл правления», «Венец веры кафолическия», «Елогион» («Орел Российский»), «Труд», «Начальник» («Вертоград... »), «Предисловие», «Желание творца» («Рифмологион»), інш.). Апостал Павел - найвялікшы з апосталаў, паколькі ў адрозненне ад іншых, быў сучаснікам, але не меў шчасця асабіста бачыць Хрыста. Між тым, зрабіў больш за іншых, паколькі Слова Боскае ўпарта праводзіў да Справы. Напэўна, Сімяону былі вядомыя словы Св. Паўла:

Подражайте мне, как я Христу. (1 Кор., IV, 16, інш.). Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в

теле, доброе или худое. (2 Кор., V, 10).

Ибо я наименьший из Апостолов... но более всех их потрудился; не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною. (1 Кор, XV, 9-10)

Для чалавека ж, абраўшага лёс святара, праз усе 14 Пасланняў Св. Паўла праходзіць заклік - усемагчыма садзейнічаць пашырэнню Царквы, якая ёсць «цела Збавіцеля Свету Ісуса Хрыста». З усіх магчымых шляхоў у гэтым высакародным накірунку Сімяон Полацкі, як бачыцца, узяўся рэалізаваць адзін з самых надзвычайных. Як рэаліст, ён звярнуўся за згодай да найбольш уплывовай асобы ў дзяржаве - да яе кіраўніка! Вядома, што ў тыя часы да маскоўскага цара, як увасабленне праваслаўнай улады ў свеце, за падтрымкай ішлі амаль бесперапынным патокам пасланнікі з зямель Белай і Малай Русі. Але, у большасці, кожны з іх запытваў пра асабістую праблему, Сімяон жа звярнуўся з заклікам усеагульным, дзяржаўнага ўзроўню, які настойліва вылучаецца скрозь усе яго творы - умацаванне, пашырэнне праваслаўнай царквы ў свеце, праз узаемадзеянне з царскай уладай. На такі ж шлях заклікаў і Св. Павел:

Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков. За царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную, во всяком благочестии и чистоте. Ибо это хорошо и угодно Спасителю, нашему Богу. (1 Тим., II, 1-3).

(Відаць, невыпадкова цар Аляксей Міхайлавіч атрымаў менавіта найменне «тишайший»). Па творах Сімяона Полацкага відавочна яго стаўленне да манархіі, асвечанай Царквою, як да найлепшага дзяржаўнага строю - Боскай улады на Зямлі. Таксама, ён мудра падзяляў абшары дзейнасці ўлады свецкай і духоўнай, у пошуках плённай раўнавагі (якую няпроста збудаваць: так, патрыярх Нікан спрабаваў парушыць яе ў адзін бок («священство выше царства»), а цар Петр I пару-

шыў у другі (падпарадкаваўшы царкву дзяржаве). Такі шлях, шлях дыялогу з манархам, адзін з найвышэйшых сярод магчымых, абірае Сімяон для дасягнення сваёй глыбіннай мэты.

Адразу ўзнікае пытанне - чаму Сімяон Полацкі не звярнуўся да караля Рэчы Паспалітай? Вельмі верагодна, што аб бесперспектыўнасці такого зварота Сімяон даведаўся ад вядомага сваёй грамадскай дзейнасцю манаха Купяціцкага манастыра Афанасія Філіповіча. Менавіта пасля падобных зваротаў таго неаднаразова саджалі ў турму і двойчы (1643 і 1645-47 гг.) высылалі ў зняволенне ў Кіева-Пячорскі манастыр [6, с. 52, 81], дзе на той час (да 1650 г.) праходзіў свой 14-гадовы навучальны курс Сімяон Полацкі. [7, с. 208] Напэўна, такая сустрэча магла адбыцца, і неаднаразова. Таксама, Філіповіч мог паведаміць і пра свой плённы зварот да расійскага пара (1638 г.). Акрамя таго, узгадаем, погляды Сімяона на царскую асобу былі досыць кананічнымі: цар павінен быць адзіным у дзяржаве і асвечаным Богам (гэтыя ідэі цар Аляксей Міхайлавіч з цяга м часу добра засвоіў):

Всякая власть от Бога,
Он бо благи дает властелины. [8, с. 338].
Солнце едино весь мир озаряет,
Бог превыспрь небо един обладает:
Тако во царстве един и мать быти
Царь, вся ему же достоит правити. [8, с. 25]

З такога пункту - становішча ў Рэчы Паспалітай не адпавядала канонам Сімяона Полацкага: у постягелонскія часы (з 1572 г.) кароль абіраўся шляхтай, а меркаванні шляхты не заўсёды супадалі, і ніякім чынам не маглі параўнацца з Боскім абраннем. Акрамя таго, ні каталіцтва, ні ўніяцтва Сімяон, натуральна, не прымаў за сапраўднае вучэнне, якое правамоцна асвячаць каралеўскую асобу. Многае сцвярджалася і рэальнымі падзеямі: у 1587 г. польская шляхта сілаю зброі не дапусціла да прэстола караля Максіміліана Габсбурга, асвечана-

га кіеўскім мітрапалітам (вышэйшы праваслаўны стан у Рэчы Паспалітай), і падтрымала пры тым асобу Сігізмунда Вазы (зацверджанага каталіцкім прымасам), што да таго ж высвятліла супрацьстаянне рэлігійных плыняў у дзяржаве. Дарэчы, надобны сюжэт Сімяон Полацкі адлюстраваў у сатырычным вершы «Wzgarda godnosci y czci pragnienie» (напісаны папольску) аб тым, як дрэвы абіралі паміж сабою караля, але кіяк не маглі зацвердзіць годнага, і нарэшце стаміўшыся, абралі абыякавага.

Страх, боязнь, раны от злого тирана.
О Боге он забывает, о славе не радеет,
На Небо плюёт, ада не страшится...
Всех он погубит и сам погибнет,
Как искра город спалив угаснет. [8, с. 168]

- так заключае Сімяон гэты твор. Бясспрэчна, не мог ён ухваліць і псеўда-манархічныя гульні Рэчы Паспалітай з Расіяй на працягу 1604-1645 гг., калі тая рыхтавала на расійскі прастол тры ілжэ-Дзмітрыі запар! (Дарэчы, Сімяон, напэўна, мог атрымаць і звесткі пра апошняга «кандыдата» «з першых рук» - ад узгаданага вышэй манаха Афанасія Філіповіча, які волею лёсу пэўны тэрмін быў таму «кандыдату» настаўнікам).

Натуральна, што Сімяон Полацкі зрабіў выбар на карысць расійскага, праваслаўнага ўладара. Да гэтага магчыма дадаць наступнае. Як вядома, царская дынастыя Раманавых паходзіць ад прускага баярына (к. XIII ст.) Гланда Камбілы (пасля крышчэння - Андрэй Кабыла) [9], род якіх для беларусаў з'яўляецца не меньш роднасным, чым для рускіх [10]. Далей, для абгрунтавання пострурыкаўскай царскай дынасціі Раманавых у Расіі было праведзена спецыяльнае генеалагічнае даследванне. Адбылося яно ў недалёкім для Сімяона Полацкага мінулым (к. XVI ст.), і ён напэўна мог азнаёміцца з тым зместам. Магло мець вагу і тое, што літаральна праз месяц

пасля першай сустрэчы ў Полацку Сімяона з царом, у Вільні адбыліся руска-польскія перамовы аб аб'яднанні зямель Малай, Белай і Вялікай Русі, і абранні Аляксея Міхайлавіча каралём Рэчы Паспалітай. Таму, можна адзначыць, што для жыхара ВКЛ асоба рускага пара была не надта далёкай.

З першай сустрэчы ў 1656 г. са сваім равеснікам, царом рускім, Сімяон здолеў паказаць, што ён бачыць тое, чаго іншыя не заўважаюць. І, не меўшы аніякіх сродкаў уздзеяння, акрамя слова, праз 8 год ён здолеў авалодаць правам звяртацца непасрэдна да расійскага ўладара (што было далёка не проста. Вядома, напрыклад, што епіскап Луцкі ў 1624 г. не здолеў патрапіць на асабісты царскі прыём нават з афіцыйнай прапановай далучыць Малую Русь да Маскоўскай дзяржавы). Месца сваё Сімяон асэнсоўваў дакладна:

Великие ж престолы - неприятны, опасны,
Полны страха, забот и неустойчивы. [8, с. 168]
Царь, вся ему же достоит правити.
Обаче в помощ трудов нестерпимых,
Да имать совет муж благочестивых. [8, с. 26].

У мастацкай, на першы погляд, творчасці Сімяона Полацкага можна ўпэўнена прасачыць праявы накіроўваючага уздзеяння на царскую палітыку, што вылучаюцца праз 3 галоўныя плыні. Усе яны вартыя падрабязнага разбору, які плануецца правесці ў наступным даследванні. Зараз жа коратка ахарактэрызуем іх.

1 - стварэнне агульна-раўнаважнай, добрай, мудрай атмасферы ў царскім асяроддзі: свайго роду псіхалагічны маніторынг, тэарэтычнымі і практычнымі прынцыпамі якога Сімяон Полацкі дакладна валодаў [5, с. 17]. Выконвалася гэта менавіта праз мастацкае ўздзеянне, абавязкова праведзенае трапна і своечасова, праз стварэнне паэтычных алегорый, віншаванняў, прывітанняў. Паколькі:

От добрых бо помыслов делеса благая

производна бывают, от злых паки злыя. [11, с. 259].

Злыя мысли в начале тщися истребити,

Егда бо силу возмут, не леть победита. [11, с. 136].

(Невядома, колькіх бедаў пашанцавала пазбавіцца дзяржаве, дзякуючы таму, што цар меў добры настрой).

2 - стварэнне ідэальнага вобразу «найлепшай улады», яе мэтаў, прынцыпаў, сродкаў. Гэтаму накірунку прысвечана вялікая колькасць асобных твораў, практычна ва ўсіх зборніках («Орел Российский», «Во царстве... », «Мудрый», інш.). Сярод галоўных палажэнняў якога: Православную веру расширяти, род прославляти. [3, с. 155]

Мало есть правды царю мудру быта, а подчинённых мудрости лишити, Речки малыя реку разширяют, мудрии роби царя прославляют. [11, с. 248].

3 - асабістыя наказы ўладарам: як самому цару Аляксею Міхайлавічу («Метры»), так і царэвічам Аляксею («Орёл Российский»), Фёдару («Приветство»), Сімяону («Благоприветствование»), Пятру («Вирши на рождение»). Сімяон Полацкі падтрымливаў, натхняў, накіроўваў, абуджаў царскіх асоб на высокія справы. У гэтым ён адчуваў вялікую адказнасць - і за манархам, і за сабой: Непристойны... царь, которы не судит, епископ (священник), который не напутствует. [11, с. 241].

Вышэйшая мэта ўсіх царскіх нарадаў Сімяона Полацкага - «пашыраць свет праваслаўны», прычым, у паступовым, планамерным руху: спачатку - спыніўшы няверных («агаранаў», «бісурманаў», «скіфаў»), потым - закранаючы Польшу, Л. зу, Украіну, Лівонію, далей - праз вызваленне Візанціі, ісці І нават да хрышчэння дзікіх лясуноў (Сібір) і потым - ўсіх названых раней няверных:

Просветися веры светом мрачная ночь неверия Асиатическия страны. [3, с. 11].

І ў выніку - прапанавалася зрабіць краіну прывабнай для кожнага, хто шукае ўвасабленне закону Боскага на Зямлі.

Заклік да першага крока гэтай праграмы - спынення «агаранаў» (мусульманаў, туркаў), адпаведна, гучаў часцей за іншыя, як найбольш актуальны. І, вядома, ён быў рэалізаваны яшчэ пры жыцці Сімяона Полацкага.

Характэрна, што ў творах 3 плыні Сімяон Полацкі асабліва мэтанакіравана звяртаецца да незвычайнай абшары ведаў - астралогіі, адной з «Сямі свабодных навук» [8, с. 122]:

Астрология бег небес отмечает, по звездам будущее легко определяет.

Сімяон упэўнены, што справы зямныя бяруць пачатак на Небе, у Боскім асяроддзі. Па словах аўтарытэтнага для яго Апостала Паўла:

Есть тела небесные и тела земные,
Но иная слава небесных, иная земных.
Иная слава Солнца, иная Луны, иная Звезд,
И звезда от звезды разнится в славе своей. (1 Кор., IV, 40-41).

Сімяон, разумеючы адказнасць за будучы лёс, за атрыманы давер, звяртаўся да манарха, сцвярджаючы сваё валоданне тым надзвычайным разуменнем неба:

Оураноскопий (ад «планеты астролагаў» - Урана) или зритель неба
В твоём есть брезе. Емли како треба
Архиреи оураноскопствуют,
Божественная егда си оумствуют. [3, с. 63].
Знающе правду, а о ней молчати,
Есть злато в землю тщетно закопати. [4, с. 144].

Істотна, што святар папярэджваў аб тым, што вядзенне нябеснай, астралагічнай справы патрабуе высокай агульнай адукацыі: спачатку неабходна «пазнаць сябе»:

Незнаяй себе, ничего же знает, аще и звезды небесны считает. [4, с. 138].

Наогул, сёння невядомы дакладны пералік патрабаванняў, дазваляючых займацца астралогіяй, але з аднаго таго факта, што са шматлікіх выпускнікоў, напрыклад, Кіева-Маг-

ілянскага калегіўма, вучыўшых гэту навуку, захаваліся досыць сціплыя звесткі нават пра астралагічныя працы Сімяона Полацкага, магчыма зрабіць вывад аб існаванні пэўных абмежаванняў. Дарэчы, тое ж сцвярджае строгая, нават жорсткая пазіцыя праваслаўнай царквы. Нават па сціплых заўвагах Сімяона высвятляецца, што тут патрабуецца наяўнасць адукаванасці, чысціні, і, галоўнае - адказнасці перад Богам: з якой мэтая чалавек бярэцца за гэту справу.

У якасці тэматычнага ўдакладнення тут магчыма правесці сціслае параўнанне двух вялікіх астролагаў - Сімяона Полацкага і агульнавядомага М. Настрадамуса (XVI ст.). Спачатку, уводныя звесткі. Так, абодва былі лекарамі, але МН лячыў цела, а СП - душу:

Бог врач есть всеистинный. К нему притекайте... [8, с. 381].

Абодва страцілі сям'ю, але МН - падчас эпідэмі, а СП - стаўшыся манахам. Абодва вучыліся ў найвышэйшых установах свайго часу і краю, абодва блізка сутыкаліся з уладарамі зямнога свету, і жылі ў царскім асяродку. Нарэшце, абодва пакінулі важкія творы паэтычнага пісьменства. Далей - сутнасць. Настрадамус, маючы талент, карыстаўся астралагічнымі ведамі фактычна безмэтава, звяртаючы іх літаральна на кожнага сустрэчнага-папярэчнага. У выніку - ён пакінуў спадчыну, якая не нясе людзям радасці, але ва ўсе часы выклікала жах і чаканне нейкай навалы (і навала прыходзіла да тых, хто яе чакаў!). Астралагічныя ж творы Сімяона Полацкага накіраваны асабіста на тых, каму прызначалася іх здзяйсняць - менавіта, на членаў царскай сям'і. Для ўсіх астатніх - гэта паэтычныя творы, таму, што для рэалізацыі царскіх наказаў трэба валодаць царскімі ж рэсурсамі. Астатнім - магчыма памарыць, уявіўшы сябе царом... Што, дарэчы, абуджае ў чалавеку адказнасць і разуменне таго, што за ўсё трэба плаціць. І за высокую царскую пасаду трэба плаціць высокімі ж царскімі справамі.

Маскоўскія справы полацкі манах вёл трывала і старанна. Займаючы высокае палажэнне на царскім двары, ён выкарыстоўваў яго толькі дзеля дзяржаўнай справы. Ён, асабісты дарадца цара, не шукаў ні царкоўных, ні свецкіх пасад. Не шукаў ён і славы паэта: так, ні адзін са зваротаў да царскіх асоб не быў растыражыраваны, захоўваючыся ў рукапісах. Варта ўзгадаць і яго шчырую грамадскую прапаведніцкую дзейнасць, праз якую ён, валодая практыкай псіхааналізу [5, с. 17] быў здольны звяртацца асабіста да прысутнай паствы, і дарэчы высвятляць прыватны настрой простых жыхароў, каб у далейшым будаваць свае наказы на рэальным падмурку.

Сімяон Полацкі увасабляў сабой найскладанейшы тып манаха - манаха, што жыве ў свеце. Не ў келлі, абасоблена ад штодзённай суеты, зямных праблемаў і спакусаў, але ў самым іх цэнтры - і пры гэтым жыў па Нябесных законах, увасабляючы іх у сваіх справах. (У гэтым таксама бачыцца сугучнасць з жыццёвым шляхам апостала Паўла, які здзяйсняў сваю місію менавіта ў свецкім асяроддзі, у штодзённым супрацьстаянні). Відавочна, такі чалавек, высокаадукаваны, глыбока веруючы і сумленна адказны - меў права звярнуцца да надзвычайнай нябеснай навукі, якую вызначаў, як першую ў свеце:

Первая книга - мир сей, в ней же написася,
Что либо от всемогущего Господа создася.
Первый лист есть небо, на нём же светила,
Яко письмена, Божия крепость положила. [11, с. 257].

Менавіта тыя пісьмены браўся чытаць Сімяон Полацкі, і накіроўваць па іх царскую палітыку, а значыць, і палітыку усёй дзяржавы. Пры тым ён сведчыў, што знакі нябесныя толькі паказваюць верагодныя падзеі, а вось як спраўдзяцца яны - залежыць ужо ад самога чалавека, ад яго ўпартасці, чысціні і добрасумленнасці:

Звезды во человецах воли не вреждают,
Токмо страстми плоти нечто преклоняют,

Тем же на звезды вины несть леть возлагати,
Егда кто злое некое обыче деяти. [11, с. 263].
Зело днесь низу путь свой совершает,
Небесный Зодий в земных изменяет,
Да мы земнии к нему приближимся,
Небесну свету его приобщимся. [8, с. 267]

Дарэчы, адпаведна выхоўваў Сімяона адзін з вядучых выкладчыкаў Кіева-Магілянскага калегіума І. Гізель: «... Звезды не являются единственной причиной темперамента ... ибо в наибольшей степени влияют естественные способности родителей и местные условия ... и хотя темперамент предопределён ... человек может улучшить или испортить естественные склонности привычками, ибо он свободен...». [5, с. 63].

Так, узяушыся за надзвычайную справу, Сімяон Полацкі выкарыстоўваў, акрамя агульнапрынятых, і надзвычайныя, нябесныя навукі. І дасягненні тых часоў, як асабістых, так і дзяржаўных, сцвярджаюць эфектыўнасць яго намаганняў (падрабязны разбор гэтага таксама належыць асобнай працы). Вопытам сваёй дзейнасці Сімяон Полацкі быццам бы тлумачыў свайму апаненту, патрыярху Нікану: сапраўды, царква павінна ўздзейнічаць на цара. Але як? Не па загаду, не па пасадзе, а менавіта па святасці нябеснай, па той чысціні ў зямным свеце, што прымаецца Небам. На яго прыкладзе становіцца відавочным, што толькі адзначаны Боскай пячаццю чалавек атрымлівае права чытаць Нябесныя пісьмёны (г. зн. - займацца астралогіяй) і распавядаць пра іх, і тым болей - радзіць царам. Такім вылучаецца высокі канон святарскага наказу Сімяона Полацкага.

У выніку прапануецца новая канцэпцыя жыццёвага шляху Сімяона Полацкага: канцэпцыя яго грамадска-палітычнага, дзяржаўнага ўздзеяння, менавіта праз уплыў на царскую сям'ю. Таму, ад'езд Сімяона ў Маскву - гэта не «пабег з роднага горада, занятага польскімі вайскамі», але асэнсаваны

рух насустрач рускаму, праваслаўнаму цару, як наилепшаму, на яго погляд, увасабленню на Зямлі Нябеснай, Боскай улады. Паэтычная творчасць Сімяона - не «сродак зарабіць на жыц-це», але варштат, шлях да зямнога правядзення яго высокай духоўнай праграмы, сутнасць якой - узрастанне «цела Царк-вы», праваслаўнага Хрысціянскага свету, Нябеснага свету ў свеце Зямлі.

Такім чынам, Сімяона Полацкага варта разглядаць не толькі ва ўзгаданых вышэй іпастасях, але і як палітыка, дзяр-жаўнага дзеяча. Мудрая, паступовая, узважаная яго праграма, часткова рэалізаваная ў найскладанейшыя часы XVII ст., часы ўладавых і этнічных перабудоў, заслугоўвае таксама пільнай увагі, як плённы вопыт, удалая навацыя, комплексны падыход да справы. Кнігі яго твораў, асабліва пропаведзі, поўныя цяп-лыні і мудрасці, не страцілі з цягам часу сваёй прывабнасці, як не перастаюць прывабліваць нябесныя рухі. Яго ўменне вылучаць галоўнае, прымаць нсардынарныя рашэнні, выкары-стоўваць усе магчымыя сродкі, захоўваючы законнасць і чыс-ціню - вартыя асэнсавання і зараз. У сёняшні час, які ледзь не ў люстэрка нагадвае падзеі 300-гадовай даўніны, карысна буд-зе пашукаць аналогіі, цвяроза падумаць аб былых традыцыях і аб шляхах пабудовы здаровай, дзеяснай улады, магчыма той, найлепшай, аб якой марыў Сімяон Полацкі.

СПАСЫЛКІ.

1. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Сост. Еремин И. П. М-Л, 1953.

2. Звонарёва Л. У. Симеон Полоцкий - историк / Беларусіка-Albaruthenica, Мн, 1998, №9, с. 206-220.

3. Орёл российский. Творение Симеона Полоцкого. Сост. Смирнов И. А., М, 1915.

4. Русская силлабическая позия XVII-XVIII вв. Вст. ст. Панченко А. М., Л, 1970.

5. Звонарёва Л. У. Творчество Симеона Полоцкого: истоки, традиции, влияния. Дисс. канд. филолог. наук, Мн, 1988.

6. Коршунов А. Ф. Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество. Мн, 1965.

7. Пушкарев Л. Симеон Полоцкий / Русские писатели XVII в. М, 1972, с. 197-335.

8. Симеон Полоцкий. Вирши. Сост. Былинин В. К., Звонарёва Л. У., Мн, 1990.

9. Кулаков В. И. Истоки геральдики российских «выезжих из Пруссии родов / Гербовед, М, 1993, №2, с. 50-61.

10. Витязь С. П. К проблеме древних пруссов в этнической истории Беларуси / Наш радавод. Гістарычная памяць народаў ВКЛ і Беларусі XIII-XX ст.. Гродна, 1996, Кн. 7, с. 163-167.

11. Пузиков В. М. Общественно-политические и философские взгляды Симеона Полоцкого / Из истории философской и общественной мысли Белоруссии: произведения XVI-н. XIX вв., Мн, 1962.

12. Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий - астролог / Проблемы изучения культурного наследия. М, 1985, с. 177-184.

13. Голубев И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого / Литература и общественная мысль Древней Руси. Труды отдела древнерусской литературы. Л, 1969, т. XXIV, с. 254-259.

АЎТАБІЯГРАФІЧНАЯ ТЭМАТЫКА Ў ВЕРШАХ СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА І БЕЛАРУСКАЯ МЕМУАРЫСТЫКА XVII СТ.

Гаранін С. Л.,
(Мінск)

Зараджэнне ў XVI ст. беларускай мемуарыстыкі было звязана з агульным рэнесансавым працэсам адкрыцця каштоўнасці чалавечай індывідуальнасці. Аднак пашырэнне мемуарнай літаратуры ў Беларусі выпадае на перыяд контррэфармацыі і барока, калі суцэльнасць у выяўленні чалавека страчваецца, а рэнесансавы ідэал асобы распадаецца. Як можна меркаваць па захаваных аўтабіяграфічных сачыненнях той пары (Б. Маскевіч, А. -С. Радзівіл, П. Абуховіч, А. Каменскі-Длужык, Я. Цадроўскі, Т. Білевіч), беларускія мемуарысты заклапочаны, у асноўным, пошукам страчанага маральнага ідэала (які раней увасабляўся ў агіяграфіі і ўвогуле ў рэлігійнай літаратуры). Іх творы выяўляюць спробы аўтараў прадстаць перад чытачом у пажаданых постацях узоравых бацькоў, шляхціцаў, служачых, прыдворных і г. д. Пры гэтым варта нагадаць: у другой палове XVII ст. прага да стварэння розных аўтабіяграфічных нататкаў была ў Беларусі такая, што «... амаль немагчыма было знайсці такой шляхецкай сям'і, у якой не вяліся б свае фамільныя дыярыушы»[1]. Няма сумневу: Сімяон Полацкі як чалавек шырокай літаратурнай эрудыцыі не мог не быць знаёмым з шэрагам вядомых на той час беларускіх і польскіх мемуарных твораў і не зазнаваць пэўнага ўплыву з боку мемуарыстыкі ў цэлым, тым больш, што аўтарам аўтабіяграфічнай нататкі быў і яго блізкі сябра і настаўнік Ігнацій Іяўлевіч.

Паэзія Сімяона Полацкага ў значнай ступені аўтабіяграфічная ўжо ў тым сэнсе, што пепасрэдна звязаная з многімі

рэальнымі падзеямі яго асабістага жыцця і служыць выразам не толькі сацыяльна-палітычных, гістарычных, культурна-асветніцкіх, філасофскіх і педагагічных поглядаў паэта, але і адлюстроўвае змены яго грамадскага становішча. Тым не менш, хаця апавяданне часта ідзе ад аўтарскага імя і формы «я», «мы», «аз» сустракаюцца ў вершах (асабліва панегірычнага, элегеічнага і малітоўнага зместу) амаль трывала, «я» паэта захоўвае рытарычную ўмоўнасць, гэтаксама, як і ў віншавальных творах, напісаных ад імя іншых асоб (замоўшчыкаў). Парой форма «я» мае алегарычнае значэнне. Так, у 11 плачы «Фрэняў... » яна разрастаецца да маштабаў Расіі («Аз - великое Российское Царство, // славное в вере святой Государство»[2]), у гімнаграфічных творах - цалкам умоўнае і павінна ўвасабляць агульныя пачуцці веруючых і да т. п. Твораў непасрэдна аўтабіяграфічнага зместу ў спадчыне Полацкага няшмат. У першую чаргу гэта «Стихи утешные к лицу единому», «Modlitwa w utropieniu», верш у прадмове да «Рыфмалагіёна», а таксама «Siedra nauk wyzwalonych», «Ко государю царю от служащих», «От служащаго», «Воля», «Жизнь», «Предисловие ко благочестивому читателю» ў «Садзе шматколерным» і некаторыя іншыя.

Самавыяўленне ў гэтых вершах звязана з агульнай усходнеславянскай барочнай традыцыяй паказу чалавека, у значнай ступені сфарміраванай у мемуарыстыцы. Як правіла, выява знаходзіцца ў строгіх межах агульнай ідэйнай задумы павучання чытача на ўласным прыкладзе. Таму стыль самавыяўлення пазбаўлены нутраной дынамікі і цапкам падпарадкаваны разумовай логіцы выкладу. Асабліва яскрава бачна гэта ў вершах з прадмовы да «Рыфмалагіёна»:

... Писах в начале по языку тому,
Иже свойственный бе моему дому.
Таже увидев много ползу быти,
Славенскому ся чистому учити.

Взях грамматику прилежах читати,
Бог же удобно даде ми ю знати.
К тому странная сущи ей подобна,
В знании ползу бяше ми удобна.
Тако славенским речем приложихся,
Елико дал Бог знати научихся...[3]

Псіхалагічныя становішчы, уражанні і некаторыя этапы біяграфіі і рысы характару выяўляюцца толькі ў сувязі з агульнай ідэяй, прычым тымі ж прыёмамі, якімі апісваюцца і прадметы, звяры, птушкі, дрэвы, травы, мінералы, фантастычныя істоты, гістарычныя і міфічныя асобы і г. д. Вядома, з пункту гледжання праблемы пранікнення літаратуры ва ўнутраны свет чалавека такі вобразатвор уносіў ў слоўнае мастацтва няшмат новага, але важным было тое, што аўтарская асоба не ідэнтыфікавалася з героем твору.

Выключэнне складаюць два вершы ранняга перыяду творчасці: «Стихи утешные к лицу единому» и «Modlitwa w utropieniu».

Найбольш цікавы першы з іх. Сатырычны элемент у ім прыглушаны, і праз жартоўную форму праглядае сапраўдны клопат паэта пра свой лёс, фармулюецца яго творчае і жыццёвае крэда. Упершыню аўтар ставіцца да сваёй асобы несур'ёзна, стварае з партрэта своеасаблівую гратэскную містыфікацыю. Але, уцягнуты ў «літаратурную гульню», ён цапкам падпарадкоўваецца яе законам: стварэнне вобразу дыктуецца імкненнем да вычварнасці, парадаксальнасці ў развіцці ўнутранага «сюжэту» твора[4].

Іншы характар мае выяўленне пачуццяў у элегіі «Modlitwa w utropieniu». Верш непасрэдна, хацыя і мудрагеліста, нават вычварна, перадае стан чалавека, якому пагражае нейкая небяспека. Напэўна, гэта адзін з нямногіх помнікаў, з радкоў якога паўстае вобраз эгацэнтрыка-інтраверта. Аднак, таксама, як і ў мемуарыстыцы, вобраз аўтара акрэслены агуль-

ДАКУМЕНТЫ ПА ГІСТОРЫІ ПОЛАЦКА Ў КНІГАХ ЗАПІСАЎ МЕТРЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XVII СТАГОДДЗЯ.

Галубовіч В. У.,
(г. Полоцк)

Вывучэнне крыніцазнаўчага аспекта гісторыі беларускага горада, гэтаксама, як і некаторых іншых праблем, з'яўляецца на сенняшні дзень актуальнейшай задачай айчыннай гістарычнай навукі. Узровень распрацоўкі падмурка ўсялякага даследавання - яго крынічнай складаючай - непасрэдна ўплывае на вынікі канкрэтнай працы навукоўца, бо крыніца, па словах знакамітага польскага метадолага гісторыі Е. Тапольскага, з'яўляецца першасным «узроўнем інтэрпрэтацыі рэчаіснасці. » Гэта цудоўна разумелі вядомыя знаўцы полацкай старасвеччыны А. Сапуноў і Г. Харашкевіч, калі рыхтавалі свае зборнікі дакументаў.

За апошнія гады не аднойчы падкрэслівалася значнасць вывучэння для гісторыі Беларусі і непасрэдна Полацка актаў, змешчаных у кнігах канцэлярыі Вялікага княства Літоўскага. Як заўважыу ў свой час З. Даўгяла, з прапрацоўкі актаў Метрыкі фактычна пачалася беларуская навуковая гістарыяграфія. Самымі хуткімі тэмпамі ў XIX-XX стагоддзях ішла праца над матэрыяламі з кніг канцэлярыі па Полацкай гісторыі XV-XVI стагоддзяў. XVII стагоддзю традыцыйна не надавалася вялікая ўвага ізноў жа з шэрагу прычын, галоўнай з якіх была абмежаваная колькасць крыніц, уведзеных у абарачэнне. Тут неабходна падкрэсліць, што менавіта кнігі Метрыкі для ўзнаўлення сюжэтаў з жыцця Полацка ў першай палове XVII стагоддзя ўяўляюць пэўную каштоўнасць. Вядома, што ў выніку падзей 1633 года значны пласт дакументальнай спадчыны быў назаўседы страчаны. Нездарма ў той час сярод шляхты, трэба думаць і мяшчан, панавала пераконанне ў тым, што дакумен-

ты, запісаныя дадаткова ў кнігі Метрыкі, захаваюцца лепей. Гэтак аргументам у 1600 годзе на карысць неабходнасці ўпісання ў кнігу запісаў канцэлярыі ліста княгіні Евы Баркалабаўны Саламярэцкай (Корсак) свайму мужу князю Багдану Саламярэцкаму на маентак Баркулабава ў аршанскім павеце, стала прыгадванне спалення і вываза ў Маскоўскую дзяржаву запісаў і прывілеяў на маемасць пасля захопу замка полацкага [НГАБ, КМФ-18, воп. 1, аа. 71]. Такім чынам, можна меркаваць, што Полацк на пачатку XVII стагоддзя не ўяўляў сабоў бяспечнага месца для захавання дакументаў.

З мэтай высвятлення каштоўнасці для гісторыі Полацка першай трэці XVII стагоддзя аўтарам былі прапрацаваныя кнігі запісаў № 85, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 99. Варта зазначыць, што колькасна і якасна дакументы ў згаданых кнігах размешчаны нераўнамерна, а вынікае гэта з характару дзейнасці канцэлярыі і фармавання яе архіва. Некаторыя кнігі ўтрымліваюць вельмі неістотны «полацкі» матэрыял, ці нават яго ігнаруюць[кн. запісаў №94].

Класіфікаваць дакументы па гісторыі Полацка з згаданых вышэй кніг магчыма толькі часткова, бо яны не ахопліваюць усяго відавага спектру прадукцыі вялікакняскай канцэлярыі. Большасць актаў афармляе пэўнай асобе, ці групе жыхароў горада, правы, ільготы і г. д. Шэраг актаў датычыць усяго горада. Колькасна прадстаўлена група актаў, фіксаваўшых пераход пасадаў у горадзе, ваяводстве ад адной асобы да другой.

Асноўную частку насельніцтва горада складала мяшчанства, але нельга адзначыць, каб кнігі запісаў за першую трэць XVII стагоддзя былі багатыя на адпаведны матэрыял. Звесткі пра мяшчан сустракаюцца пераважна ў сувязі з продажам ці набыццем маемасці. Адным з першых за разглядаемы перыяд упісаны дазвол Яну Рагульскаму купіць маентак Driчане на Ушачы, які належыў полацкаму мешчаніну Васілю Нізкаму. У тэксце дакумента прысутнічае абгрунтаванне неабходнасці здзелкі. Васіль Рыгоравіч Нізкі, з'яўляючыся рамеснікам - краўцом, не меў магчымасці жыць на весцы, да таю ж,

яму патрабаваліся грошы, а гаму папрасіў прадаць маемасць «водлуг права посполитого» разам з ворнай зямлей і людзьмі на «земли оселыми». Пры гэтым ліст дазваляў Рагульскаму на будучыню набываць землі на Ушачы ў полацкіх мяшчан [НГАБ, КМФ-18, воп. 1, аа. 141адв.]. Імя іншага полацкага мешчаніна Яна Кардаша, дарэчы таксама краўца, прыгадваецца ў дакуменце датаваным 1. 12. 1605 года сярод тых, хто прадаў свае дамы полацкім езуітам [Там жа, аа. 376-376 адв.]. Яшчэ адзін дакумент - пацверджанне Рыгору Шчыту Забелскаму [Там жа, аа. 333адв.] на зямлю слуг путных полацкіх над возерам Нешчарда сведчыць, што дадзеная маемасць была заменена на пяць пляцоў у Полацку, якія ен атрымаў у спадчыну. Забудаваўшы і засяліўшы гэтыя пляцы, полацкія мяшчане, каб кампенсаваць Шчыту страты, праз падскарбія Вялікага княства Літоўскага прапанавалі ўзамен зямлю слуг путных полацкіх Манеўчызна на возеры Нешчарда. Факт магчымасці такой аперацыі сведчыць пра досыць гнуткую схему маемасных дачыненняў у Полацку XVII стагоддзя. 3 іншага боку шляхта імкнулася па магчымасці атрымаць ад караля правы на валоданне памяшчанскай маемасцю ў горадзе. Слушным прыкладам можа быць ліст ад 25. 03. 1625 года пану Даніэлю Шчыту Забелскаму, падсудку полацкаму, на маемасць трох мяшчан Полацка [Там жа, спр. 99, аа. 129-129адв.].

Цікавасць выклікае шэраг дакументаў, адрасаваных полацкім рамеснікам. Першы з іх, размешчаны ў кнізе № 85- аа. 376-376 адв., пазначаны як прывілей, другі знаходзіцца на арк. 235-236 адв. кнігі запісаў № 88 і называецца «Порадок цеховый ремесником в Полоцку». Абодва датаваныя снежнем 1605 г. Прывілей быў дадзены кавалям, катлярам, слесарам, мечнікам, залатарам, краўцам, кушнерам, шаўцам і іншым на цэх, альбо «брацтва их(«, пасля таго, як «у року прошлом» 1601 8 жніўня яны прасілі ўстанавіць парадак, які «з немецка цехом называють». Але з'яўленне паралельна прывілею ліста, рэгулюючага цэхавы парадак у Полацку, сведчыць, што першапачатковы намер стварыць яго зыходзіў ад рамеснікаў, спецыялізаваўшыхся па металаапрацоўцы, якім, дарэчы, пры-

вілей і быў пераважна адрасавапы. Таму «Порадок(цеховый» дадаткова афармляе цэхавую арганізацыю краўцам, кушнерам, шапашнікам, гарбарам, злотнікам. Працэс далейшай дыферэнцыяцыі цэхавага ладу ў Полацку адлюстроўвае прывілей «kusznierzom у czapnikom» ад 3. 04. 1619 года на стварэнне цэха[Там жа, спр. 96, аа. 56-58].

Агульным для ўсіх мяшчан з'яўляецца запісаны ў кнізе №91 аа. 186 прывілей 1613 года на вольнасць ад выплочвання ўсіх павіннасцяў чатыры гады ў сувязі з пажарам, які спустошыў горад.

Шматлікія фіксацыі ў Метрыцы лістоў на атрыманне ці замену земляў, дамоў, агародаў і г. д. не толькі дазваляе высветліць старых і новых уладальнікаў, але і лакалізаваць у горадзе месца, пра якое ідзе гаворка. Ілюстрацыяй апошняга могуць быць два дакументы, змешчаныя ў кнізе запісаў №85: прывілей на незабудаванае месца полацкім езуітам і пацверджанне ім на дамы і «пляцы» набытыя ў мяшчан і шляхты з дакладным апісаннем размешчання маемасці па вуліцах[Там жа. спр. 85, аа. 375адв. -376, 376-376адв.]. Дадзеныя лісты паказваюць шляхі пашырэння маемасці езуітаў у Полацку. Праўда, адначасова езуіты пазбавіліся яе ў ваяводстве, як гэта было ў 1606 годзе, калі гараднічаму віцебскаму Мікалаю Васілевічу Васілеўскаму прадалі зямлю ля сяла Аўдзеевічы[Там жа, спр. - 85, аа385адв. -382адв.].

Метрыка Вялікага княства Літоўскага ўтрымлівае таксама важкі пласт інфармацыі на гісторыі Полацка - прывілеі на пасады ў ваяводстве і горадзе. Непасрэдна апошняга датычыць прывілей ад 24. 01. 1611 года «пану Жукови» на гарадніцтва полацкае [Там жа, спр. 89, аа. 250], прывілей ад 1. 08. 1621 года Янушу Пернаўскаму на вайтоўства полацкае[Там жа, спр. 93, аа. 477адв. -478] і г. д.

Такім чынам, часткова нрадстаўленыя матэрыялы кніг запісаў канцэлярыі Вялікага княства Літоўскага могуць істотна ўдакладніць і пашырыць веды па самых разнастайных аспектах гісторыі Полацка першай трэці XVII стагоддзя, а асабліва, эвалюцыі мяшчанскага і шляхецкага землеўладання ды рамяства.

ными арнаментальнымі лініямі.

Такім чынам, можна меркаваць, што агульныя прынцыпы стварэння аўтарскага вобразу у тагачаснай мемуарыстыцы былі ўспрыняты, выкарыстаны і творча пераўвасоблены Сімяонам Полацкім у кірунку стварэння не дакументальнага, а мастацкага вобразу аўтабіяграфічнага персанажу, хаця ёсць несумнеўная сувязь яго твораў з падзеямі рэальнай біяграфіі творцы.

ЛІТАРАТУРА

1. Коршунов А. Ф. Историко-мемуарная литература // История белорусской дооктябрьской литературы. - Мн.: Наука и техника, 1977. - С. 206.
2. Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В. К. Былинина, Л. У. Звонарёвой. - Мн.: Маст, літ., 1990. - С. 316.
3. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / Склад. А. Ф. Коршунаў. - Мн.: Дзяржвучпедвыд, 1959. - С. 337-338.
4. Шэраг паралеляў можна бачыць пры гэтым з сатырычнымі творамі XVII ст. «Прамовай Мялешкі» і асабліва «Лістом да Святога Пятра».

МАТЭРЫЯЛЬНАЕ СТАНОВІШЧА СЯМ'І СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА.

Гардзееў М. Ю.,
(г. Мінск)

Інфарматыўная каштоўнасць тэстамента маці Сімяона Полацкага - Таццяны Якаўлеўны Шарамет (Сітняновіч-Пятроўскай па першаму мужу Габрыэлю), які быў выяўлены пры апрацоўцы актавай кнігі полацкага магістрату за 1656-1657 гг., дазваляе нам не толькі істотна ўдакладніць сямейную гісторыю слыннага дзеяча, але і скласці даволі дакладнае ўяўленне аб матэрыяльным становішчы яго сям'і. Нагадаем, яе склад у выніку папярэдніх даследаванняў быў вызначаны наступным чынам. У Т.Я. Шарамет было 5 сыноў: Сільвестр, Самуіл (Сімяон), Ян, Лукаш - ад Габрыэля Сітняновіча-Пятроўскага, і Ян - ад Емельяна Шарамета, полацкага райцы, які яшчэ ў ліпені-пачатку жніўня 1654 г. па невядомых прычынах паехаў у Маскву і на час складання тэстаменту ў Полацк не вярнуўся. У яго было трое дзяцей ад першага шлюбу - Андрэй, Кацярына і Палонія (жонка Пятра Керкажыцкага)[1].

У гэтай працы мы спрабуем даследаваць два аспекты вышэйазначанай праблемы: фінансавае становішча бліжэйшых родзічаў Сімяона і аб'екты нерухомасці, якімі яны валодалі. Акрамя вышэйзгаданага тэстамента выкарыстоўваюцца іншыя акты полацкай магістрацкай кнігі за 1656-1657 гг.

Аб памерах абаротаў грашовых сродкаў у сям'і Шараметаў удалося сабраць наступныя дадзеныя: 1) Шараметы выкупілі з расійскага палону некалькіх полацкіх мяшчанак (31 копа гр. літ.); 2) 12 коп гр. літ. пазычыў у іх А. Мікуліч; 3) 30 талераў аддана на выкуп з палону шляхцянкі Г. Чаркас (Пчыцкай па дзявочаму прозвішчу); 4) сам Е. Шарамет даў сваёй дачцэ Кацярыне 30 (ці 14) коп гр. літ. на набыццё тка-

піны; 5) невядомая колькасць наяўных грошай была аддадзена райцай дзецям і зяцю дзеля вывазу ў Літву падчас наступлення на Полацк царскай раці; 6) «своею працою» Т. Я. Шарамет «през тры годы [маецца на ўвазе перыяд ад ад'езду мужа да часу складання тэстаменту - 8 ліпеня 1657 г. - М. Г. } заробила и набыла» 18 коп гр. літ.; 7) болей за 50 коп гр. літ. быў вінен маці Сімяона яе брат Фёдар; 8) пэўную суму быў вінен П. Астапавіч (памер доўга не адзначаны); 9) пан Крыштаф Рыпінскі быў вінен 2 злотых, а яго родзіч Аляксандр Рыпінскі - 5 коп гр. літ. «за страву сына его м(и)л(о)сти»; 10) на 46 коп гр. літ. Т. Я. Шарамет прадала два кані, частку адзення і зброі 11) згаданы не поўнасцю вернуты доўг мужа ў 100 коп гр. літ.; 12) перабудова дома «свежо своим коштом» абышлася Т. Я. Шарамет у 60 коп гр. літ. Тэстамент адзначае значнае пагаршэнне ўмоваў жыцця сям'і падчас вайны, што, аднак, не было выключэннем, а, хутчэй, агульным правілам дпя жыхароў Полацка. Тым не менш, Т. Я. Шарамет здолела нейкі час карміць сына А. Рыпінскага[2].

Часткова ўдалося вызначыць тую нерухомасць, якой валодала сям'я Шараметаў. Часткова таму, што ў тэстаменце не называюцца аб'екты, якія былі ўнесеныя ў інвентар маёмасці Е. Шарамета, што яго жонка прыкладала да тэстаменту[3]. Дарэчы, такая з'ява, як прыкладанне асобнага інвентара, была ўласціва звычайна толькі заможным шляхецкім сем'ям. Тэстаменты палачанак, якія займалі роўнае з Т. Я. Шарамет сацыяльнае становішча (з сем'яў бурмістраў і райцаў), не маюць звестак пра асобныя інвентары[4].

Дом, у якім наведвала маці Сімяона магістрацкая камісія, знаходзіўся на вуліцы Вялікай, дзе пражывала ў асноўным сацыяльная вярхушка палачан, і названы ён яе домам. Хутчэй за ўсё, стаяў ён, аднак, на зямлі Е. Шарамета. Вядома таксама, што сынам Т. Я. Шарамет ад першага шлюбу (Сільвестру, Самуілу (Сімяону), Яну і Лукашу) належал «кгрунт до-

мовый», але Шарамет прадаў яго за 20 коп гр. літ.[5] Такіх участкаў для забудовы ў сям'і было, верагодна, некалькі, бо ў тэстаменце згадана таксама зямля, на якой Шарамет жыў 20 гадоў і які быў незаконна прысвоены ў яго адсутнасць у Полацку А. Карзевічам[6]. Па асобнаму дакументу - скарзе Т. Я. Шарамет на полацкага мешчаніна А. Хоміча ад 10 мая 1657 г. аб незаконным узаранні аднаго з двух агародаў нябожчыка Р. Бухалы, які быў вінен Е. Шарамету 80 коп гр. літ. па даўгаваму абавязацельству, можна ўстанавіць, што Шараметы прэтэндавалі і на гэтыя ўчасткі зямлі[7]. Але паводле жалаванай граматы цара Аляксея Міхайлавіча Полацку ад 7 верасня 1654 г. усе справы аб даўгах адтэрміноўваліся да 1 верасня 1657 г. [8], і агароды не былі аддадзены Таццяне Якаўлеўне.

Да таго, у сям'і з вялікай адказнасцю ставіліся да ўліку матэрыяльных каштоўнасцей, аддаючы перавагу пісьмовым сродкам. Вышэй ужо адзначаўся факт прыкладання да тэстаменту асобнага інвентара (гл. спасылку 3). Усе фінансавыя дакументы: справы, рэестры, даўгавыя абавязацельства як другога, так і першага мужа Т. Я. Шарамет захоўваліся ў Лукаша, які ў той час быў падпіскам у магістраце, а пазней стаў і пісарам[9]. Аб адказным стаўленні да гэтай праблемы гаворыць таксама акт аб унясенні Т. Я. Шарамет скаргі на Андрэя і Кацярыну Шараметаў, Пятра і Палонію Керкажыцкіх, якія не вярнулі ўсе дадзеныя «до вывезеня» рэчы, калі прыехалі ў Полацк са «збегов военных». У скарзе маці Сімяона абяцала падаць спіс гэтых рэчаў у пісьмовым выглядзе[10].

Неудакладнёным застаецца пытанне аб роднаснай прыналежнасці да Шараметаў і Сітняновічаў-Пятроўскіх яшчэ трох асоб (і, адпаведна, іх зямельных уладанняў): Аўдоцці Шатроўны Максімавай Чаронкавай, як яе называе дакумент, Даніэля і Арцёма Сітняніновічаў (сына і ўнука вышэйзгаданай асобы). Захаваўся дакумент аб судовым разбіральніцтве па скарзе Аўдоцці на лаўніка І. Зімніцкага аб незаконным «запахане» на-

лежачага спадчынным правам Арцёму ад бацькі «мейсца голого домового на улицы Ильлиньской». Атрымалася так, што ўчастак быў аддадзены магістратам Зімніцкаму, і той нават паспеў зрабіць «перед тою землею на улицы мост». Даніэль к таму часу ўжо памёр, а Арцём хаваўся недзе ў Літве ці Інфлянтах ад маскоўскіх войскаў. Бабка была адзінай з бліжэйшых родзічаў, якія мелі права «владеть и заведывать тымь кгрунтомь», што і было пацверджапа магістратам[11]. Здзіўляе невялікая розніца ў напісанні прозвішчаў - прысутнасць у Даніэля і Арцёма дзвюх іншых літар пры поўным супадзенні астатніх частак слоў. Цікава, што з'явілася на пасяджэнне магістрату ў ратушы Аўдоцця ні з кім іпшым, як з «прыятелем своим паном Лукашом Пютровским-Ситняновичомь». Тое, што падпісак анансаваны як «прыяте[л]», з'яўляецца адзіным фактам, які не дазваляе з вартай упэўненасцю лічыць Сітняніновічаў родзічамі Сімяона (нават дапускаючы і памылку пісара). Дарэчы, Лукаш параўнальна часта з'яўляецца ў магістрацкіх актах як чый-небудзь «прыятел» на судах, верагодна, як лаббіст гандлёва-фінансавых інтарэсаў тых, з кім ён «становился очевисто» перад магістратам[12].

Па прыведзеных звестках, сям'я Сімяона брала даволі актыўны ўдзел у фінансавых стасунках сярэднявечнага Полацка, дыспанавала значнымі грашовымі рэзервамі. Дакументы сведчаць аб яе заможнасці, напрыклад, спісамі хатніх рэчаў, адзення і г.д., што можа быць тэмай для асобнага даследавання. Да таго, сям'я валодала некалькімі зямельнымі ўчасткамі ў горадзе. Яе члены - Емельян Шарамет і Лукаш Сітняновіч-Пятроўскі - займалі важныя і ўплывовыя пасады ў органах гарадскога самакіравання.

Падводзячы вынікі, можна з упэўненасцю сцвярджаць, што сям'я Сімяона Полацкага ў сярэдзіне XVII ст. мела трывалыя пазіцыі ў фінансава-эканамічных і сацыяльных адносінах Полацка і можа быць прылічана да тагачаснай гарадской

эліты. Гэтае асяродцзе было моцным пазітыўным фактарам, што адыграў сваю ролю ў фармаванні таго Сімяона Полацкага, якім зараз ганарыцца ўсходнеславянскі свет.

ЛІТАРАТУРА

1. Гордеев М. Ю. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого завещание матери просветителя. // Славяноведение. - № 2. - 1999. - С. 37-47.
2. Нацыянальны гістрычны архіў Беларусі (далей - НГАБ), ф. 1823, воп. 1, спр. 1, арк. 471-474 адв.
3. Тамсама, арк. 471-471 адв.
4. Тамсама, арк. 54-55 адв., 98-99.
5. Тамсама, арк. 473 адв.
6. Тамсама, арк. 474.
7. Тамсама, арк. 396 ада.
8. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов. В 3-х т. Т. 2. - Мн., 1960. - С. 83.
9. НГАБ, ф. 1823, воп. 1, спр. 1, арк. 471 адв.; Татарский И. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. -М. 1886. -С. 204.
10. НГАБ, ф. 1823, воп. 1, спр. 1, арк. 48-48 адв. п Тамсама, арк. 371-371 адв. \1Напрыклад: Тамсама., арк. 187, 192.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО И ПРОЕКТ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Краско О. Д.,
(г. Полоцк)

Во второй половине XVI века в Москве возникла необходимость создания учебных заведений, которые бы готовили широко образованных служителей и деятелей церкви и государства. В XVII в. появляется несколько школ и училищ, где среди прочих предметов преподавались история, философия, пиитика, греческий, латинский языки и т. д. С течением времени возникла необходимость создания Высшего учебного заведения в России. В 1687 году в Заиконоспасском монастыре на основе Типографской и Богоявленских школ было открыто училище, которое явилось наивысшим достижением в области просвещения в России XVII века. Это училище стало именоваться Эллино-греческой, Славяно-латинской, а затем Славяно-греко-латинской академией.

Проект этой академии в последние годы жизни был составлен нашим земляком Симеоном Полоцким. Его просветительская деятельность была неразрывно связана с процессом становления образования западнического европейского образца. На протяжении всей своей жизни в Москве Симеон осознавал необходимость образования, о чём постоянно пишет в стихах, провозглашает в проповедях. Так, в слове на день Рождества Христова проповедник от лица патриарха именем божией премудрости умоляет русских людей взыскать науку, «потому что она свет умственных очей и правило всему житию человеческому». Обращаясь от лица патриархов к царю, он убеждает его основывать школы, умножать спудеев

(студентов) своей милостью и вниманием, сыскать хороших учителей и всеми почестями поощрять к трудолюбию. В своих проповедях Симеон Полоцкий нападал на старых учителей, обвиняя их в невежестве. Но одними обличениями нельзя было вдруг сделать всех образованными. Поэтому назрел проект высшего учебного заведения, что явилось как-бы венцом всей просветительской деятельности Симеона Полоцкого.

Проект будущей академии был составлен по образцу белорусской и украинской высшей школы. Эта была только общая схема будущей академии, и составлен проект был от имени царя. В начале документа говорится о том, что царь, вступив на престол, подобно Соломону, ни о чём не хочет так заботиться как о мудрости. Как Соломон устроил семь училищ, так и Фёдор намерен устроить в Заиконоспасском монастыре академию, в которой бы обучали семи свободным наукам, Это были науки, разрешенные к преподаванию православной церковью. Запрещена была только естественная магия. В проекте оговаривалось количество предполагаемых изучаемых предметов, обязанности учителей и учеников. Для школы предлагалось выделить отдельное строение, были даны монастыри Спаса в Китай-городе близ Неглинных ворот (Заиконоспасский), Иоанна Богослова в уезде Переяславля Рязанского, ибо Иоанн Богослов почерпнул мудрость небесную от источников премудрости; Андреевский на Москва-реке, ибо этот монастырь основан Ртищевым для учебного братства; монастырь Данилов на Москва-реке и ещё четыре монастыря со всеми крестьянскими дворами и со всеми угодьями. Кроме того, от своего имени царь дан Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей в разных местах. Таким образом, предполагалось отпустить значительные средства, и позволено было всякому частному лицу жертвовать на одежду и пищу ученикам. Блюститель и учителя должны были быть благочестивые и от благочестивых родителей рожденные и воспитан-

ные в православной вере российского и греческого народа, Оговаривалось, что из греков могут быть допущены только те, которые принесут от вселенских патриархов достоверное свидетельство «о крепком утверждении своем в восточной вере» Новообращенные из римской веры, а также из лютеранской и кальвинской и других ересей, как говорится в документе, не допускаются в блюстители и учителя. Проект также рекомендовал очень осторожно относиться к учителям из Литвы и Малороссии, и рекомендовал не верить их словам без свидетельства благочестивых людей и не ставить их в блюстители и учителя. Блюстители и учителя должны крепко и нерушимо охранять и защищать православную веру от всяких ересей. В случае нарушения клятвы предусматривалось наказание (лишение чина учительского, сожжение на костре). Запрещалось иметь домашних учителей иностранных языков, ибо от них может быть вред православной вере. Академия должна была блюсти за тем, чтобы не появлялось противников православной веры. Блюститель должен доносить царю о ересях, наблюдать за поведением всех новообращенных в православную веру, следить за тем, чтобы никто еретических книг и писаний у себя не держал и не читал. Запрещалось вести спор по поводу этих книг, а книги сжигать или приносить блюстителю, Кроме того, блюстителю академии было дано право судить за ереси и приговаривать к сожжению, Из этой привилегии очень хорошо виден господствующий взгляд того времени на науку. Необходимость науки и училища осознана, но осознана она в интересах церкви. Училище устраивается для поддержки православия и становится главным орудием в борьбе против других вер. Таким образом, православная церковь хотела устроить для себя цитадель или инквизиционный трибунал при столкновении с иноверным Западом. Наука призывалась для служения церкви.

Несмотря на такое реакционное отношение право-

славной церкви к другим верам, в проекте есть положения, которые имеют историческую значимость. Во-первых, было предусмотрено, что в академию допускались люди всех сословий и возрастов. Это было существенно для выходцев из народа, которых впоследствии очень много училось в академии. Во-вторых, у учеников были определенные привилегии. Все их поступки рассматривал академический суд. Чтобы не препятствовать науке учеников судил блюститель с учителями. Блюститель, если будет заподозрен в каком-либо преступлении, судится учителями, учитель судится блюстителем и учителями. За долговременную и верную службу учителя получают пенсии. Предусматривались льготы для прилежных учеников. За прилежность в науках, особенно в изучении священного писания и языков, от царя предусматривалось вознаграждение, а по окончании учения пожалование соответствующего чина. В документе оговаривалось, что из неблагородных в государственные чины допускались только за государственные заслуги и после окончания училища. Это способствовало стремлению учиться в данном училище. Учёные иностранцы, приезжавшие в Россию, подвергались испытанию в академии и только после этого принимались за службу.

Проект академии остался только проектом. Царского решения по этому вопросу Симеон Полоцкий не дождался. После смерти Симеона проект был подписан, но остался только на бумаге. В 1682 году Фёдор Алексеевич умер. Только в 1685 году, когда Сильвестр Медведев познакомил царевну Софью с проектом, к вопросу устройства академии вернулись и первое высшее учебное заведение в Москве было открыто.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО КАК ИСТОЧНИК ИДЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Крачак О. Е.,
(г. Минск)

Обращение к творчеству Симеона Полоцкого особенно интересно для нас, потому что, как и мы сейчас, он жил в период истории, названный переходным.

Симеон Полоцкий интересен для нас как духовный, ориентир, потому что в условиях переходной эпохи он смог выработать единую мировоззренческую позицию.

Его взгляды формировались в Киево-Могилянской академии. Основоположники этой школы стремились синтезировать восточнославянские и культурные западноевропейской традиции, сохранив при этом духовные ценности восточно-христианского мира. Навыки религиозно-философского мышления, дух толерантности, достоинства человеческой личности - все эти и другие идеи, полученные мыслителем в Киеве, формировали его духовный облик.

Свои взгляды на воспитание Симеон высказывал в стихотворениях и в проповедях. Так, в слове «Возлюби искреннего своего яко сам себя» он говорил, что не только люди занимаются воспитанием своих детей, но и животные, и птицы заботятся о своих детенышах и птенцах.

В обоих своих сборниках проповедей «Обеде душевной» и «Вечери душевной» Полоцкий затрагивал вопросы воспитания. Он писал, что в злонравии детей повинны воспитатели, что сумеет вложить воспитатель в душу и сердце ребенка, то он сохранит на всю жизнь.

Большое внимание уделял Симеон Полоцкий воспитанию ребенка в семье, роли матери в образовании ребенка. Симеон Полоцкий считал, что именно семья, мировоззрение и поведение старших оказывает влияние на неокрепшую душу ребенка. Ум ребенка - является по его словам «скрыжалей ненаписанной». Эту идею Симеон Полоцкий выдвинул за 12

лет до Джона Локка. Полученные в детстве знания и умения сохраняются до самой смерти человека, поэтому Симеон проповедовал начинать обучение и образование ребенка с раннего возраста, учить его мастерству, советовал опасаться безделья. И сам Полоцкий, стремившийся научить чему-то своих современников, по словам его ученика Сильвестра Медведева, писал ежедневно по 8 страниц проповедей, стихов. Симеон Полоцкий поставил перед собой цель создать в России новую словесную культуру. Заветной мечтой Симеона Полоцкого было создание в Москве высшего учебного заведения, в котором он сам занял бы должность ректора, и получив относительную независимость от двора и церкви, смог бы активно претворять в жизнь свои взгляды на просвещение. Уже после смерти Симеона Полоцкого во времена царствования Софьи эта идея, хотя сильно деформированная, была реализована в 1686г. в Москве на ул. Никольской открылась Славяно-греко-латинская академия.

Всеми способами стремился ученый и эрудит воспитать у читателя любовь к книге, учению, знанию, стремился обновить душу знаниями. Он просвещал и поучал своего читателя в косвенной форме, историческими рассказами, аллегориями, иносказательными притчами. Мысли, которые он подает в юмористической форме имеют глубокий смысл, тем более, что они подкреплены народной мудростью. В сборнике «Вертоград многоцветный» есть короткая басня «Частость» (т. е. частота), в которой просветитель говорит: «Не сила капли камень пробивает, но яко часто на того падает... », следовательно, кто много читает, тот выучится и станет образованным. Вообще, невежество Симеон Полоцкий считал источником многих бед: «Невежда пути вожд да не бывает книг неискусный да не поучает. Невежда мудрого елма поучает - Слепец считаю провожает. Сова о лучах солнца рассуждает. Егда невеглас о мудрых вещает».

Симеон Полоцкий не только писал, но понимая значение печатного слова принимал активное участие в опубликовании своих произведений. Полоцкий впервые в России стал книгоиздателем, печатавшим книги без цензуры.

Во втором предисловии к «Псалтыри рифмотворной» Симеон Полоцкий писал, что долгом просвещенного человека является воспитание мудрости, которая помогает осуществить

человеку главную цель - быть полезным людям. Человек, утаивающий свою мудрость, подобен глупцу, зарывающему в землю чистое золото: «Талант в землю сокрыта, есть то благодати данныя на тлетворы вещи обращати» или «»Знающе правду, а о ней молчати, есть злато в землю тщетно закопати».

Симеон Полоцкий был первым в истории белорусской и русской педагогики, кто обратил внимание на важность гражданского воспитания. До Симеона Полоцкого во всех церковных наставлениях проповедовалось только воспитание правоверного христианина.

В «Вечери душевной» встречаются проповеди, посвященные вопросам нравственности и нравственного воспитания. У Симеона Полоцкого чем выше культура, тем выше моральность: «Естество дает токмо ежи жити; Философиа учит благо жити; Ово со скоты обще нам бывает, Сия ангелам нас уподобляет». Симеон Полоцкий считал свои стихи пособием для исправления характера: «Яко врачество болезнь исцеляет Философиа нрав зол души исправляет». Полоцкий проповедовал смирение, терпение, послушание, милосердие. В проповедях на житейские и бытовые темы Симеон обличал падение нравов в его время. К нравственному безобразному он относил жадность, жестокость, лень, несправедливость. «Обрящет зде благородный и богатый врачества недугом своим; гордости - смирение; сребролюбию - благорасточение. Обрящет гневливец - кротость и прощение удобное; ленивец - бодрость; глупец - мудрость; ненавистник - любовь». По словам Полоцкого внешнее безобразие становится отвратительным, когда оно порабощает душу. Высшей нравственной красотой является любовь ко всем проявлениям бытия.

В теологических сочинениях Симеона Полоцкого эстетическая проблематика занимает важное место: проявление красоты в различных сферах бытия, главным образом в человеческой жизни, соотношение между духовной и внешней красотой, прекрасное и безобразное, возвышенное и героическое религиозное и светское искусство.

Многогранная и разнообразная деятельность Симеона Полоцкого - творческий источник идей, выводов и наблюдений, которые могут быть использованы и в современной педагогической теории и практике.

ИЗДАНИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО В БИБЛИОТЕКАХ И МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ.

Ладисова Г. П.,
(г. Полоцк)

Самым крупным хранилищем кириллических изданий XVI-XVIII вв. в нашей республике является Национальная библиотека. В фонде отдела рукописей, редкой книги и старопечатных изданий в настоящее время их насчитывается более 650 экземпляров. Это издания белорусских (150 книг), украинских, российских типографий (в том числе и московских).

Среди них только четыре экземпляра изданий Симеона Полоцкого:

1. Обед душевный. Москва, Верхняя типография. 1681 - 2 экз. (инв. №№ 09/34; 09/2422к);
2. Вечеря душевная. Москва, Верхняя типография. 1683. (Инв. № 09/117об);
3. Жезл правления. Москва, Синодальная типография. 1753 (инв. № 09/2422об.).

Один из экземпляров «Обеда душевного» (инв. № 09/ 2422к) относится к довоенным собраниям библиотеки. Но в связи с тем, что почти вся довоенная учётная документация погибла, установить источник поступления этого экземпляра в фонды библиотеки не представляется возможным.

Остальные издания, вероятно, переданы из Центрального обменно-резервного фонда комплектования Государственной библиотеки СССР им. Ленина (ныне Российская Государственная библиотека) в 1945-1950-х годах, т. к. именно в этот период правительством республики принимаются ряд постановлений о восстановлении книжных фондов Государственной библиотеки БССР им. Ленина, используя книжные фонды Москвы, Ленинграда и др. городов. (Постановление № 8 от 21

июля 1944 года). (1) [Библиотечное дело в БССР. Документы и материалы. 1941-1958. Мн., «Вышэйшая школа». 1984. С. 15-16, 21-22].

Экземпляры изданий Симеона Полоцкого, хранящие-ся в фондах Национальной библиотеки имеют довольно пол-ный состав. (Состав сверялся по изданию Зерновой А. С. Кни-ги кирилловской печати изданные в Москве в XVI-XVIIвв. Сводный каталог. М., 1958. С. 105-107.). В «Вечере душевной» сохранена гравюра (встречается редко). Исключением являет-ся экземпляр «Обеда душевного» под инв. № 09/2422к.

Книга реставрирована, возможно, после пожара. Ти-тульный лист отсутствует, 245 начальных и 2 последние стра-ницы полностью восполнены рукописью (полууставом).

В экземпляре «Жезла правления» (09/31) отсутствует титульный лист с гравюрой с изображением архиерейского посоха. Этот экземпляр имеет записи, в том числе и владель-ческие. (На форзаце: «Сия книга // Ивана Бабарыкина //Сим писал Иван Бабарыкин // 1869 года апреля 24го»).

Уже несколько лет сотрудниками отдела рукописной, редкой книги и старопечатных изданий ведётся работа по со-ставлению каталога кириллических изданий XVI-XVIIIвв., за-дачей которого является подробное описание каждого экземп I ляра собрания. Уже составлен такой каталог на кирилличес-кие издания белорусских типографий (см. Киреева Г. В. Кол-лекция белорусских кириллических книг XVI-XVII веков **в** Национальной библиотеке Беларуси. В кн: Здабыткі. Дакум. помнікі на Беларусі. - Мн., 1997, - Вып. 2. С. 80-105). Сейчас ведётся работа по составлению второй части каталога, в кото-рый войдут и описания изданий Симеона Полоцкого.

Вторым по значению книжным хранилищем в респуб-лике является Фундаментальная библиотека им. Я. Коласа АН Беларуси.

В отделе редкой книги библиотеки хранятся следую-

щие издания Симеона Полоцкого:

1. Жезл правления. Москва, Печатный двор, 1667 - 2 экз. (Инв. №№ Ср. 116; Ср. 2089);
2. Псалтирь в стихах. Москва, типография Верхняя. 1680. (инв. № Ср. 2090);
3. Обед душевный. Москва, тип. Верхняя 1681. (инв. № Ср. 21157);
4. Вечеря душевная. Москва, тип. Верхняя 1683. (инв. № Ср. 265).

Единственным в Беларуси и наиболее редким (по количеству сохранившихся экземпляров) является «Псалтирь в стихах». Книга приобретена 13. 07. 1975г. через книжный маг. № 2 г. Минска у гр.Андриевского, ранее принадлежала гр-ке Жариковой, жительнице д. Большая Буда Гомельской области.

Экземпляр «Псалтири» реставрирован, тем не менее имеет полный состав, сохранена гравюра «Царь Давид». Имеются многочисленные записи скорописью и почерком 19в. К сожалению, поля книги во время реставрации сильно обрезаны, поэтому записи возможно воспроизвести лишь фрагментарно.

Остальные экземпляры, возможно, также поступили из Центрального обменно-резервного фонда Государственной библиотеки им. Ленина в 1950-е годы (первичная учётная документация отсутствует). Отличаются практически полным составом, однако гравюры в «Обеде душевном» и «Вечере душевной» отсутствуют. В «Вечере душевной» при реставрации неправильно сшиты тетради (переставлены), поэтому нарушена фолиация во 2-ом (нач. с л. 136) и 4-ом счёте (нач. с л. 40).

В 1990г. на торжествах в г. Москве по случаю 500-летнего юбилея со дня рождения восточнославянского первопечатника Ф. Скорины председатель комиссии «Вяртанне» А. Мальдис и директор Полоцкого историко-культурного заповедника Т. Д. Рудова обратились к администрации Государственной библиотеки СССР им. Ленина с просьбой передать дублетные экземпляры изданий Ф. Скорины для Музея белорус-

ского книгопечатания, открывшегося на родине первопечатника - в г, Полоцке.

Издания Ф. Скорины не передали, но были переданы 11 книг XVII-XVIII вв. Среди них 3 издания Симеона Полоцкого:

1. Псевдо - Василий I, имп. Византии. Тестамент к сыну своему Льву Философу. - Москва: Верхняя типография. 1680.
2. С. Полоцкий «Вечеря душевная. - Москва: Верхняя типография. 1683.
3. С. Полоцкий. Жезл правления. - Москва: Синодальная типография. 1753.

Поступили в фонды Полоцкого историко-культурного заповедника по акту от 14. 01. 91г.

Приведём развёрнутое описание имеющихся в фондах ПИКМЗ экземпляров:

1. Псевдо-Василий I, имп. Византии. Тестамент к сын) своему Льву Философу. - Тип. Верхняя - 1. 1680 (7188) Фёдор; Иоаким. Тит. л. отсут. Формат 8, лл. 1-11 отсут,. нач. л, l(2-ая паг. »). Строк 12 и 20, 10 строк = 86 и 51 мм. Кустоды, сигнатуры буквенные; печать в 2 краски. Фолиация в верхнем правом углу: 1-9, 18-71 = 63 лл.

Состав:

Л. 1а - 2а - гл. 1, о добродетели наказание;
Л. 2б – 3б - гл. 2, о вере;
Л. 4а -5а - гл. 3, о чести священичестей;
Л. 5б - 6а - гл. 4, о суде и воздоянии;
Л. 6б – 7б - гл. 5, о милостыни;
Л. 8а – 8б - гл. 6, о прилежании нравом;
Л. 9а рукопис. - гл. 7, о сожитии полезных муж;
Л. 9б рукопис. - гл. 8, о смиреномудрии;
Л. 18а рукопис. - гл. 15, о мудрости;
Л. 18б - гл. 16, о молчании;
Л. 19а – 19б - гл. 17, о поучении;

Л. 20а - 22а - гл. 18, о совесте;
Л. 22б - 24а - гл. 19, о чистоте;
Л. 24б рукописи. – 25б - гл. 20, о чести родителей;
Л. 26а -27а - гл. 21, о правде;
Л. 27б - 28а - гл. 22, о благодательствии;
Л. 28б - 29а - гл. 23, о истинных друзех;
Л. 29б - 30а - гл. 24, о презрении имением;
Л. 30б - 31а - гл. 25, о пьянстве;
Л. 31б – 32б - гл. 26, о друзех;
Л. 33а - 34а - гл. 27, о богатстве, и лихоимстве;
Л. 34б - 35а - гл. 28, о долготерпении и кротости;
Л. 35б - 36а - гл. 29, о истине, и лжи;
Л. 36б – 37б - гл. 30, о начальстве;
Л. 38а – 38б - гл. 31, о совесте;
Л. 39а - 40а - гл. 32, о правых и законех;
Л. 40б – 41б - гл. 33, о не разрушении дружбы;
Л. 42а - 43а - гл. 34, о слове и молчании;
Л. 43б - 44а - гл. 35, о миластыни;
Л. 44б - 46а - гл. 36, о еже непреложну быти в добрых;
Л. 46б - 47а - гл. 37 о еже быти презориву;
Л. 47б - 48а - гл. 38, о навете страстнем;
Л. 48б – 49б - гл. 39, о царствия правлении;
Л. 50а – 50б - гл. 40, о совестнем законе;
Л. 51а – 52б - гл. 41, о еже не продавати саны;
Л. 53а – 54б - гл. 42, о еже не обидети, ни попущати обиды;
Л. 55а - 56а - гл. 43, о памяти смертней;
Л. 56б – 57б - гл. 44, о разсуждении поставления властем;
Л. 58а – 58б - гл. 45, о миротворении;
Л. 59а – 59б - гл. 46, о еже примата советы благи;
Л. 60а - 61а - гл. 47, о памяти блазей;
Л. 61б – 62б - гл. 48, о еже милостиву быти согрешившим;
Л. 63а – 63б - гл. 49, о еже быти мирну и благочтиву;
Л. 64а - 65а - гл. 50, о еже быти податливу благодатию;

Л. 65б - 66а - гл. 51, о красоте телесной;

Л. 66б - 67а - гл. 52, о философе и враче;

Л. 67б - 68а - гл. 53, о еже не послушати навады;

Л. 68б - 69а - гл. 54, о прочитании книжном;

Л. 69б - 71а - гл. 55, о еже ващше любити просящих, паче дающих

Л. 71а – 71б - гл. 56 о благородии телесном и душевном;

Орнамент: заставка 1, страницы в линейных рамках.

Переплёт: тёмно-коричневая кожа на досках. Слепое тиснение. Следы застёжек. Пер. деф.: расшит, следы жучка. Бумага по углам загрязнена. Форзац отсутствует. На внутр. крышке переплёта надписи чернилами и карандашом. На л. 1 штамп чернильный прямоугольный Центрального обменно-резервного фонда ГБЛ СССР. ПИКМЗ. КП-11-6395.

2. Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. - Тип. Верхняя. Л. 1683. (19. 10. 7190-1. 7191). Фёдор; Иоаким. Тит. л. нет. Формат 2, начало л. 3, Строк 26, 10 строк = 86мм. Кустоды, сигнатуры; печать в две краски. Фолиация в верхнем правом углу: 3-8; 1-522; 1, 2; 1-154, 156, 158, 157, 158-179 = 709.

Состав:

1) 3а - 4б, предисловие к читателю;

2) 5а -8б, оглавление;

3) 2 паг. 1а -7а, Слово в день новаго лета, вон же и преподобнаго отца нашего Симеона Столпника;

4) 7б - 14а, слово в день святыя Марфы, матери Симеона Столпника (1 сентября);

5) 14б - 20б, Слово 1 на день рождества пресвятыя богородицы (8 сентября);

6) 21а - 26а, Слово 2 на день рождества пресвятыя богородицы (8 сентября);

7) 26б - 33б, Слово в день преподобныя матери нашея Феодоры, яже во Александрии (11 сентября);

8) 34а - 38б, Слово 1 в день воздвижения честнаго и животворящаго крета господня (14 сентября);

9) 39а - 46а, Слово 2 в день воздвижения честнаго и животворяшаго креста господня (14 сенгтября);
10) 46б - 54б, Слово на день святыя мученицы Софии и чад ея Веры Надежды и Любве (17 сентября);
1 1) 55а - 64б, Слово в день преподобнаго отца нашего Сергия Чюдотворца игумена Радонежского (25 сентября);
12) 65а - 72а, Слово в день святого Иоанна Богослова (26 сентября);
13) 72б - 79а, Слово 1 в день покрова пресвятыя богородицы (1 октября);
14) 79б - 85а, Слово 2 в день покрова пресвятыя богородицы (1 октября);
15) 85б - 92а, Слово в день святаго архистратига Михаила и прочих (8 ноября);
16) 92б - 101а, Слово в день святаго Григория Неокесарийскаго чюдотворца (17 ноября);
17) 101б -107б, Слово в день воведения пресвятыя богородицы (21 ноября);
18) 108а -115б, Слово в день святыя великомученицы Екатерины (24 ноября);
19) 116 -123а, Слово в день святаго апостола Андрея (30 ноября);
20) 123б - 131а, Слово день святаго пророка Софония (3 декабря);
21) 131б - 139а, Слово день преподобного отца нашего Саввы Звенигородского (3 декабря);
22) 139б - 145б, Слово 1 в день во святых отца нашего Николая, архиепископа мирликийских чюдотворца (6 декабря);
23) 146а - 151б, Слово 2 в день во святых отца нашего Николая, архиепископа мирликийских чюдотворца (6 декабря);
24) 152а - 159б, Слово в день во святых отца нашего Петра митрополита Московского и всея России чюдотворца (21 декабря);
25) 160а - 165б, Слово 1 в день рождества господа Иисуса

Христа (25 декабря);
26) 160а - 171б, Слово 2 в день рождества господа Иисуса Христа (25 декабря);
27) 172а - 177б, Слово в день вторый рождества Христова, вон же есть собор пресвятыя богородицы (26 декабря);
28) 178а - 184а, Слово в день святаго первомученика архидиакона Стефана (27 декабря);
29) 184б -191б, Слово 1 в день обрезания господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа (1 января);
30) 192а - 197а, Слово 2 в день обрезания господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа (1 января);
31) 197б - 204а, Слово 1 в день крещения господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, еже есть на богоявление господне (6 января);
32) 204б - 209а, Слово 2 в день крещения господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, еже есть на богоявление господне (6 января);
33) 209б - 216б, Слово в день во святых отца нашего Филиппа, митрополита Московскаго и всея России чюдотворца (9 января)
34) 217а -222а, Слово в день святой мученицы Татианы (12 января);
35) 222б -230а, Слово 1 в день во святых отца нашего Григория Богослова (25 января);
36) 230б - 238а, Слово 2 в день во святых отца нашего Григория Богослова (25 января);
37) 238б - 244б, Слово 1 в день во святых отца нашего Ксенофонта и дружины его Марии (26 января);
38) 245а - 252а, Слово в день во святых отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константина града (27 января);
39) 252б - 259а, - Слово 1 в день стретения господа нашего Иисуса Христа (2 февраля);
40) 259б -266а, Слово 2 в день стретения господа нашего Иисуса Христа (2 февраля);

41) 266б - 274а, Слово на день во святых отца нашего Алексия Митрополита Московского, всея России чюдотворца (12 февраля);
42) 274б - 280б, Слово в день святыя и преподобныя мученицы Евдокии (1 марта);
43) 281а - 288а, Слово в день преподобнаго Алексия человека Божия (17 марта);
44) 288б - 294б, Слово 1 в день благовещения пресвятыя богородицы (25 марта);
45) 295а - 300б, Слово 2 в день благовещения пресвятыя богородицы (25 марта);
46) 301а -304а, Слово 3 в день благовещения пресвятыя богородицы (25 марта);
47) 304б - 310б, Слово в день преподобнаго отца нашего Феодосия игумена монастыря Печерскаго, и начальника монастыря Печерскаго, и начальника в руссийстей земли монашескаго общаго жития. (30 марта);
48) 311а - 317б, Слово в день святыя и славныя великомученицы Ирины (5 мая);
49) 317а - 324а, Слово в день стретения иконы Владимирския, пресвятыя Богородицы (21 мая, 23 июня, 26 августа);
50) 324б - 331а, Слово в день святыя преподобномученицы Феодосии (29 мая);
51) 331б - 339б, Слово на день святаго великомученика Феодора Стратилата (8 февраля и 8 июня);
52) 340а - 348б, Слово в день во святых отца нашего Ионы Митрополита Московскаго и всея России чюдотворца (15 июня);
53) 349 - 354б, Слово в день рождества святаго Иоанна Предтечи (24 июня);
54) 355а - 361а, Слово в день праздника явления иконы пресвятыя богородицы одигитрии Тихвинския (26 июня);
55) 361б - 369а, Слово 1 в день святых верховных апостол Петра и Павла (29 июня);

56) 369б - 374б, Слово 2 в день святых верховных апостол Петра и Павла (29 июня);
57) 375а - 380а, Слово 1 в день явления иконы пресвятыя богородицы, именуемыя казанския (8 июля);
58) 380б -386а, Слово 2 в день явления иконы пресвятыя богородицы, именуемыя казанския (8 июля);
59) 386б - 389а, слово 3 в день явления иконы пресвятыя богородицы, именуемыя казанския (8 июля);
60) 389б - 395б, Слово в день преподобнаго отца нашего Антония Печерскаго, общежитию в России начальника (10 июля);
61) 396а - 402а, Слово в день святаго равноапостальнаго князя Владимира (15 июля);
62) 402б - 409б, Слово в день святаго пророка Илии (20 июля);
63) 410а - 416а, Слово в день успения святыя Анны матере пречистая богородицы (25 июля);
64) 416б - 420б, Слово 1 в день происхождения животворящего креста господня (1 августа);
65) 421а -425а, Слово 2 в день происхождения животворящего креста господня (1 августа);
66) 425б - 429б, Слово 3 в день седми братий по плоти, Маккавей нареченных (1 августа);
67) 430а -436б, Слово 1 в день преображения господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа (6 августа);
68) 437а -441б, Слово 2 в день преображения господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа (6 августа);
69) 442а - 449а, Слово 1 в день успения пресвятыя богородицы (15 августа);
70) 449б - 454б, Слово 2 в день успения пресвятыя богородицы (15 августа);
71) 455 - 461б, Слово 1 в день перенесения нерукотвореннаго образа господа нашего Иисуса Христа от Едеса (16 августа);
72) 462а - 469а, Слово 2 в день перенесения нерукотвореннаго образа господа нашего Иисуса Христа от Едеса (16 августа);

73) 469б - 474а, Слово 3 вдень перенесения нерукотвореннаго образа господа нашего Иисуса Христа от Едеса (16 августа);
74) 474б - 478а, Слово 4 в день перенесения нерукотвореннаго образа господа нашего Иисуса Христа от Едеса (16 августа);
75) 478б - 485а, Слово 5 в день перенесения нерукотвореннаго образа господа нашего Иисуса Христа от Едеса (16 августа);
76) 485б -492а, Слово 6 в день перенесения нерукотвореннаго образа господа нашего Иисуса Христа, иже есть убрус;
77) 492б -500б, Слово 7 в день перенесения нерукотвореннаго образа господа нашего Иисуса Христа, иже есть убрус;
78) 501а - 508б, Слово в день святаго мученика Адриана, и дружини его преподобныя Наталии (26 августа);
79) 509а - 516б, Слово 1 в день усекновения честныя главы святаго Иоанна Предтечи (29 августа);
80) 517а - 522а, Слово 2 в день усекновения честныя главы святаго Иоанна Предтечи (29 августа);
81) 522б, пустой.
82) 3 паг., 1а - 2а, Приложение слов на различныя нужды. Оглавление;
83) 2б, пустой.
84) 4 паг., 1а - 7б, Слово о писании божественном;
85) 8а - 15а, Поучение о благоговейном стоянии во храме Божий, и слушании божественныя литургии;
86) 15б - 23б, Поучение о иереов сущым подними в пасстве их, о еже пребывати им во всяком благочестии, и не пети бесовских песней, и не творити игр, и всякого безчинства: паче же не ходити к волхвом и чародеем, ниже призывати их в домы;
87) 24а - 31б, Слово о седми гресех смертных;
88) 32а - 40а, Слово о суеверии или суечестии;
89) 40б - 45б, Слово от архиереа новопоставленнаго, во епархию си пришедша к священником, о еже жити им благоговейно, внимати же себе и стаду;

90) 46а - 51б, Слово пастыря ко овцам пришедша;
91) 52а - 58а, Слово пастыря ко овцам иже на долзе удален быша от стада;
92) 58б - 63б, Слово пастыря стада си посещающа к людем;
93) 64а -70б, Слово на освящении храма;
94) 70а - 77а, Слово на посвящении храма;
95) 77б - 86а, Слово на посвящении храма покрова пресвятыя богородицы;
96) 86б - 93а, Слово к православному воинству о помощи пресвятыя богородицы внегда принесенен быти всечестной ея иконе;
97) 93б, на Дон в полк собраныи на агаряны;
98) 99б, Слово к православному и хрестоименитому запорожскому воинству, внегда принесённой быть всечестней иконе, иже во святых отца нашего Алексиа митрополита Киевского, и всея Россия чюдотворца, в благочестивия полки их, собраныя противу нечестивым турком и татаром.
99) 100а - 107а, Слово на погребении честнаго человека;
100) 107б-112а, Слово на погребении мужа сановита;
101) 112б - 118а, Слово на погребении мужа честнаго;
102) 118об - 123об, Слово на погребении воинскаго человека;
103) 124а - 129б, Слово на погребении мужа благовейнаго;
104) 130а -135б, Слово на погребении мужа благоговейнаго;
105) 136а - 142б, Слово на погребении нмужа благоговейнаго;
106) 143а - 150а, Слово на погребении честныя жены;
107) 150б - 153б, Слово в день рождества Христова, от лица святеиших патриарх, Паисия Александрийскаго, и Макария Антиахийскаго о взыскании премудрости божественныя;
108) 154а - 158а, Слово в день во святых отца нашего Петра митрополита московскаго, и всея России чюдотворца: во время междупатриаршества, присутствовавшым на Москве святейшым патриархом, Паисею Александрийскому, и Макарию Антиохийскаму;

109) 158б - 162а, Слово о покаянии;
110) 162б, пустой;
111) 163а -167б, Слово в день сошествия св. духа ко иереом, о еже прилежати стаду: и обличительное крамолившихся вмятежное время. Купно же похвалное слугам болярским. Чтенное, в лето 7180;
112) 168а - 170б, Слово в день святыя преподобномученицы Евдокии;
113) 171а - 179б, Слово на погребении архиерея;

Страницы в линейных рамках. Гравюра отсутствует. Орнамент: инициалов 3 с 2 досок; заставок 108 с 7 досок; концовок 35 с 4 досок.

Переплёт: коричневый на досках. Следы 2-х застёжек. Обрез тонирован красной краской. На внутренней крышке переплёта записи черными чернилами и простым карандашом; на форзаце с 2-х сторон рукописный текст почерком к. 19в. коричневыми чернилами; на отдельных листах записи скорописью к. 17в. и почерком 19в. коричневыми чернилами кириллицей, латинском и польском языках; на л. 3 - штамп чернильный прямоугольный Центрального обменно-резервного фонда ГБЛ СССР.

ПИКМЗ КП-11-6402.

3. Симеон Полоцкий. Жезл правления - 2-е изд. - Москва: Синодальная тип., февраль 1753 (7261). Формат 2. Титл. Строк: 28, 37; Шрифт: 83, 62 мм.

Кустоды, сигнатуры буквенные; печать в две краски. Фолиация в верхнем правом углу: 1-4 нн; 1-13, 14-69, 70-123 = 127 лл.

Состав:

1) титл.;
2) 2 нн а - цитаты из псалмов;
3) 2 нн. б- пустой;
4) 3 нн. а - 4 нн. б. - предисловие 1;

5) 2 паг., л. lа - 13б - предисловие 2;

6) 14а - 69б - обличение Никитино;

7) 70а - предисловие к ч. II;

8) 70б - 123б - обличение Лазарево;

Орнамент: 4 заставки с 3 досок; 5 концовок с 4 досок. Страницы в линейных рамках.

Гравюры:

1) титл., жезл;

2) 2 паг., л. 49а, рука благославляющая;

3) 50а, рука благославляющая;

4) 50б, крест.

Переплёт: темно-коричневая кожа на досках, слепое тиснение (растительный орнамент), следы застёжек. Бумага в подтёках, углы загрязнены. На форзаце надписи и пометы простым карандашом, в левом нижнем углу коричневыми чернилами, на титл, запись коричневыми чернилами скорописью (зачёрктуно) и почерком 19в, на л. 123б - коричневыми чернилами «митрофан О».

ПИКМЗ КП-11-6393.

Таким образом, сегодня в библиотеках и музеях нашей республики имеется 12 экземпляров изданий Симеона Полоцкого.

Изучение и описание особенностей каждого из них Даёт возможность проследить пути и границы распространения изданий Симеона Полоцкого, судьбы отдельных книг и книжных собраний, взаимоотношения и взаимовлияния книги и общества, состав читательской среды и т. д. В будущем необходимо издание сводного каталога печатного наследия Симеона Полоцкого, в котором нашли бы отражение и экземпляры, хранящиеся в библиотеках и музеях Беларуси. (См.: Немировский Е. Л. Издания Франциска Скорины. Сводный каталог и описание. // Франциск Скорина. Сборник документов и материалов. Мн., 1988. С. 205-310).

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО:
Симеон Полоцкий - проповедник

Левшун Л. В.,
(г. Минск)

Проповедническое наследие Симеона Полоцкого оставалось и до сих пор остается в стороне от исследовательских интересов современных медиевистов. Между тем анализ проповедей придворного стихотворца, думается, может серьезно обогатить наши представления о его творческом методе, а кроме того - более точно определить место, какое занимает его творчество в культурной традиции восточных славян.

Поскольку целостный анализ проповеднического метода полоцкого дидаскала требует отдельного большого исследования, то в своем кратком выступлении я хочу затронуть лишь один, но наиболее, как мне представляется, значимый и показательный аспект, позволяющий характеризовать творческий метод средневекового книжника, тем паче - проповедника. Это - способ осмысления им священного текста (Священного Писания и святоотеческого Предания).

При всем многообразии способов использования и толкования священных текстов в произведениях различных писателей восточнославянского средневековья четко выделяются три основные типа отношений к Писанию и соответственно три основных художественных метода осмысления и описания действительности.

1) Библия воспринимается (и не только воспринимается, но и является) как собственно субъект анализа окружающей действительности, то есть как то, чем и на основании чего действительность может быть объяснена и получает свой

смысл и место в человеческой истории. Писатель в таком случае становится и осознает себя не более как орудием (хотя и не пассивным!) толкования Писания: он сам значим настолько, насколько в состоянии увидеть смысл земной действительности через объясняющую (то есть собственно осмысляющую) призму священного текста, который при таком отношении воспринимается обращающимся к нему книжником как образ (икона) той самой истинной Реальности, к которой стремится, на которую равняется и от которой получает бытие реальность историческая, являющаяся своего рода аппликацией (от лат. applicare - прикладывать) этой истинной метафизической Реальности.

Такой способ осмысления Писания может быть обозначен как типологическая экзегеза, что подразумевает объяснение (комментирование и в конечном итоге - актуализацию) действительности на основании типологизирования, то есть отыскания в Священном Писании, Предании и Священной истории для каждого конкретно исторического явления его символов-прообразов, возводящих к Архетипу, который можно определить как «то, что думает Бог о данном явлении в вечности». Так что Библия и Священная история оказываются на самом деле не объектом, а субъектом осмысления, в то время как писатель осознает себя и осознается окружающими лишь действующим активным инструментом (со-трудником) такового осмысления.

2) Библия воспринимается как предмет дискурсивного анализа, как то, что должно быть объяснено («алгеброй поверить гармонию») и наделено смыслом. Причем, предполагается, что полнота и целостность Истины, заключенной в библейских книгах, может быть постигнута «корпускулярно», по частям (отдельным стихам, фрагментам, словам и т. д.). Священный текст оказывается при таком подходе к нему рядом ребусов, в которых сокрыта Истина. Книжник осознает свою

задачу как необходимость (задание) разгадать, расшифровать хотя бы некоторые из этих ребусов - все равно, какими способами - и таким образом «вылущить» из них по кусочкам их смысл - истину (многосоставную, но едва ли целостную). Такой тип восприятия священного текста можно определить как аллегорическую амплификацию или короче - аллегорезу: священный текст наделяется столькими аллегорическими значениями, сколько способен придумать экзегет. Но придуманные смыслы нескончаемо многообразны и не сводимы в единое Целое. Их практически невозможно унифицировать или хотя бы упорядочить. Остается только любоваться их причудливой игрой, которая, в конце концов, эстетизируется и приводит в своем приделе к десакрализации священного текста: он становится своего рода «ристалищем» изощренных в анализе умов.

3) Библия воспринимается как источник поучительных иллюстраций и сентенций к возникающим жизненным ситуациям. В этом случае священный текст также, как правило, (причем, независимо от намерений «пользователя») утрачивает свое «священство», десакрализуется, превращается в своего рода цитатник, антологию «пословиц» и «поговорок», или вообще «слоганов», обращение с которыми может быть довольно вольным - вплоть до пародирования: «кесарю - кесарево, а слесарю - слесарево», использования в одном парадигматическом ряду с апофтегмами языческих философов и т. п., - когда смысл Писания подчиняется и «корректируется» так называемой «творческой задачей» автора.

Такой тип отношения к священным текстам можно назвать обратной аллегорической типологией (обратной экзегезой) или риторической экзегезой: в тех случаях, когда Священный текст предписано понимать и толковать буквально книжник обращается с ним как с аллегорией, как с метафорой актуальной действительности. При этом объект толкования (описания) мыслится книжником не как один из образов (в

терминологии Феодора Студита - «характеров», отпечатков), восходящих к библейскому прототипу, а через него - к Архетипу, но как собственно прото-(если не Архе-)тип, через который «осмысливается» Священное Писание, являющееся в данном случае не объектом толкования, но инструментом осмысления действительности.

Исследуем теперь, па основании какого из перечисленных типов отношения к священному тексту формируется творческий метод Симеона Полоцкого как проповедника.

В качестве примера обратимся к «Слову первому в день Преображения» из «Вечери душевной». Выбор мой не случаен и объясняется тем, что тема Преображения Господня всесторонне разработана в христианской экзегетико-гомилетической традиции, и это дает прочную основу для сопоставлений. Апостольская и святоотеческая экзегетическая традиции представляют это событие как прообраз того преображения, которое претерпит творение на Последнем Суде (см., напр., 1 Кор. 15. 52 - 54); исихасты и Григорий Палама кроме этого увидели в Фаворском свете явление Славы Божией на вершинах духовной жизни христианского подвижника, что позволи! ло им толковать Преображение Господне еще и как образ духовного преображения христианина, как символ того медленного и трудного преображения души и духа, последним актом которого будет телесное воскресение и преображение в день Страшного.

Отголоски этой традиции, несомненно, находим и в названной проповеди Симеона Полоцкого. В частности, проиоведник вполне традиционно толкует причину, по которой Христос взял с собой только грех апостолов: «да научимся, аще никтоже может взыти на гору небесную, аще не благодатию Божиею возведется»; возвел избранных апостолов на гору: «да наставимся, яко от юдоли земныя и от всех земных вещей умом на гору небесную и к богомыслию воздвигнутся подоба-

ет» (л. 432); преобразился перед апостолами: показать «славу будущаго общаго всех воскресения» (л. 431); «Слово... » характерно заканчивается призывом (хотя и несколько неожиданным, поскольку мало, как увидим, связанным с общим контекстом проповеди) духовно взойти вслед за Христом и апостолами на Фавор и там преобразиться (л. 436 об.) и т. д.

Между тем очевиден аналитический рассудочный подход дидаскала к священному тексту; проповедник останавливается буквально на каждой детали этогоевангельского эпизода, что само по себе вполне традиционно для проповеди аналитического типа. К примеру, в «Казанье на Преображение» Леонтия Карповича (лишь ранняя смерть казнодея не позволила ему быть старшим современником Симеона) Фаворское Преображение толкуется проповедником столь же детально и основные структурные компоненты казанья также достаточно самостоятельны, но при этом в каждом из них, как мир в капле воды, отражается все содержание проповеди и цельный смысл толкуемого евангельского эпизода. Поэтому аналитическое (по принципу организации материала) «Казанье» Леонтия Карповича тем не менее предстает как цельное, проникнутое единой идеей своеобразное «руководство» к духовному деланию.

Однако аналитизм Симеона Полоцкого существенно отличается от аналитизма традиционной аналитической проповеди, во-первых, тем, что наибольший интерес вызывают у проповедника наименее заметные и наименее значимые для раскрытия духовного смысла эпизода детали (в чем, несомненно, сказывается эстетика и гносеологические принципы «школьного барокко»); а во-вторых, объяснения отдельных деталей никак между собой не связаны - ни сюжетно, ни идейно, ни композиционно, ни логически, ни даже стилистически. Единственной, хотя, как покажет анализ, тоже крайне непрочной, скрепой авторского повествования является последова-

тельность этих деталей и эпизодов в священном тексте.

Итак, с одной стороны, Преображение Господне предстает у Симеона Полоцкого осмысленным в своих мельчайших деталях: почему нет противоречия между евангелистами Матфеем и Лукой, хотя первый утверждает, что Христос преобразился на шестой день после обетования (Мф. 16. 28), а второй - что на восьмой; что прообразуют эти восемь дней; почему только трёх учеников взял на гору Господь и что они собой символизирует; почему и для чего именно Моисей и Илия явились в момент Преображения; почему Пётр воскликнул «Господи, добро нам еде быти» и почему Пётр не прав и т. д.

С другой стороны, осмысление и толкование Симеоном этих отдельных деталей и эпизодов одного и того же святоисторического события не сводится (и вообще, видимо, несводимо!) к единому смыслу. Каждая амплификация имеет свой собственный «сюжет» и конкретную цель, не связанные (или почти не связанные) с общей задачей и содержанием проповеди, о каких известно уже из самой ситуации праздника, в который эта проповедь произносилась.

Характерно, что в праздничном зачале (Мф. 17. 1 - 9) Симеона Полоцкого прежде всего заинтересовывает его расхождение с евангельским чтением на утрени (Лк. 9. 28 - 36) в указании количества дней, какие прошли от Христова предсказания-обетования о страстях до Фаворского Преображения (л. 430 об). Проповедник снимает это кажущееся противоречие, опираясь на соответствующее толкование Иоанна Златоуста, и выбирает все-таки вариант Луки (то есть 8 дней), прямо противореча указанному в начале проповеди зачалу - Мф. 17. Это позволяет Симеону представить восьмой день как прообраз «осмого века мира», когда, согласно отдельным богословским мнениям как раз и состоится «общее всех воскресение» (л. 431), что, в свою очередь, дает проповеднику возможность блеснуть своей начитанностью в области эсхатологии:

«забыв» о Преображении, Симеон начинает подробно рассказывать, какие же «веци в мире суть» и перечисляет все восемь (1 - от Адама до Ноя, 2 - от Ноя до Авраама, 3 - от Авраама до царя Давида, 4 - от Давида до вавилонского плена, 5 - от плена до Иисуса Христа, 6 - от Христа до кончины мира, 7 - «восприемлется по стану душ почивающих а рай. Темже сей век зачася от Вознесения Господня... и протягнется до страшного дне суднаго» (л. 431) - как видим, 6 и 7 века в изложении Симеона, разделены весьма искусственно, так что проповедник прибегает к своеобразному реверансу: «и тако сей (то есть седьмой - Л. Л.) век течет купно с шестым» (л. 431 об.). Наконец, 8 - «от общаго всех воскресения даже до безконечныя веки, и тако добре осмым днем преобразовася... » (л. 431 об.), - удовлетворенно заключает свой пространный экскурс Симеон (хотя, повторю, в праздничном зачале, по тексту которого написана проповедь, читается 6, а не 8 дней).

Исчерпав тему веков, проповедник спокойно (и насовсем) оставляет ее и безо всякой связи (если не считать за таковую сюжет Преображения) переходит к следующей детали: Христос взял с собой трех учеников, Петра, Иоанна и Иакова. На основе этого факта дидаскал создает несколько не связанных между собой (равно как и в целом с темой проповеди) амплификации. Симеон объясняет данную деталь с разных точек зрения: юридической (устами двух или трех свидетелей подтверждается всякое слово, Мф. 18. 16), екклесиологической (три апостола - три столпа Церкви), символической («знаменаютжеся чрез сия три апостолы три роди сведетельств о Христе твореных: чюдеса, кровь и учение», л. 431 об.), догматической («да научимся, аще никтоже может взыти на гору небесную, аще не благодатию Божиею возведется», л. 432), дидактической («да наставимся, яко... умом на гору небесную и к богомыслию воздвигнутися подобает, л. 432).

Разъяснив эту деталь, Симеон опять-таки безо всякого

перехода обращается к следующей, согласно сюжету зачала: «и просияло лице Его... » (Мф. 17. 2). По поводу этой новой детали проповедник строит еще один комплекс независимых друг от друга амплификаций, которые сообщают: кто просветился до Христа и чем та «светлость» отличается от Христовой («не извнутрь бяше... но от благодати Божия», у Христа же «извнутрь изыде из души на тело», л. 432); насколько Христос просветился; «коея паки вины ради» и т. д. И снова - оправданный лишь сюжетом евангельского зачала переход к следующей детали - явлению Моисея и Илии... и т. д.

Словом, как мы убедились, евангельский сюжет Преображения Господня используется Симеоном Полоцким не как основание для душеполезного наставления пастве, не как символический образ духовных процессов, происходящих в каждом верующем, то есть не как предмет богословствования, но как предмет научной дискурсии, как повод продемонстрировать высоту своей эрудиции и искусство «дыалектычного гадания» безотносительно к духовному символическому смыслу Преображения. Ведь в результате этой глубокомысленной и действительно искусной дискурсии остается неясным главное: для чего вообще Преображался Господь на Фаворе, чему научает и что символизирует это событие в духовном плане.

Естественно, что при таковом научно-дискурсивном подходе к священному тексту и при отмеченной нами автономности отдельных амплификации, толкования проповедника (и даже разные толкования одного и того же фрагмента!) могут противоречить друг другу, из чего логично заключить, что дидаскал, по-видимому, не видит, да, кажется, и не стремится увидеть и изложить цельную картину события в сложном соотношении и взаимообусловленности его эмпирического и метафизического планов. К примеру, упомянутое уже восклицание Петра «Господи, добро нам еде быти!» наделяется Симеоном - в одной и той же проповеди! - прямо противопо-

ложными смыслами: как проявление восторга от вкушенных Петром будущих небесных благ («вопиет уже, аки доволно усладивыйся, аки упивыйся от обилия дому Его», 434 об.) и как свидетельство меркантильности Петра и его приверженности земным благам («добро есть нам зде быти, яко безбедно жити возможем: Илию питаху врани, Моисею - манна с небесе даяшеся... крастели умоли у Господа и воду изведе из камене: ничесого убо лишатися можем нуждного ко пропитанию», л. 434; «тако безмерною любовию миру сему прилепившийся и душетленными его сластями услаждающийся... глаголют», л.435об.).

Происходит это по разным причинам, но чаще всего тогда, когда священный текст используется Симеоном Полоцким как своего рода повод высказать собственные мысли и чаяния на ту или иную тему, причем мысли эти, как правило, не вытекают непосредственно из священного текста, но связаны с ним субъективной авторской ассоциацией. Тем самым священному тексту придается (придумывается) новый, нетрадиционный, порой неожиданный смысл (или оттенок смысла), не только не способствующий духовному постижению того или иного евангельского или ветхозаветного эпизода, но часто уводящий от уразумения его прямого (буквального) смысла в область субъективно авторских фантазий и ассоциаций. Например, вполне традиционное для проповедей на Преображение упоминание о предстоящей Христу Голгофе («подобает Господу идти на Голгофу и тамо преобразитися, и вменитися яко прокаженну... » и т. д., л. 435) совершенно неожиданно дает повод проповеднику как-то очень меркантильно погоревать о непостоянстве земного бытия, каковое, по мнению Симеона, как раз и принуждает Петра (опять-таки из чисто меркантильных соображений) просить Христа остаться им всем на безопасном Фаворе: «Кое бо добро ест в мире непостоянном, в немже вся изменению суть подчиненна!? Ибо кто ныне в животе, утро во фобе бывает... Ныне в чести и славе, утро - в

темнице и заключении, или на древе со Аманом... Днесь на свободе, утро во плене. Днесь в радости, утро во печали... - Несть убо добро нам зде быти... » (л. 435 об.). Хотя, напомню, по тексту зачала восклицание Петра («Добро есть нам зде быти») относится не к «миру», но к ситуации Фаворского Преображения; а буквальный смысл приведенного эпизода состоит в том, что апостолу жаль отнюдь не себя, а Учителя, Который, по Его собственному обетованию, должен пойти из этого поразившего Петра благолепия на муки и позорную смерть. Кроме того, «несть убо добро нам зде быти» по логике евангельского эпизода относится вовсе не к Петру, а к самому Господу: Христу (а не Петру!) нельзя оставаться на Фаворе (а не «в мире... в немже вся изменеию суть подчиненна»!), поскольку без последующей за Преображением Голгофы не совершится спасение человечества. Например, в одноименной проповеди Ефрема Сирина Христос отвечает на предложение Петра длинной тирадой риторических вопросов, суть которых сводится к обобщающему их «аще зде пребудем, словесе пророческая кто исполнить?»[2].

Так, чрезмерный субъективизм, допускаемый Симеоном Полоцким при толковании Писания, может приводить, как видим, даже к прямому искажению смысла последнего.

Ограниченный объем конференционного доклада не позволяет мне продолжить анализ творческого метода Симеона Полоцкого как проповедника, тем не менее и приведенные уже примеры отражают, как справедливо заметила С. Матхаузерова, понимание Симеоном текста как критически воспринимаемого объекта, правда которого «состоит не в его застывшем звучании, а в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познания... Симеон Полоцкий считается с критическим субъектом, который стоит между словом и обозначаемым объектом, и восприятие текста, по его концепции, является соотно-

шением трех компонентов: слово - объект - субъект»[3] (курсив мой - Л. Л.).

Несомненна и неизбежна при этом десакрализация Писания, о чем ярко свидетельствует, к примеру, тот факт, что проповедник не делает различия между библейскими текстами, сакральными для христианской культуры, и фрагментами из античных философов и историков. К тем и другим Симеон Полоцкий относится с одинаковым и, я бы сказала, - чисто практическим интересом. Священное Писание, христианское Предание, история, как, впрочем, и наследие античности, и достижения современной науки, и вообще все, чего только проповедник ни касается, представляет для него лишь утилитарную ценность, - своего рода кладовую художественных средств и образов, эстетическая ценность которых прямо пропорциональна уровню их курьезности, так что все сказанное о способе осмысления виршетворцем священных христианских текстов можно отнести и к текстам нехристианским.

Характерным признаком и необходимым условием такового отношения является уже вполне определенная секулярность сознания и меркантильная направленность интересов книжника: он не столько оскверняет святыню, сколько не воспринимает ее как святыню, не осознает ее святость и не понимает ее священный смысл...

Таким образом Симеон Полоцкий в своем проповедничестве демонстрирует своеобразный творческий синтез друх последних из перечисленных выше типов отношения к Св. Писанию - синтез обратной типологии с определяющим для нее эгоцентризмом и аллегорической амплификации, характернейшей чертой которой является субъективизм. Этот синтетический метод можно, думается, определить как нарративную амплификацию, суть которой формулируется примерно так: сказать все, что знаешь о данном предмете безотносительно к ценности сообщаемого. Такое творчество можно уподо-

бить показательному выступлению борца, который изящно показывает сложнейшие борцовские приемы в условиях полной личной безопасности и с единственной целью - продемонстрировать свое мастерство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М., 1671. Л. 432. Далее цитаты даются по названному изданию, листы указываются в тексте в скобках.

2. Так, Иисус спрашивает: «ископаша руце Мои и нози на кого исполнится? Разделиша ризы Моя... кому есть подобно? Даша в ядь Мою желчь и в жажду Мою напоиша Мя оцьца кому ключится? В мьртвых свободу кто известит?... Рукописание адамле кто растерзает, дълг его истяжает и одеяние славы его обновит?». «Слово на Преображение» Ефрема Сирина.

3. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 21.

К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕРХНЕЙ ТИПОГРАФИИ В МОСКВЕ.

Лукьянова Е. В.,
(г. Москва)

Об истории организации и деятельности Верхней типографии в Москве опубликовано много материалов, особенно полно они отобраны по материалам РГАДА в статьях Г. Я. Голенченко[1] и Л. А. Черной[2]. Акцент в этих статьях делался на личность Симеона Полоцкого и его роль в становлении и деятельности типографии, это справедливо, т. к. его ведущая роль неоспорима. Однако, не найденные ранее, пропущенные или незамеченные исследователями факты, проливают новый свет на казалось бы изученный вопрос. Кроме того, необходимо обрисовать общий фон, создаваемый событиями жизни страны, Москвы и Московского печатного двора, на котором происходило создание новой типографии.

Московский печатный двор, как известно, на протяжении большей части XVII в. был единственной русской типографией задуманной как государственное издательство для «просвещения духовного и прославления имени государя». Исключение составляли относительно короткие периоды существования частных типографий (например, Никиты Фофанова в Н. Новгороде, Василия Бурцева).

Найдены некоторые факты, свидетельствующие о том, что во второй половине XVII в. делались попытки создания типографии помимо Печатного двора. Так, 4 декабря 1652 г. с Печатного двора по указу царя Алексея Михайловича были взяты «к Государю в Верх два стана книжного печатного дела со всеми медными и железными снастьми», которые принял Родион Матвеевич Стрешнев и Афанасий Иванович Матюш-

кин[3]. Знаменательно, что именно в этом году были начаты никоновские реформы в издательской деятельности Печатного двора, исправление текстов книг в соответствии с греческими текстами. Но последующих сведений о судьбе взятых станов пока не найдено. Если вспомнить, что в следующем году Москву посетило «моровое поветрие» (эпидемия чумы), после которой на печатном дворе из 120 человек осталось в живых только 25, становится понятным что, было не до создания новой типографии. Надо было сохранить Печатный двор и восстановить его работу.

14 июля 1663 г. на Печатный двор по указу царя были взяты 17, 5 тетрадей книги Псалтыри[4], которые начали печатать в Аптекарском саду «со старых славянских переводов» (всего в издании 42 тетради). Книга (1850 экз.) была допечатана на Печатном дворе «со старых же славянских переводов, как и начата»[5]. Чтобы уточнить, какая типография работала в Аптекарском саду, нужна дополнительная информация.

Интерес к книгопечатанию унаследовал и преемник Алексея Михайловича царь Федор Алексеевич, явно имевший, как и его отец, склонность к нововведениям.

Личность Федора Алексеевича и время его царствования в последнее время привлекают к себе внимание историков[6]. Оценивается он достаточно противоречиво. От почти полного отрицания его роли в управлении государством, значимости его личности и достаточного уровня образования, мотивированного его молодостью и слабостью здоровья, до оценки его как государя-реформатора с европейским уровнем образования. Крайние точки зрения далеки от истины. Федор Алексеевич, девятый ребенок Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, с семи лет воспитывался дядьками боярином Ф. Ф. Куракиными и стольником И. Б. Хитрово[7]. Выявлены по документам фонда Оружейной палаты учителя царевича Федора. Грамоте его учил Афанасий Иванович Фе-

досеев, подьячий Посольского приказа Панфил Тимофеев сын Белянинов, писать учил Андрей Семенов сын Юдин. Для царевича специально создавались рукописные иллюстрированные книги для обучения и чтения, известен состав его библиотеки. Обучение было окончено в 1675 г. Уровень его образования был ниже, чем у рано умершего наследника престола Алексея Алексеевича, чьим учителем латинского языка был Симеон Полоцкий, но тем ни менее его нельзя признать необразованным невеждой. Он сам составлял тексты, сочинял акафисты разбирался в хоровом церковном пении[9]. Можно сказать, что уровень его подготовки был достаточным, чтобы заинтересоваться не только чтением и сочинением, но и книгоизданием. Мнение же, что Федор Алексеевич был учеником Симеона Полоцкого, видимо, надо понимать не буквально, а в более высоком смысле этого слова, как отношения старшего и младшего по возрасту, жизненному опыту и образованию сподвижников.

Вторая половина XVII века приносит много нового в жизни Русского государства, в том числе в книгоиздательскую деятельность. Кроме новых изданий и новых редакций книг, вводятся новые шрифты (библейный, мелкий и др.) Вводится новая ксилографическая орнаментика. Строятся бумажные мельницы, выпускаются книги, напечатанные на московской бумаге, ведется новое каменное строительство в Москве и на Печатном дворе, где строится новая правильная и книгохранительная палата, нарядно отделанная в стиле московского барокко, а в старом здании правильной палаты открывается греко-славяная школа при Печатном дворе. Новое время, ставящее новые задачи, требовало новых людей. Наряду с русскими людьми таковых находят среди прибывающих из недавно присоединенных юго-западных земель белорусов и украинцев.

Назревавшая мысль о создании новой типографии находит свое воплощение с появлением человека способного ею

руководить -Симеона Полоцкою. В то же время и царь Федор проявляет постоянную деятельную заинтересованность в ее создании и становлении. 18 декабря 1678 г. царь «изволил быть на Книжном печатном дворе в приказной, и правильной, и в мастерских трех палатах и в то время поднесено ему книга Евангелие напрестольное в переплете по обрезу золотом цена три рубля, Беседы на святою Иоанна Богослова в переплете по обрезу золотом цена три рубля десять алтын четыре деньги, Шестоднев октайный в переплете по обрезу золотом цена рубль двадцать один алтын четыре деньги. Да в то ж время пожаловал великий государь окольничему Ивану Тимофеевичу Кондыреву книгу Минею сентябрь три месяца в переплете с цветками цена три рубля, да Шестоднев октайной в переплете с цветками один рубль шесть алтын 4 деньги. Двум человекам карлам по Часословцу в переплете, дано по Азбуке цена 27 алтын 2 деньги. Да того ж числа по указу великого государя взяты с Печатного двора в Верх два стана и в то время преосвященный Симеон архиепископ Сибирский и Тобольский благословил Михаила Тимофеевича Лихачева книгою Шестоднев в переплете по обрезу золотом цена рубль 21 алтын 4 деньги. Да по его ж великого государя имянному указу он же Михаиле Тимофеевич взял в Верх книги в переплете Григория Богослова с цветками цена два рубля десять алтын, Минея сентябрь три месяца с цветками три рубля, Служебники по обрезу золотом рубль шесть алтын четыре деньги. Слово о семи тайнах рубль двадцать шесть алтын четыре деньги, Ефрем Сирин рубль, Псалтырь учебная по обрезу золотом рубль пять алтын две деньги, Каноны о умирении церкви восемь алтын, Молитвы утренние и на сон грядущий два алтына, Ратного строю рубль шесть алтын две деньги. Всего всяких книг поднесено и отпущено великому государю и в раздачу отдано на двадцать семь рублей двадцать три алтына две деньги. » Судя по записи это был первый официальный выезд царя на Печатный двор в со-

провождении свиты, в составе которой окольничий И. Т. Кондырев, руководивший в это время работой Печатного двора, Симеон архиепископ Сибирский и Тобольский, два карлика-спутники царя с детских лет выполнявшие его поручения. Представляется, что юный царь был настолько заинтересован работой (Печатного двора, что обошел все его помещения включая те, где шла работа у станов, после чего потребовал к себе два антиминсных стана. Станы были доставлены за счет типографии в Кремль уже 26 декабря. Тот факт, что были взяты антиминсные станы логически вполне объясним. Вовсе не детская любовь к картинкам, как иногда полагали исследователи, привлекла юного царя к антиминсам. Если учесть, что эти своеобразные издания печатавшиеся с целой гравировальной доски (деревянной или свинцовой), следовательно, не требовали литерного набора, в техническом отношении печатать было легче, то понятно, что начали работу именно с них. Кроме того, с 70-х годов на Печатном дворе их регулярно начинают выпускать на бумаге и холсте по заказу епархий (до 1675 г. вышло 8 изданий). Весной и летом 1679 г. в два приема в государеву мастерскую палату в Верх были доставлены четыре специально изготовленных столяром Елизаром Савельевым стана[1].

Бумага, «книжные припасы» к станам, кассы шрифтов и т. п. передавались с Печатного двора и оплачивались им же. 27 октября 1679 г. Федор Алексеевич вторично посещает Печатный двор, о чем исследователи ранее не упоминали. Посещение выглядит, если можно так выразиться, рабочим. Не упоминается ни о сопровождающих лицах, ни о посещении конкретных помещений, ни о поднесении книг. Царь сам набирает для себя книги. Все это новые небольшие по формату и объему издания - 10 экз. «Вечерен с букварями и вечерними молитвами в одном переплете», 10 экз. книги «О троеперстном сложении», 10 экз. «Вечерен с букварями в одном пере-

плете», 10 экз. «Молитв» в переплете. Создается впечатление, что были выбраны наименее трудоемкие для издания книги. Стоит напомнить, что в декабре 1679 г. вышла первая книга Верхней типографии - «Букварь языка словенска», как раз малого формата в 8°. В дальнейшем с Печатного двора его издания регулярно брались «к государю в Верх для его государева книгопечатного дела». Принимали их самые разные люди - «укладничий» Иван Петров сын Чаплыги, подьячий Иван Негоморский, государев певчий Григорий Хутынец, уставщик Павел Остафьев и др.

В это же время идет сбор книг в зданиях Кремля. 17 ноября 1679 г. на Печатный двор вернули два воза собранных в Приказе большого дворца старых книг. Становится регулярным пополнение книгохранительной палаты Печатного двора.

В 1679 г. строитель Спасского за Иконным рядом монастыря иеромонах Симеон Полоцкий принял участие в подготовке нового издания «Апостола» в качестве чтеца. За работу ему заплатили золотообрезным экземпляром «Апостола» стоимостью 2 рубля. Это издание относится к числу новоправленных рассматриваемых па соборе иерархов. Интересно, что одновременно получил книгу в тетрадях за работу писца только что пришедший на Печатный двор Карион Истомин. Вряд ли человек с положением Симеона Полоцкого был заинтересован в получении платы за работу чтеца на Печатном дворе. Скорее, справедливо предположить, что он хотел таким путем ознакомиться с процессом подготовки книг к изданию на Печатном дворе. Это явно было полезно, учитывая что Симеон не являлся специалистом-издателем и что Верхняя типография собиралась издавать книги для русского читателя и игнорировать московские столетние традиции было неразумно, если новые издатели хотели чтобы их продукция получила спрос.

Рассматривая весь ряд документальных записей При-

каза книгопечатного дела, становится очевидным - что производственно-бытовые связи Печатного двора и новой типографии были тесны. Тому можно привести ряд примеров. 22 декабря 1678 г. для Печатного двора у племянника Симеона Полоцкого Михаила Селиверстова был куплен камень на котором трут киноварь. В 1679 г. резец Печатного двора Алексей Нефедьев изготовляет грушевые гравировальные доски для Верхней типографии (строку, глагол фряжский и слова прописные). Доливали шрифты для Верхней типографии её словолитцы в словолитне Печатного двора. После смерти Симеона Полоцкого (25 августа 1680 г.) руководство Верхней типографией взял на себя его соратник, бывший справщик Печатного двора, иеромонах Сильвестр Медведев. Трудно согласиться с мнением Голенченко, что после смерти Симеона Полоцкого типография действовала по инерции, скорее она развивалась. Уже после смерти Симеона по указу царей Иоанна и Петра от 31 октября 1682 г. Верхняя типография получила привилегию получения 50 бесплатных экземпляров книг от каждого тиража для раздачи по монастырям и церквам, ранее принадлежавшую Приказу Большого дворца[2]. Очевидно Верхняя типография прекратила свое существование в результате потери своего покровителя царя Федора Алексеевича (ум. В 1682г.), руководившего ею Сильвестра Медведева. Нового приемника делу начатому Симеоном Полоцким не нашлось. Все оборудование вернулось на Печатный двор. Рискну высказать мнение, что для того чтобы действовать дальше типографии было бы нужно стать либо издательством, действовавшим в другом регионе, как например Синодальная типография в Петербурге, + либо полностью изменить характер своего репертуара. Выдержать конкуренцию такого крупного издательства духовного характера, как Московский печатный двор было трудно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании. // Книга. Исследования и материалы. Сб. 13. М., 1966. С. 99-119.
2. Черная Л. А. Верхняя типография Симеона Полоцкого. // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 46-59.
3. РГАДА, ф. 1182 Приказ книгопечатного дела, оп. 1., д. 45, л. 36-36 об.
4. Зернова А. С. Книги кирилловской печати изданные в Москве в XVI - XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. № 305. Псалтырь. М., 17сент. 1663.
5. РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 58, л. 124-234. Д. 65л. 227-234
6. Богданов А, П. В тени Петра Великого. М., 1998. Демидова Н. Ф. Фёдор Алексеевич. //Первые Романовы на Российском престоле. М., 1996. С. 169-207. Седов П. В. Детские годы царя Федора Алексеевича. // Средневековая Русь. СПб, 1996. С. 77-85.
7. Седов П. В. Детские годы... С. 78, 79.
8. Седов П. В. Детские годы... с. 84-85.
9. При нем перешли от крюковой нотной записи к современной, среди людей исполнявших его поручения связанные с Печатным двором были певчие дьяки.
10. Фонкич Б.Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. (Типографская школа). // Очерки феодальной России. М., 1999.
11. РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 78, л. 85-86. Упоминание об этом посещении см. в вышеназванных статьях Г. Я. Голенченко и Л. А. Черной.
12. Известны имена карл - Яков Иванов сын Ветчинкин, Иван Юдин, Карп Ретькин, Петр Гаврилов, перешедшие к нему после смерти брата царевича Алексея, Дмитрий Верхоценский и Петр Бисеров - см. Седов П. В. Детские годы... С. 79-80,
13. РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 78, л. 199.
14. РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 78, л. 264 об.
15. РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 78, л. 268.
16. См. Зернова А. С. Книги кирилловской печати изданные в Москве в XVI-XVII веках. №356.
17. РГАДА. ф. 1182, оп. 1, д. 78, л. <2б4. 16 РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 67, л. 87 об.
18. РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 78, л. 67. 20 РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 67, л. 68 об.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗУМЕ И МУДРОСТИ В ТРАКТАТЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО «ЖЕЗЛ ПРАВЛЕНИЯ» И В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Менделеева Д. С.,
(г. Москва)

Сведения, представленные в этом сообщении основаны на наблюдениях над текстами трактата Симеона Полоцкого « Жезл правления» и различных сочинений протопопа Аввакума, преимущественно 70-х гг. XVII века. Ссылки приводятся по изданиям: Жезл правления. - М., Печатный двор, 1667; Памятники истории старообрядчества XVII века, кн. 1, вып. 1 - Л., 1927.; Русская историческая библиотека, т. 39.

При сравнении текста «Жезла правления» с сочинениями Аввакума нас особенно поражает следующее: набор обвинений, которые различно относящиеся к церковной реформе 60-х годов XVIIвека авторы выдвигают друг против друга, практически одинаков: это и взаимные причисления к еретикам, с дословно повторяющиеся в сочинениях обоих перечнями различных ересей первых веков христианства, и ссылки на детали разнообразных, одновременно сосуществующих в богослужебной практике сочинений, и многократный, вновь и вновь повторяемый, разбор «Символа веры», Эпитет «безумные» повторяется в «Жезле правления» для обозначения сторонников раскола столь же часто, как в сочинениях Аввакума - для описания никониан, оба автора рассуждают о мудрости и обращаются при этом к толкованию одного и того же библейского текста - Книге Притчей Соломоновых. Единственное отличие, наблюдаемое на фоне этого общего арсенала аргументов, состоит в том, какое значение каждый из них придает «мудрости», «образованию» и «разуму».

Для Симеона Полоцкого мудрость, а следовательно, и правота в религиозном споре, неразрывно связана с образованностью. Руководители раскола изображаются им не просто как «безумные», а «слепоумные» (Л. 28об.), «слепые» (Л. 22об.), «слепые невежды» (Л. 26).

Комментируя ту или иную выдержку из записок Никиты Пустосвята, придворный книжник часто нарочито демонстрирует собственный багаж знаний, обращаясь при этом к определенному кругу наук: грамматике («дерзав в богословские глубины ум свой пущати, се на брезе грамматическаго разума, в мелкости ея утопае» (Л. 23); знанию иностранных языков («не весть он и алфа гречески чести» (Л. 52) или даже ссылаясь на «Лексикон» Памвы Берынды.

В рассуждениях Симеона всегда соблюдена утонченная логика: похоже, что он считает «искусность» ума и «тонкость» рассуждения достоинством оратора. Для правильного понимания его речей слушателям также необходимо некоторое умение: «Сице неискусный и развращенный ум есть хулника Никиты и с единомысленники его, иже сих предложеных правоверних тонкости словес не умея сварити, или разсудити, повредися и соблазнися» (Л. 33об.)

Совершенно иное отношение к образованности демонстрирует в своих сочинениях протопоп Аввакум. Прежде всего, он с гордостью заявляет, что « не учен диалектики и риторики и философии» (67). Изучение этих наук связывается в представлении главы церковного раскола с т. н. « внешней», неистинной мудростью, говоря о которой, он подразумевает также заботы о телесном комфорте и чтении гороскопов.

Современные протопопу Аввакуму придворные книжники, обладатели «внешней мудрости», кажутся ему чрезмерно гордыми, способными заменить своими рассуждениями даже Священное Писание (345),. Важной чертой приверженцев «внешней мудрости» является их умение гладко и красиво го-

ворить - протопоп неоднократно предостерегает своих духовных чад от обольщения «масленными словесами» никониан(820, 821, 953). Проникновение « внешней мудрости» на Русь протопоп связывает с деятельностью иноземцев - греков и латинян, - поддержанной новыми церковными властями, Однако обладание ею в сочинениях протопопа не всегда приводит к действительно разумным и мудрым решениям, часто подобные мудрецы оказываются у него в компрометирующих ситуациях: греческие патриархи трапезничают за одним столом с «неверными» турками (568), составители гороскопов никак не могут верно предсказать события (681), а сторонники церковной реформы - договориться между собой (239).

Одновременно протопоп излагает свои размышления об истинной мудрости и путях её достижения. «Внешней мудрости» никониан в его сочинениях противопоставляется «премудрость внутренняя» (495), «премудрость духовная» (521), главные признаки которой - смирение и страх Божий, твёрдое соблюдение заповедей, скромность поведения и бесстрастность.

Остро сатирически изображая чрезмерное увлечение «новообрядцев» разнообразными книгами, Аввакум, тем не менее, не отрицает значения книжности и даже проявляет незаурядную начитанность, но при этом признаёт правильными и достойными внимания только московские книги старой печати.

ЦЕННОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО.

Митюров Б. Н.,
(г. Ровно)

Це була людина високоі освіти
- він мав великий вплив на Москву
- і в державному житті - в літературі.
І. Огієнко.

Выдающийся сын белорусского народа Симеон Полоцкий (1629-1680) обучался в 1640-1650 гг. в знаменитой Киево-братской коллегии, основу которой заложили - воспитанник Острожской Академии, гетман войска Запорожзкого Пётр Сагайдачный и бывший ректор Львовской братской Ставропигийской школы Иван Матвеевич Борецкий, организовавшие в 1615 г. Братскую школу в Киеве. Став учителем Полоцкой братской школы Симеон Полоцкий, после захвата города польской шляхтой, выехал в Москву в 1664 г. и включился в активную литературно-педагогическую деятельность. Он организовал в центре Москвы, в Спасском монастыре греко-латинскую школу, выдвинул идею о создании в Москве Славяно-греко-латинской Академии, которая была открыта уже после его смерти в 1686 г. Занимаясь воспитанием царских детей - Алексея, Фёдора, Софии и царевича Петра он имел возможность смело высказывать свои педагогические взгляды. Огромное педагогическое наследие Симеона Полоцкого, среди которого, центральное место занимают вышедшие уже после его смерти «Обед душевный» и «Вечеря душевная» по мнению Е. Н. Медынского являются «Первыми отечественными, оригинальными педагогическими трудами».

«Вечеря душевная» как и «Обед душевный» содер-

жат обширный комплекс педагогических идей и поучений, стоящих на уровне западно-европейской науки, а порой и опережающую её.

Историки относят Полоцкого к числу «видных представителей философской мысли XVII века, но он одновременно высказывал ряд мыслей, которые противоречили официальным взглядам и были осуждены Собором в 1680 года как еретические.

Его педагогические взгляды сложны и порой противоречивы. Полоцкий считал, что нет врождённых идей. Ум ребёнка подобен чистой доске, на которой можно написать что угодно, а сам ребенок - молодому дереву, которое можно склонить, в любую сторону. Ум ребёнка формируется в процессе его общения с окружающим миром посредством пяти органов чувств (пять ворот). «Зубами розумения он пережёвывает духовную пищу, полученную посредством чувств и помещает её в глубины памяти». Ум - по мнению Симеона Полоцкого, врождённая сила человека, а разум - его приобретение. В предисловии к «Обеду душевному», обращаясь к читателю. Полоцкий писал: «прийми любезно обед сей просто уготовленный и ешь. Яждь вдымая руками ума твоего, пережувай зубами рассуждения и поглощай в память твоея и будет то во пользу» и делает вывод: «А ще то сладка есть пища словес».

Многочисленные поучения Полоцкого полны педагогических сентенций. Каждое из них он начинает жизненными примерами. Все они пронизаны принципом природосообразности. Особенно большое внимание он уделял вечной педагогической проблеме - взаимоотношению между родителями и детьми и его замечания актуальны и для нашего времени. Он писал: «Великая добродетель есть любовь... любовь выше веры и надежды. Она все любит, всему веру имеет, все терпит, все уповает. Но есть любовь и плотская, которая ослепляет. Слепая любовь кому в сердце вселяется, то охронит или осле-

пит ею. Такая слепая любовь не приносит пользы. И он разъясняет. Вредоносна излишняя любовь родителей к детям. Как вино в меру употребляемое веселит и здоровит, без меры выпитое разума лишает и болезнь вызывает, так и любовь родителей к детям. Если по достоинству - полезна и родившим и рождённым. Если выше меры - вред творит и тем и другим. Одних в развращение попушает, другим же полезнь от развращения первых содевает» (1. 341).

Мысль о роли родителей в формировании личности ребёнка, нашла место и в «Вечери душевной». Симеон Полоцкий учил, что «Родители должны иметь постоянное старание, чтобы их плод был хорошим, ибо плоды не рождаются как у деревьев, по природе сладкий или горький, но по наставлению рождавших, по навыкам и воле рождённых, добронравие или зло укореняется в их сердцах (1, 343).

Подумайте, как часто эти мудрые советы Симеона Полоцкого нарушаются в наше время.

Он сравнивал ребёнка с воском, на котором можно изобразить или написать что угодно. Подобно тому как воск воспринимает на себя оттиском разных печатей из-за своей мягкости, так и сердца юных легко принимают разные характеры вследствие мягкости сердца». (17, 358). На том воске можно напечатать или незлобивого голубя, или роющегося в зеле крота, или любителя болот - вепря, или хищного волка, то тот человек всегда будет таким до последнего вздоха.

Педагогическое наследие Симеона Полоцкого нуждается в глубоком и всестороннем изучении. Оно таит в себе много интересных мыслей, ценных для семейного и общественного воспитания. Забывать о нём, значит обеднять нашу историко-педагогическую науку.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства 14-18 вв. М. 1985, с. 330-353.
2. История философии в СССР. М., 1968. Т. 1.
3. Возняк М. Історія украінськоі літератури. Львів, 1921, с. 106. 305.
4. Митюров Б. Н. Ян Амос Коменский и Симеон Полоцкий. Прага. // Педагогика, № 4, 1964. с. 473-481.
5. Митюров Б. Н. Развитие педагогической мысли на Украине в 14-17 вв. Киев, 1968. С. 193-195
6. Митюров Б. Н. Симеон Полоцкий - выдающийся просветитель 17 века. // Сов. педагогика, 1971. № 7. с. 108-112.
7. Митюров Б. Н. Развитие школы и педагогической мысли на Украине и в Белоруссии (14-17 вв.) Л., 1970.
8. Митюров Б. Н. Тема семейного воспитания в трудах Симеона Полоцкого. Минск, 1984.
9. Мітюров Б. Н. Погляд на роль виховання у формуванні людськоі особистості у вітчизняній педагогіці 12 ст. Педагогіка, Респуб. Науково-метод. збірник. Кіеў, 1968 № 7. с. 136-143.
10. Полоцкий С. Обед душевный. М., 1681.
11. Полоцкий С. Вечеря душевная. М., 1683.
12. Огіенко І. Украінська культура. Кіеў, 1918. с. 69.
13. Чума А. Ян Амос Коменский и руская школа. Братислава, 1970. с. 17-20, 95, 98, 103, 111.
14. Антология педагогической мысли Украинской ССР. М., 1988.
15. Антология педагогической мысли Белорусской ССР. М., 1986.
16. УРЕ. Кіеў. Т. 2,. 490.
17. Хрестоматия по истории педагогики. Минск, 1971.
18. Очерки по истории педагогики. М., 1952.
19. Мітюров Б. Н. Питання сімейного виховання у вітчизняній педагогіці 16-17 ст. Педагогіка. Науково-методичний збірник. К., 1965. № 2. с. 131-138
20. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времён до конца 17 в. М., 1989.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ И РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Михайловская Л. Л.,
(г. Минск)

Симеон Полоцкий (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, 1629 - 1680) занимает одно из центральных мест в развитии русской культуры второй половины XVII в. Круг его научных интересов и практической деятельности был очень широк. Современники знали его как блестящего оратора, учёного-богослова, поэта, драматурга, педагога и книгоиздателя. С его именем связано образование первого высшего учебного заведения в России - Славяно-греко-латинской академии.

Деятельность Симеона Полоцкого так широко развернулась в Москве далеко не случайно. Она знаменовала собой проникновение западной культуры и европейского просвещения в Москву, «засидевшуюся па Требнике». Этим проводником европейской науки, по характеристике В. О. Ключевского, был «православный монах, выученный в школе латинской или русской, устроенной по ее образцу,... и призванный в Москву. «(1).

«Призван» в Москву Симеон Полоцкий был в 1664 г. после личного знакомства с царем Алексеем Михайловичем и сразу же занял высокое положение при дворе. Его поселили за Иконным рядом на Никольской улице, в Спасском монастыре, где учёный монах открыл школу для обучения богословию, риторике, латинскому и польскому языкам. Школа имела характер государственного учебного заведения, была предназначена для обучения подьячих Приказа тайных дел и насчитывала около 20 учеников (2). В 1668 г. её первые выпускники были направлены вместе с А. Л. Ординым-Нащокиным, главой

Посольского приказа, с дипломатической миссией в Курляндию. Симеон Полоцкий еще до приезда в Москву имел большой опыт преподавания в Полоцке. Школа в Заиконоспасском монастыре была широко известна в Москве. В нее стремились отдать своих детей москвичи и московские иноземцы, а сыну могилёвского мещанина Ивашки Шестакова пришлось совершить побег из родного дома, чтобы попасть «в ученье» к Симеону Полоцкому (3). В 1669 г. Симеона Полоцкого сменил в школе его ученик и последователь Сильвестр Медведев, но и после этого школа сохраняла светское, прозападное направление в русском просвещении. Это направление в большой степени основывалось на деятельности выходцев из белорусских земель и их московских учеников. Насколько это направление в развитии русского просвещения было значительным, свидетельствует обращение в 1666 г. прихожан одной из московских церквей к приехавшим в Москву восточным патриархам об учреждении школы с латинским языком. Выработанный в итоге переговоров проект предусматривал создание «гимнасиона», где изучались бы славянский, греческий и латинский языки (4). Так была подготовлена концепция высшего образования в России и предприняты первые практические меры по её осуществлению. У истоков московской высшей школы стоял Симеон Полоцкий, которому принадлежит составление проекта или «Привилегии» на её основание. Проект был составлен при царе Федоре Алексеевиче, но осуществиться ему было суждено позднее, когда ни царя, ни Симеона Полоцкого уже не было в живых (5). Славяно-греко-латинская академия была открыта в 1687 г. и располагалась в Заиконоспасском монастыре, где ранее постоянно проживал Симеон Полоцкий.

В русской исторической литературе со времен Н. И. Костомарова ставится под сомнение оригинальность богословских построений Симеона Полоцкого (6), но его педагоги-

ческий талант общепризнан. Доказательством служит деятельность белорусского просветителя в качестве придворного педагога. Царь Алексей Михайлович не был удовлетворен тем элементарным образованием, которое получили его старшие сыновья Алексей и Федор от московского приказного учителя и дальнейшее обучение их поручил Симеону Полоцкому. Чтобы сделать свою науку интересной, Симеон облекал её в привлекательные формы. В. О. Ключевский видел в его «виршах» стихотворный конспект уроков (7). Симеон учил своих царственных учеников не только языкам и риторике, но и формировал у них политическое сознание, утверждая, что «Россия славу расширяет не мечем токмо, но и скоротечным типом, чрез книги сущим многовечным» (8).

Интерес к переводным и оригинальным польским книгам проник и во дворец. Старшие сыновья царя знали польский и латынь; царевич Федор научился слагать «вирши» и даже помогал Симеону Полоцкому в стихотворном переложении штыря (ему принадлежит перевод двух псалмов). Одна из царевен, Софья, также обучалась польскому языку, читала польские книги и даже букву «у» писала по-латыни.

Просветительская деятельность Симеона Полоцкого высоко ценилась в Москве. Своим расположением, дорогими подарками и бесценными соболями жаловал его и Алексей Михайлович (9).

Не менее важным практическим воплощением просветительских идей Симеона Полоцкого была его книгоиздательская деятельность, развернувшаяся в самостоятельной по отношению к Печатному двору типографии. Типография эта находилась в верхнем этаже дворцового здания, и известна под названием «Верхней». История ее весьма интересна Это была та самая типография, которую в 1654 г. монахи оршанского Кутеинского монастыря привезли в Иверский монастырь на оз. Валдай и которая в 1665 г. по распоряжению патриарха

Никона была переведена в его резиденцию - Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь на Истре. После того, как Никон был лишен патриаршества и отправлен в ссылку, в 1676 г. все оборудование оршанской типографии было перевезено в Москву и отдано в распоряжение Симеона Полоцкого (10)

Царь Федор Алексеевич, его благодарный ученик, предназначал типографию, прежде всего для печатания сочинений учителя. Из 6 книг, выпущенных типографией, 4 были трудами самого Симеона. Это «Букварь языка словенского» (1679 г.), «Псалтырь рифмованная» (1680 г.), «Обед душевный» (1681 г.) и «Вечеря душевная» (1683 г.). Две другие книги были переводными, но Симеон Полоцкий также был причастен к их созданию. К одной из них - «Тестаменту Василия царя греческого к сыну его Льву Философу (1680 г.) он написал предисловие, а другая - «История о Варлааме и Иоасафе» (1680 г.) была переведена им с кутеинского издания 1637 г. Симеон Полоцкий уделял своей типографии много внимания. К работе в ней он привлекал лучших специалистов - художника Симона Ушакова, гравера Афанасия Трухменского. Высокий художественный уровень изданий Верхней типографии соединял в себе успехи русского и белорусского полиграфического мастерства, их взаимное влияние и обогащение.

Деятельность Симеона Полоцкого в области просвещения, его усилия по распространению светского европейского образования являлись тем перекрестком, на котором сходились пути развития славянской культуры, они идейно готовили мощную струю «европеизации», которая была внесена в русское общество петровскими преобразованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 тт. Т. IX. М., 1988. С. 259
2. См. Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. Т. I. М., 1884. С. 392, 975.
3. Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. Минск, 1972. С. 132, 268, 276.
4. См. Горский А. В. О духовных училищах в Москве в 17 в. //Прибавления к творениям святых отцов. Ч. 3. М. 1845. С. 168 - 170.
5. Авторство Симеона Полоцкого до сих пор не доказано, тем более, что проект был подписан царем Федором уже после смерти Симеона Полоцкого, в 1682 г. Однако в пользу авторства Симеона Полоцкого свидетельствуют фрагменты «Привилегии», совпадающие с текстами его проповедей и с книгой «Вечеря душевная».
6. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. П. СПб., 1874. С. 397.
7. Ключевский В. О. Op. cit. С. 263.
8. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М; Л., 1953. С. 159.
9. Русско-белорусские связи... С. 10-11, 287-288.
10..Абецедарский Л. С. Белорусы в Москве XVII в. Минск, 1957. С. 47-48.

КНИГИ РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПЕЧАТИ ИЗ СОБРАНИЙ ПОЛОЦКИХ БИБЛИОТЕК В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЕЛАРУСИ.

Романова Н. И.,
(г. Минск)

За более чем одиннадцативековую историю Полоцк дал мировой культуре не только имена Евфросинии Полоцкой, Франциска Скорины, Симеона Полоцкого, но также здесь были собраны библиотеки полоцкого Софийского собора, старейшей на территории Беларуси, полоцкой иезуитской академии, которая в XIX в. была богатейшей в Беларуси. К сожалению, теперь эти уникальные собрания рассеяны по свету, и книги из них украшают библиотеки в Варшаве, Львове, Санкт-Петербурге, Москве, Вильнюсе, Киеве, Симбирске, Минске.

Коллекция книг и периодических изданий русской гражданской печати Национальной библиотеки Беларуси насчитывает 2800 экземпляров. Сюда входят книги из библиотек церковных и частных. из собраний светских и духовных учебных заведений России и Беларуси, которые формировались на протяжении столетий. Библиотечные фонды монастырей, духовных семинарий, коллегиумов, гимназий, университетов были в постоянном движении, одни библиотеки расформировывались, пополняя другие, нередко книги просто уничтожались. В этом причудливом тасовании книжных собраний было отражение политических и конфессиональных проблем. Как справедливо заметил А. П. Сапунов: »Много-много ещё пройдет времени, прежде чем можно будет коснуться какой бы то ни было стороны жизни нашего края, не затрагивая вопроса религиозного» (1).

Книг из коллекции русской гражданской печати в НББ,

ранее принадлежавшим полоцким библиотекам, в отличие от могилёвских, витебских и гродненских собраний, немного. В XVIII веке в Полоцке практически не было русскоязычных учебных заведений. Только библиотеки народного училища, духовной семинарии и иезуитского коллегиума владели незначительным количеством изданий русской гражданской печати. Главное народное училище в Полоцке просуществовало недолго (с 1789 по 1797 гг.) и было обращено в малое (уездное или поветовое). (Именно библиотеки главных народных училищ, впоследствии гимназий, собрали богатые коллекции книг русской гражданской печати). На «Истории российской» М. Щербатова (Спб., 1784) есть экслибрисы, владельческие записи и оттиски сразу нескольких владельцев: «Из книг Полоцкаго Дворянскаго Училища», «Из книг полоцкаго уезднаго училища», «Библиотека полоцкаго поветовагоучилища», «Фундаментальная библиотека Полоцкой Учительской Семинарии», «Беларускі Дзяржаўны музей».

Духовная семинария Полоцкой епархии первоначально была основана в 1806 г. для детей униатского духовенства и носила официальное название: «Белорусская греко-униатская духовная семинария». Начиная с 1839 г. семинария стала называться «Полотской». В 1856 г. семинария была переведена из Полоцка в Витебск в здания бывшего ранее базилианского монастыря и стала называться «Витебской».

Поначалу название «семинарская библиотека» было слишком громким для того случайного и в количественном отношении небогатого собрания книг, к которому оно применялось. В описи 1831 года можно найти различного рода уставы и проекты, учебники и экземпляры Библии дарственного происхождения. (Из комиссии духовных училищ, семинарского правления и Библийского общества). Библии имелись на древних и новых языках: на грузинском, татарском, армянском, турецком, молдавском, шведском, латышском, а один эк-

земпляр Нового Завета на «неизвестном языке».

Библиотека пополнялась очень слабо. В 1872 г. смотрителями отмечалось отсутствие книг для чтения. Книги зачастую были непригодны по содержанию («Наставление об уничтожении паршей у овец»), или это были вышедшие из употребления учебники (2). Они вышли из употребления, потому что до 1830 г. служение в семинарии велось по латинским учебникам, а при толковании священного писания пользовались латинской вульгатой. В 1834 г. епископ И. Семашко после ревизии в семинарии предложил упразднить преподавание польского языка, проповедь вести на русском языке, даже заменить одежду воспитанников, назначить новых ректора и инспектора (3). Подобные явления наблюдались в 1837 г. в белорусской греко-униатской консистории, где служебники почаевской, виленской и супрасльской печати были заменены на московские. Библиотеки и другие учебные пособия, равно церковную утварь надлежало употребить по усмотрению гражданского начальства (4). Отсутствие же полезных книг объяснялось недостатком денежных средств. Отмечая 294 названия книг в фундаментальной и 139 в ученической библиотеках, ревизор в отчёте за 1877 г. тут же оговаривался, что самих книг он не видел, так как смотритель составлял книжные каталоги и держал книги при себе. Первые утешительные свидетельства о библиотеке встречаются после 1889 г. В фундаментальной библиотеке имелось 532 названия книг, в ученической - 452, существовала ещё библиотека учебников и выписывалось 6 детских журналов. А в 1908 г. в фундаментальной библиотеке было 842 названия книг, в ученической - 1167, кроме наглядных учебных пособий в виде карт, атласов, картин и коллекций (2).

В коллекции русской гражданской печати НББ хранятся только 12 книг из библиотеки Полоцкой духовной семинарии, все они имеют на титульных листах записи чернилами

«Z Biblioteki Seminar Polockiego», номер книги, и ещё мастичный оттиск с изображением двуглавого орла с подписью: «Библиотека Полоцк: духов: семинарии». Потом на форзацы стал наклеиваться наборный экслибрис: Фундаментальная библиотека Витебской Духовной Семинарии.

Интересен экземпляр «Примечаний на историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным» (Спб., 1788). Эта книга, кроме выше перечисленных библиотечных знаков отличия, имеет на своих страницах пометы, записи прежних владельцев, что делает экземпляр уникальным. На 3 ненумерованной странице угасающая запись чернилами: «Собственная протоиерея Александра Лихины. Подарена в 1810 году его сиятельством генерал-лейтенантом князем Александр Николаевичем Ромодановским Ладыженским». О князе А. Н. Ромодановском-Ладыженском известно, что его отцу, Николаю Ивановичу Ладыженскому, император Павел I в 1798 г. разрешил принять фамилию матери, которая была из рода князей Ромодановских, потомков Рюрика. Князь Николай Иванович, сенатор, отец Александра Николаевича, действительный тайный советник, умер в Белоруссии в 1803 г.

В истории полоцкой епархии конца XVIII - начала XIX вв. Лихины были известны своей приверженностью к православию. Отец Стефан Васильевич Лихина был активным православным деятелем в Себеже, большую часть своей жизни провёл в борьбе за интересы церкви. С 1784 г. он держал у себя домовую школу, строил и ремонтировал церкви. В сане протоиерея с 1796 года, С. В. Лихина в 1801 г. был награжден преосвященным Анастасием архимандричьей палицей, а в 1803 г. ему была пожалована фиолетовая бархатная камилавка, в 1804 г. - крест на шею (5).

На полях книги имеется множество помет, владелец читал её очень внимательно, и в конце оставил запись: Legi

August 18 1828. На 109 с. есть запись карандашом, которая может заинтересовать белорусских этнографов. Не соглашаясь с автором, читающий книгу записывает: «Ошибка г. Болтин! В Могилёвской губернии и до сих пор поют песни в честь Купалы и часто в них случается имя Купалы 1828". На форзаце книги запись: »Bartuszewskiego», а на пустом листе перед титульным - запись: «Должность моя обязывает... (далее неразборчиво) Бартушевский». Из семинарской библиотеки в коллекции НББ хранятся книги и периодические издания. К периодическим изданиям относятся: «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (Спб., 1756), 4 экземпляра «Трудов вольного экономического общества... » (Спб., 1766, 1768, 1771, 1774), на одном из томов стоят довоенные печати НББ и печать библиотеки ЦК КП(б) Беларуси, то есть из семинарии книги были переданы в государственную библиотеку БССР им. В. И. Ленина, причём на одной печати указано: Віцебскае Аддзяленне.

После Второй мировой войны книги оказались в библиотеке ЦК Беларуси, а потом были возвращены в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина.

Из книг семинарской библиотеки имеются следующие: «Путешественные записки» В. Зуева, (Спб., 1787), 3 тома «Всемирного путешествователя или познание стараго и новаго света» Ж. Ла Порта (Спб., 1778-1794), «Путеводитель к истинному человеческому счастию» А. Болотова (Спб., 1784). Интерес представляет конволют «О ласкательстве из Енциклопедии» (Спб., 1769), в который вошли переведенные с французского языка статьи из энциклопедии о государственном правлении, о воспитании, о времени, о любви. Пометы на полях свидетельствуют: читающий книгу, не соглашаясь с автором, высказывает крамольные для того времени мысли. Например, напротив слов «... короли имеют сие щастливое немогущество, что не могут ничего делать противнаго законам своей земли»

написано: «Это ложь». Или: «Не было ещё кажется случая, чтобы Энциклопедисты говорили когда-нибудь истину - всё у них идёт наоборот». Для владельческих записей на книгах из Полоцкой семинарии характерно употребление русских и польских слов, встречаются даже фамилии, написанные вперемежку русскими и польскими буквами.

Богатейшая библиотека Полоцкого иезуитского коллегиума, основанного в 1580 г., который в 1812 г. был преобразован в академию, к 1811 г. насчитывала около 43 тыс. книг. Академическая библиотека размещалась в просторном красиво оформленном зале. Кроме того, Полоцкая академия славилась интересным музеем с богатыми коллекциями плодов, механических приспособлений, архитектурных моделей, медалей и других древностей, дорогим собранием картин. В библиотеке хранились королевские грамоты, древние рукописи, около 90 библий, изданных в 16-17 веках. Основу книжного собрания составляли издания 16-18 веков на польском, французском, немецком языках. Среди них труды Аристотеля (Гейдельберг, 1562), Эразма Ротердамского (Амстердам, 1682) и другие. Фонды академической библиотеки комплектовались в большей степени новейшей литературой местных и зарубежных изданий по предметам, изучаемым в академии. Академии дазволено было беспрепятственно выписывать из чужих краёв морем, так и сухим путём все нужные инструменты и книги для учебных занятий.

Библиотека располагала большим количеством иллюстрированных изданий. Среди них большинство (по количеству иллюстраций) итальянских гравюр XV1I-XVIII вв., также иллюстрации фламандских, французских, немецких гравёров. Среди иллюстрированных книг, несомненно, были издания белорусских гравёров.

При академии существовала типография, в которой издавались учебники и научные трактаты, литературные сбор-

ники. Всего было издано около 500 изданий. Первым руководителем типографии был астроном А. Ленкевич. Шрифты он получал из Варшавы и Петербурга. В полоцкой типографии увидели свет учебники латинского, немецкого, французского языков, поэтики и риторики, были переизданы труды Цицерона, Корнелия Непота. Академия имела своё периодическое издание «Miesiecznik Polocki», издала диссертацию философа А. Довгирда. «Словарь юридический» Ф. Ланганса (1791) - единственное издание русской гражданской печати, изданное в типографии. Это издание достаточно редкое, в коллекции НББ хранятся 2 экземпляра «Словаря... » из библиотеки Могилёве - кого коллегиума.

После закрытия академии библиотека сначала была передана ордену пиаров, а по изгнании их из Беларуси в 1830 году, вся собственность академии перешла в казну. Музейные экспонаты, антиквариат, мозаики, солнечные часы и лучшие произведения картиной галереи были направлены в Петербургскую академию художеств. Только механическая голова, которая давала мудрые советы на всех употребительных языках, никому не понадобилась.

Полоцкие органы из костёла св. Стефана оказались в Вильно. Типографию отправили в Киев. 177 книг и 106 рукописей были отправлены в Петербургскую Публичную библиотеку, 6260 книг - в Петербургский и 454 книг (большинство медицинских) - в Московский университет, 3056 книг - в библиотеку. Главного имперского управления духовных дел иностранных вероисповеданий. Две тысячи томов оставили для будущего кадетского корпуса, но и они в 1915 г. были вывезены в Симбирск. 10 000 книг было передано белорусским гимназиям, значительное количество книг получила библиотека Витебской духовной семинарии, которая в 1900 году передала их Киевской духовной академии, до 20 тыс. книг были отправлены в Виленский университет, а затем переданы Римско-като-

лической духовной академии (6).

В Россию был отправлен архив академии. В Первую мировую войну часть архива нашел в Симбирске генерал А. Жиркевич. Некоторые рукописи ему удалось выкупить и передать местным архивариусам, остальное интенданты отправили с цейхгауза на рынок и продали на пуды как обёрточную бумагу.

Две книги «Начальных оснований естественной истории» (Спб., 1791, 1794) из фонда НББ принадлежали ранее богатейшей библиотеке Полоцкого иезуитского коллегиума, о чём свидетельствуют записи па латинском языке и овальные мастичные оттиски: Col:Pol:S:J.

Описание изданий только русской гражданской печати ограничивает возможность дать информацию о других имеющихся в фонде НББ книгах из библиотек белорусских гимназий, которые получили 10000 экземпляров из библиотеки коллегиума. Хотелось бы привлечь внимание историков и исследователей к этим ценным и редким изданиям. В НББ читатели могут работать не только со старопечатными изданиями XVII-XVIII вв. из библиотеки полоцкого коллегиума, но и увидеть «Апостол» С. Соболя (Могилёв, 1638) из библиотеки полоцкого Софийского собора.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Сапунов А. П. Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 5. С1.
2. Щеглов И. К столетию Витебского духовного училища. Витебск, 1911. С. 30.
3. Шавельский Г. Из былого alma matris. Белорусская (Полотская) грекоуниатская семинария в 1833-1834 г., перед воссоединением униатов //Полоцкие епархиальные ведомости. 1906. N 15. С. 56.
4. Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов.
Спб., 1907. Т. 2. С. 1034.
5. Горючко П. С. Материалы для истории белого духовенства полоцкой епархии//Полоцкие епархиальные ведомости. 1906. N 4. С. 114-119.
6. Сапунов А. П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. Полоцк, 1997. С. 15.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ - ИДЕОЛОГ ДРУЖБЫ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО НАРОДА

Сапунов Б. В.,
(г. Санкт-Петербург)

Симеон Полоцкий (1629-1680) - один из крупнейших писателей, проповедников, политиков и церковных деятелей XVII века. Вся его жизнь была воплощением идеи культурного, религиозного и государственного единения двух, а точнее трех братских восточнославянских народов - белорусского, украинского и русского (великорусского). Несмотря на очевидное положение, библиография работ, посвященных ему, невелика. Дореволюционные исследователи писали о нем, как о церковном деятеле, упоминая вскользь о его литературном наследии. В советские годы этой стороной его многогранной деятельности заинтересовался крупный ленинградский литературовед - И. П. Ерёмин, который раскрыл выдающийся вклад Симеона Полоцкого в русскую литературу XVIIв.

События последнего времени, после разрушения Советского Союза, высветили ещё одну, чрезвычайно важную область, в которой наиболее ярко проявилась его богато одаренная личность. Область, которая до сих пор не получила достойного отражения ни в специальной литературе, ни в средствах массовой информации. Это его деятельность, в первую очередь, как идеолога и практика борьбы за единение белорусского и русского народов.

Прослеживая этапы биографии этого великого белорусского гуманиста, невольно приходишь к выводу, что жизненный путь неизбежно привел его к идее братства трёх восточнославянских народов.

Не случайно эта тема, актуальная сегодня, не привлекла внимания историков ни в дореволюционные, ни в советские

годы. До первой мировой войны Россия делилась на губернии, а все её граждане, вне зависимости от расового и национального происхождения, были подданными единой Империи. После Октябрьского переворота, когда был провозглашен лозунг пролетарского интернационализма, и утверждалось, что «у пролетариата нет отечества», политические взгляды Симеона Полоцкого оказались не в русле политики тех лет.

В настоящее время, когда идёт процесс государственного сближения Белоруссии с Россией, Симеона Полоцкого следует рассматривать, как одного из зачинателей этого исторического события.

Симеон Полоцкий родился в городе Полоцке, хотя документально это не подтверждено. Мирское имя его звучало - Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович. По последним исследованиям его отчество было не «Гаврилович», а «Емельянович». Имя «Симеон» он получил по положению в монахи. Прозвище «Полоцкий» принял после переезда в Москву. Высшее образование Самуил Петровский получил в Киеве, в Киево-Могилянской Академии, основанной Петром Могилой в 1632 году. Годы учёбы приобщили его к культуре братского украинского народа. Огромное влияние на формирование личности Симеона Полоцкого оказал выдающийся украинский гуманист, борец с католицизмом и Унией, европейски образованный Петр Семенович Могила (1596-1647), киевский митрополит с 1632г. По окончанию коллегии Симеон возвратился в Полоцк, где в 1656 году принял монашество, работал в Братской школе, воспитывая и обучая будущих православных монахов.

В 1656 году во время первой войны за освобождение Беларуси в Полоцк прибыл царь Алексей Михайлович. Во время торжественного приёма Симеон Полоцкий вручил ему личное приветствование «Метры» - своего сочинения. Государь обратил внимание на талантливого монаха и пригласил

его в Москву. Однако, по ряду обстоятельств, переезд задержался, и Симеон оказался в Москве только в 1664 году. Сперва государь поручил ему работу в Тайном приказе, где он обучал молодых подьячих в школе, которая размещалась в Спасском монастыре. В 1665году Симеон поднёс Алексею Михайловичу «Благоприветствие» по случаю рождения царского сына, чем укрепил благосклонное отношение государя к своей особе. В 1667 году Симеон удостоился «великой государевой милости» - был назначен учителем царских детей - Алексея, Федора, Софии, для которых написал учебное пособие «Вертоград многоцветный». Тем самым он получил возможность оказывать влияние на будущих высших лиц государства - царя Федора Алексеевича и царевну Софью, внушая им свою идеологию. С этого момента Симеон Полоцкий находился под высочайшим покровительством и был недоступен проискам врагов.

Ясное понимание Симеоном Полоцким роли православия в деле единения всех братских восточнославянских народов четко проявилось в его позиции по вопросу церковного раскола.

В России православная церковь в отличии от наднациональной католической, всегда была национальной структурой, выражавшей и защищавшей интересы русского, белорусского и украинского народов. Выступавшие против единой национальной церкви, раскольники старообрядцы разрушали духовную общность народа, для которого православие означало больше чем конфессия. Тем самым раскол был выгоден врагам России. Не случайно А. И. Солженицин назвал раскол «великой трагедией русского народа»

В 1666 г. Симеон Полоцкий выступил с резким осуждением челобитчиков-раскольников Лазаря и Никиты. В 1667 г. его опровержение взглядов старообрядцев было опубликовано под заглавием «Жезл правления». Церковный собор 1667г.

высоко оценил труд Симеона, а раскольники его не поняли и не приняли. С другой стороны, выступая против старообрядцев-раскольников, за единую русскую православную церковь, Симеон Полоцкий критиковал непомерные претензии патриарха Никона, утверждавшего, что «священство превыше царства». Симеон энергично выступал против негативных явлений в жизни церкви своего времени, которые ослабляли её влияние на прихожан. Он предпринимал много усилий для возрождения устной проповеди, сам написал около 200 проповедей, которые были изданы в 1681- 1683гг. под названием «Обед душевный» и «Вечеря душевная» Перу Симеона Полоцкого принадлежал стихотворный перевод «Псалтыри», одной из наиболее читаемых книг Библии (Псалтырь рифмотворная. - М., 1686). В этом издании воедино слились труды трёх крупнейших деятелей культуры своего времени. В традициях Возрождения стихотворный перевод был иллюстрирован рисунками первого российского изографа С. Ушакова, которые были гравированы талантливым гравером А. Трухменским, В результате их совместных трудов был создан уникальный памятник книжной культуры России эпохи Московского барокко.

Выступая по делу Никона, Симеон Полоцкий предлагал усилить «образовательные средства государства», ратовал за распространение образования. Являясь активным проповедничом европейской учёности, которая проникала в Россию через Белоруссию и Украину, Симеон Полоцкий был решительным противником католицизма и унии.

Прекрасно образованный, воспитатель царских детей, знал кроме белорусского польский, русский и украинский языки, а так же латынь и греческий в объёме курса Киевской академии. Заботясь о распространении просвещения в России и на Украине, он в 1663 году основан в Москве типографию для издания не только церковных книг, но и светской литературы. Используя украинские традиции, он стоял у истоков

русского национального театра. Для которого написал две пьесы. Одна их них - «Притча о блудном сыне» имела в своё время большой успех.

По политическим взглядам, Симеона Полоцкого можно отнести к сторонникам просвященного абсолютизма. Выступая с панегириками в адрес Алексея Михайловича, он решительно осуждал правителей-тиранов, образ которых воплощал в восточном деспоте - Новуходоносоре.

Талантливый поэт, драматург и проповедник, Симеон Полоцкий был зачинателем русской силлабической поэзии, идея которая сформировалась в его сознании под воздействием украинской литературной традиции. Продолжая и развивая национальную ориентацию Франциска Скорины, Симеон Полоцкий рассматривал три братских народа- белорусов, великороссов и украинцев (малороссов) как субэтносы единого православного русского народа.

Симеон Полоцкий был крупнейшим деятелем эпохи Московского барокко, который перенес на русскую почву элементы культуры братских белорусского и украинского народов. Но рассматривая многогранную деятельность в Москве полоцкого монаха, невозможно оценивать её только в контексте историко-культурного фона XVII века. Симеон Полоцкий был активным проповедником братского союза Белоруссии с Россией, который созвучен чаяниям народов этих двух стран в конце XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерёмин И. П. Симеон Полоцкий: Публикации и комментарии. - М. -Л., 1952.
2. Майков Л. Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII столетий. -СПБ, 1889.
3. Попов В. Симеон Полоцкий как проповедник. - М., 1886.
4. Татарский И. Симеон Полоцкий. - М., 1886.

ПОЛОЦК И МОГИЛЁВ В ГОДЫ ВОЙНЫ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 1654 - 1667 гг.

Сидоренко Б. И.,
(г. Могилев)

Время Симеона Полоцкого /1629 - 1680гг. / ознаменовано не только экономическими и культурными достижениями восточнославянских народов, но и войнами, в которых эти народы участвовали между собой, развиваясь в составе двух государств - России и Речи Посполитой. В середине XVII в. началась война, длившаяся 13 лет и сильно подорвавшая демографическую базу белорусского этноса, оказавшегося в центре борьбы враждующих сторон. На примере Полоцка и Могилёва можно рассмотреть состояние городских слоев населения белорусского общества позднего средневековья в экстремальных условиях военного лихолетья и попытаться сравнить исторические судьбы этих городов на небольшом временном отрезке.

И Полоцк, и Могилев являлись к середине XVII в. крупнейшими городами белорусской части Речи Посполитой. Если первый возник и развивался как племенной и княжеский центр, то в развитии второго более рельефнее выступает фактор ремесла и торговли, отсюда и позиция городской общины. В Полоцке дома в начале XVII в. относящиеся к магистратской юрисдикции составляли лишь 25% общего количества ломов, в то время как собственность феодалов в Могилеве не превышала 5% /10% к середине XVIIв. //1/ Оба города еще с конца XV в. «попадали» под территории, которые в соответствии с вотчинно-династической теорией Москвы являлись собственностью великих князей и царей московских, временно находившихся под властью ВКЛ и Речи Посполитой.

Война Москвы и Варшавы стала неизбежной после Земского собора 1653г. и Переяславской Рады 1654г., в соответствии с которыми Украина переходила «под высокую руку государеву». На Полоцк, Витебск и Невель была нацелена группировка войск во главе с царским дядькой-боярином Стрешневым, будущим главой Приказа Великого княжества Литовского. Понимая, что хорошо укрепленный город взять будет нелегко, пограничный воевода Опочки Нащокин через свою агентуру в Полоцке пытался склонить полочан к добровольному переходу на сторону Москвы. Полоцкий бурмистр Михнович, завербованный русскими военными властями обещал склонить горожан к капитуляции. /2/ Полоцк сдался в конце июня после трехдневной осады войсковым отрядом Шереметева, 29 июня 1654г. об этом получил известие Алексей Михайлович. По условию капитуляции городу сохранялись все права и прежде всего Магдебургское право, а в город вошел царский гарнизон. В пропагандистских целях царь оказал помощь Полоцкому Богоявленскому монастырю, пожаловав ему в июне 1656г. Иванскую волость и брошенные дома мещан, а в ноябре 30 деревень близ города. В условиях тотальной охоты на людей в Подвинье с целью вывода их на мало заселенные земли России такие подарки мало что значили. Перелом в войне, происшедший в 1658/59гг., освобождение от царских войск территории Западной и части Центральной Беларуси усилили для русских военных властей значение Полоцка, здесь обосновался воевода Хованский, потерпевший ряд поражений от Сапеги, Чернецкого и Паца. В самом Полоцке к 1661г. в результате действий военных властей обстановка вплотную подвела к восстанию, о чем воевода Гагин писал царю и требовал подкрепления, говоря о ненадежности солдат и драгун. Горожане вели тайную переписку с великим гетманом и обещали ему открыть ворота. /3/ В июле 1661г. полоцкий воевода сообщал Алексею Михайловичу, что члены полоцкого магистрата гото-

вят восстание, и он мещан, шляхту и казаков никуда из города не выпускает. Вполне вероятно, что восстание состоялось бы, если б в июле - августе Хованский в Полоцке не сосредоточил крупные силы. Тогда же в конце августа 1661г. под Полоцком встретились силы Хованского и Сапеги и Паца; разделенные Западной Двиной войска так и не сошлись в битве и русские отряды вернулись в Полоцк. Полоцкий гарнизон в 1664г. насчитывал 1355 царских ратников. /4/ В начале этого же года начались переговоры в Дуравичах о мире, Ян Казимир предписывал своим комиссарам проводить государственную границу по условиям Поляновского перемирия 1634г. После седьмой по счету встречи Москва согласилась вернуть Речи Посполитой Полоцк. Город во второй половине 1664г. вновь ненадолго попал в осаду. В первые месяцы 1666г. переговоры возобновились, а с осени в Андрусово начался их второй этап. 18 февраля 1667г. король объявил о заключении перемирия с Москвой, согласно условиям Андрусовского перемирия Подвинье вместе с Полоцком оставалось в составе Речи Посполитой.

Сходный сценарий имели события в Могилеве. Летом 1654г. в городе неоднократно появлялись «листы» с обещанием царских милостей и сохранением всех прав и привилегий в случае добровольной сдачи города. В свою очередь командование казацких войск, посланных Богданом Хмельницким в Восточную Белоруссию, предлагало горожанам сдаться не «на имя царское», а «на имя гетмана». Между тем штурмовать крупнейший город белорусской части Речи Посполитой имевший три пояса укреплений у царя сил не было, в связи с чем усилилась агитация горожан, определенный успех имело и формирование белорусскою казацкого полка из крестьян и мелкой шляхты под началом перебежавшего к Алексею Михайловичу шляхтича Константина Поклонского. После поражения отряда могилевской шляхты на подступах к Могилеву,

город 28 августа 1654г. открыл ворота перед царскими войсками. В сентябре этого же года могилевский магистрат напомнил царю о его обещании и отправил в царский стан под Смоленском грамоту, состоящую их 14 пунктов о предоставлении городу прежних свобод. Большинство пунктов бояре отклонили. /5/ Войска Радзивилла попытались отбить город и с февраля по май 1655г. московские стрельцы, казаки и часть горожан отбили все попытки завладеть Могилевом. /6/ Еще до осады города войсками Радзивилла Поклонский перебил всех могилевских евреев. /7/ Личность этого шляхтича интересна тем, что здесь ярко проявилась несхожесть политических систем Речи Посполитой и России для правящего класса обеих государств. Поклонского "мало устраивала перспектива быть «царским холопом». Его разочарование «службой царской» нашло выражение в установлении контактов с Радзивиллом и во время штурма города 6 февраля 1655г. Поклонский открыл ворота первой линии укреплений и впустил войска Речи Посполитой за внешний вал. В руках оборонявшихся осталась только территория замка и Старого города, но их взять Радзивиллу и Гонсевскому не удалось. В мае осада была снята, а в 1655 - 1656гг. Могилев дважды посетил Алексей Михайлович, которому магистрат преподнес дорогие подарки, хранящиеся сейчас в Оружейной палате Московского Кремля.

В июне 1660г. Могилев выдержал ещё одну осаду войск Сапеги и Чернецкого. Ещё раньше обострились отношения между казаками «белорусского полка», запорожскими казаками и московскими стрельцами, наказной атаман Нечай - родственник Б. Хмельницкого открыто стал на сторону Речи Посполитой и даже попытался овладеть Могилевом. В самом городе росло недовольство практически всех слоев городского населения, русские военные власти вели себя откровенно враждебно, самодурство воевод проявлялось в уничтожении католического костела и каплицы, вырубке всех садовых деревьев

в городе, открытом грабеже могилевских мещан и торговых людей. Воевода постоянно вмешивался в деятельность магистрата, военные действия свернули торговлю, а без того скудные поступления шли на городские укрепления и содержания гарнизона.

1 февраля 1661г. в Могилеве произошло восстание, возглавленное местной шляхтой, царский гарнизон, насчитывавший по различным данным 700, 2000 и даже 7000 человек был уничтожен. По известиям барона Августина Мейерберга посетившего Могилев в 1662г. 960 стрельцов было уничтожено, а 150 спаслись бегством. /8/ Обрадованный Ян Казимир на радостях простил городу его прежнюю измену, сохранил все его права и привилегии и пожаловал «месту Могилевскому новый герб. » Наиболее активные участники восстания получили шляхетство. Попытка воевод Черкасского, Прозоровского, Воротынского в 1666г. овладеть Могилевом окончилась неудачей и гибелью самого князя Черкасского. Яркий рассказ о восстании 1 февраля 1661г. сохранился в Могилевской хронике. /9/

В событиях войны 1654 - 1667гг., произошедших в Полоцке и Могилеве много общего. Оба города добровольно открыли ворота русским войскам, что отражало «промосковскую» позицию определенных кругов белорусского населения на союз с единоверным народом. Соприкосновение политических систем России и Речи Посполитой вскоре развеяли эти иллюзии. Установление «двоевластия» в Полоцке и Могилеве в годы войны /магистрат и царский воевода/ не могло быть долгим. Жители городов, развивавшихся в рамках более демократического государственного строя Речи Посполитой, не могли принять московских порядков. Преимущества правового государства давали о себе знать. Недовольство горожан вплотную подвело население Полоцка к восстанию, а в Могилеве в сходных условиях восстание было осуществлено успешно.

Адекватность поведения жителей крупнейших белорусских городов в войне 1654 -1667гг. говорит не только об определенной схожести реакции мещан на военную обстановку и единоверного врага, но и о близости менталитета крупных городских центров Беларуси второй половины XVII в.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Мелешко В. И. Могилев в XVI- середине XVII веков. Мн. 1988. С. 194-195.
2. Белоруссия в эпоху феодализма. Мн. 1960. т. 2. С. 62-63.
3. Акты Московского государства. СПб. 1901. т. 3. С. 365.
4. Сагановіч Г. М. Невядомая вайна 1654-1667 гг. Мн. 1995. С. 118.
5. Сідарэнка Б. І. Цікавая крыніца аб Магілеве часоў вайны Рэчы Пасцалітай і Расійскай дзяржавы /1654-1667гг. / // Магілеўская даўніна. № 4. С. 83-86.
6. Хроника белорусского города Могилева. Пер. с польск. Н. Гортынский. Могилев 1887. С. 21-23.
7. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна 1867. т. 2. Приложение XIII. -XIV.
8. Путешествие в Московию барона Мейерберга. Чтения Общества любителей история и древностей российских при Московском университете, январь-март 1874. кн. 1. С. 204.
9. Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Трубницких. П. Сб русских летописей. т. 35. Приложение. С. 243.

СІМЯОН ПОЛАЦКІ І ЯГО «РЫФМАТВОРНЫ ПСАЛТЫР».

Сідаровіч Л. М.,
(г. Полацк)

Сучасная эпоха вызначаецца складанасцю і супярэчнасцю адбываючыхся падзей. Гэта час перагляду сваіх адносін да нацыянальнай гісторыі і культуры. Як казаў у прывітальным слове да ўдзельнікаў Міжнароднага кангрэсу беларусістаў Уладзімір Платонаў, у Беларусі «распачавалася вялікая праца па аднаўленні духоўных каштоўнасцей, якія былі бяздумна растрачаны за папярэднія дзесяцігоддзі». Таму з пачуццём глыбокага нацыянальнага гонару ўспрымаецца сёння адкрыццё новых і даследаванне малавядомых старонак культурнай спадчыны беларусаў.

Адной з іх з'яўляецца выдатны музычна-паэтычны твор апошняй чвэрці XVII стагоддзя - «Рыфматворны псалтыр» Сімяона Полацкага і Васіля Цітова.

«Рыфматворны псалтыр» - увасабленне народнай мудрасці, крыніца духоўнага багацця ўсходніх славян. Ён ставіць важныя маральныя, духоўныя, эстэтычныя і выхаваўчыя праблемы, якія вельмі актуальна гучаць і ў наш час. Як справядліва адзначаў вялікі беларускі асветнік Францыск Скарына, у Псалтыры «ест справедливость, там ест чистота, душевная и телесная, Там ест наука всякое правды. Там мудрость и разум досконалый. »

«Рыфматворны псалтыр» як унікальны помнік XVII ст. ў роўнай ступені належыць беларускаму і рускаму народам і шырэй - культуры свету. Невыпадкова імя Сімяона Полацкага было унесена па рашэнні ЮНЕСКА ў 1980 годзе у каляндар міжнародных дат вялікіх дзеячаў славянскай культуры.

Сімяон Полацкі ўвайшоў у гісторыю як выдатны паэт, драматург, пісьменнік, прапаведнік, выкладчык, філосаф, грамадскі і царкоўны дзеяч. Гэта быў чалавек энцыклапедычных

ведаў. Ён нарадзіўся і працяглы час (да 1661 г.) жыў у горадзе Полацку. На Беларусі Сімяон Полацкі сфарміраваўся і як асоба, і як паэт. Аб глыбокай сувязі літаратурнай творчасці паэта з беларускімі нацыянальнымі вытокамі сведчаць неаднаразова сустракаючыяся ў паэтычных тэкстах яго «Рыфматворнага псалтыра» беларускае прыслоўе « велмі», прыназоўнік «з» перад назоўнікамі, літара «ы» ў канчатках назоўнікаў, прыметнікаў і дзеепрыметнікаў.

«Рыфматворны псалтыр» Сімяона Полацкага вызначаецца разнастайнасцю памераў сілабічнага верша.

У аснове болынай часткі псальм (у №№ 1, 3, 4, 6, 9, 11, 12, 14, 15, 16 і г. д.) ляжыць тыпічна кантавы трынаццаціскладаны сілабічны верш 13 (7+6).

Даследчык Л. Гаспараў у сваёй працы «Русский силлабический тринадцатисложник» указвае, што трынаццаціскладаны сілабачны верш быў запазычаны ў рускай паэзіі з польскай. У якасці матэрыялу для параўнання аўтар прыводзіць усе сілабічныя трынаццаціскладальнікі з Псалтыра Яна Каханоўскага. У гэтым памеры польскім паэтам напісаны Прысвячэнне і псалмы №№ 1, 4, 6, 12, 13, 21, 24, 29, 31, 36, 41, 44, 54, 55, 59, 67, 68, 71 (усяго 18 прыкладаў), з якіх толькі дзевяць (№№ 1, 4, 6, 12, 36, 54, 59, 68, 71) супадаюць па памеру з псалмамі Сімяона Полацкага.

Гэты факт красамоўна сведчыць аб тым, што аб запазычанасці і перайманні Сімяона Полацкага у Яна Каханоўскага казаць ніяк нельга. Несумненна, што Псалтыр польскага паэта з'явілася ўзорам для Сімяона Полацкага. Аднак беларускі паэт не капіраваў свайго папярэдніка. Больш за тое, трынаццаціскладаны сілабічны верш стаў дзеля яго дамініруючым у адрозненні ад вершаў Яна Каханоўскага.

У адрозненні ад верша польскага паэта, які быў тыповым для польскай паэзіі XVI-XVIII стагоддзяў, цэзураваны трынаццаціскладаны сілабічны верш Сімяона Полацкага значна разнастайнейшы. Акрамя польскага, Сімяон Полацкі выкарыстоўвае яшчэ сем разнавіднасцей гэтага верша.

Разам з трынаццаціскладаным значнае месца ў паэтычных тэкстах «Рыфматворнага псалтыра» займае таксама

тыпічна кантавы адзінаццацісkладаны сілабічны верш 11 (5+6) і шэраг іншых, у тым ліку і народнапесенныя разнавіднасці сілабічнага верша.

Такім чынам, не толькі памеры, але і вершавыя структуры псалмоў Сімяона Полацкага адрозніваюцца багаццем і разнастайнасцю. Гэта цалкам адвяргае пункт гледжання літаратуразнаўцы і фальклырыста А. Пазднеева аб тым, што «для стихотворений Симеона Полоцкого характерно однообразие строфико-ритмического строения: эта сторона их формы его, очевидно, не интересовала».

Шматлікія иаэты пераводзілі Псалтыр вершамі. Асобныя псалмы перакладалі М. Ламаносаў, В. Трэдзіякоўскі, А. Сумарокаў, М. Хераскаў, Г. Дзяржавін, М. Языкаў.

Аднак толькі да перакладай Псалтыра Сімяона Полацкага была створана музыка, Гэта невыпадкова, Бо менавіта вершы Сімяона Полацкага песенныя па сваёй прыродзе, характару і ўнутраных законах, былі прызначаны не толькі для чытання, але і для спеваў.

Песенная прырода вершаў Сімяона Полацкага з яго «Рыфматворнага псалтыра» і прымусіла таленавітага кампазітара канца XVII - пачатку XVIII стагоддзя Васіля Цітова, які быў названы адным з яго сучаснікаў кампазітарам, «всех премудростию своею превосходящим», к стварэнню музыкі да псалмоў.

Патрэбна падкрэсліць, што як і паэт, Васіль Цітоў не пераймаў ад свайго славутага папярэдніка Мікалая Гамулкі. На гэта ўказвае доктар мастацтвазнаўства Ю. Келдыш: «По хаактеру мелодии, ритму и общему выразительному строю они (псальмы, - Л. С.) резко отличаются от тех польских псалмов, которые распространялись в Москве и других городах России через посредство рукописных сборников».

Удакладнім, што ў сваёй музыцы да « Рыфматворнага псалтыра» Васіль Цітоў выкарыстоўваў, акрамя знаменнага роспеву, у чым і заключаецца самабытнасць меладычных вытокаў псальм кампазітара, той жа агульны фонд характэрных дзеля кантавай культуры папевак, які з'яўляўся інтанацыйным слоўнікам Эпохі (XVII-XVIII стагоддзі)

«Рыфматворны псалтыр» Сімяона Полацкага і Васіля Цітова - унікальны твор двух вялікіх мастакоў XVII стагоддзя - атрымаў вялікае жыццё. З часу XVII- пачатку XIX стагодцзяў псальмы з «Рыфматворнага псалтыра» неаднаразова перапісваліся, трапіўшы ў розныя рукапісныя спісы кантаў і псальмаў. Пры гэтым трэба адзначыць, што псальмы Сімяона Полацкага аказаліся больш жыццяздольнымі, чым музыка да іх Васіля Цітова. Толькі чатыры мелодыі кампазітара атрымалі распаўсюджванне ў быце, тады як 61 псалом паэта ўвайшоў у шырокі выканаўчы ўжытак з музыкай іншых ананімных аўтараў.

Гэты факт сведчыць аб безумоўным паэтычным дараванні Сімяона Полацкага і вечным значэнні яго паэзіі, а таксама ўсёй яго асветніцкай дзейнасці.

ЛІТЭРАТУРА

1. Уладзімір Платонаў. Прывітальнае слова // Беларусіка. = Albaruthenica. Кн. 1- Рэд. А. Мальдзіс і інш. - Мн.: Навука і тэхніка, 1993. - С. 3.
2. Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі. - Мн.: Навукаі тэхніка, 1969. - С. 10
3. Званарова Л. Сімяон Полацкі і маскоўскія любамудры. // Беларусіка = Albaruthenica. Кн. 1. Рэд. А. Мальдзіс і інш. - Мн.: Навука і тэхніка, 1993. - С. 205.
4. Гаспаров Л. Русский силлабический тринадцатисложник. // Metryka slowianska Red. Zdzislawa Kopczynska i Lyculla Pszczdlowska. - Wroclaw - Warszawa - Krakow - Gdansk. Wydawnictwo PAN, 1971. - С. 40
5. Позднеев А. Рукописные песенники XVII-XVIII вв. - М.: Наука, 1996. - С. 54.
6. Протопопов В. Творения Василия Титова -выдающегося русского композитора второй половины XVII начала XVIII века. // Избранные исследования и статьи. - М.: Советский композитор, 1983. - С. 242.
7. История русской музыки: В 10 томах. - М.: Музыка, 1983. Т. 1. - С. 246.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ И РУССКАЯ КНИЖНАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Симакова О. А.,
(г. Минск)

Одним из важнейших факторов истории русской литературы XVII в. было появление и развитие книжной поэзии. Ее возникновение относится к первой трети XVII в. и связано с усилением роли городов в культурной жизни страны и стремлением передовых слоев русского общества освоить достижения европейской культуры, а также, по мнению А. М. Панченко, ослаблением роли фольклора. Русский речевой стих опирался с одной стороны, на декламационный стих скоморохов, а с другой- использовал опыт украинско-польской силлабической поэзии. В России основоположником силлабического стихосложения во второй половине XVII в. стал Симеон Полоцкий.

Одним из любимых занятий Симеона было «рифмование», т. е. поэтическая литературная деятельность, которой он стал заниматься во время пребывания в Киево-Могилянской академии. Позже, в Полоцке он писал стихи на польском, украинском, белорусском языках, обнаруживая незаурядное поэтическое дарование, сочиняя элегии, сатирические поэмы, эпиграммы.

Прибыв в 1664 году в Москву, Симеон стал писать стихи на русском языке. Здесь его поэтическое творчество достигло своего наивысшего расцвета.

Симеон Полоцкий принес в русскую стихотворную культуру новую концепцию писательского труда, которая имела целью доказать, что писательский труд может рассматриваться как личный нравственный подвиг. При этом «слово», как атрибут бога, обладает реальной мощью[2].

Своим поэтическим произведением Симеон придавал просветительное и воспитательное значение. Высокое призва-

ние поэта он видел в способности привлекать «слухи и сердца» людей. Поэзию, как сильное чувственное оружие, считал он, следует использовать для распространения просвещения, светской культуры, воспитания нравственности и морали.

В Москве Симеон Полоцкий создавал панегирические торжественные стихи, выступая в качестве придворного поэта царя Алексея Михайловича. Все произведения (800 виршей), на различные случаи придворной жизни были объединены в сборники - «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». В древнерусском языке «вертоград» и «виноград» использовались как синонимы: «Вертоград»- сад, огород, возделываемая земля, обнесенная оградой, « виноград» - фруктовый сад[3]. Сад в стихах Симеона выступал как вертоград духовный, приносящий плоды мудрости и добродеяний, высокой духовности, нравственного совершенства.

В центре панегирических виршей стоит образ идеального просвещенного самодержца. Он является олицетворением и символом Российской державы, живым воплощением её политического могущества и славы. Он должен посвятить свою жизнь благу государства, благу своих подданных, заботиться об их «гражданской потребе»[4] и их просвещении, он строг и милостив, он добросовестный исполнитель существующих законов.

Наряду с панегирическими стихами Симеон Полоцкий писал вирши на самые разнообразные темы. Однако особое место в творчестве поэта занимали вопросы морали. Симеон говорил о необходимости каждому человеку, в том числе и правителю, строго блюсти установленные законы. Основой общества он считал труд, и первейшая обязанность человека трудиться на благо общества.

В своих многочисленных произведениях он выразил и свои собственные общественно-политические взгляды. Симеон Полоцкий вполне определенно высказался за необходимость усиления власти одного правителя - царя, считая, что наилучшая форма правления, это «самовладство»[5] (неограниченная монархия).

Философствуя о смысле жизни, Симеон ставил воп-

рос об истинном блаженстве, которое приносит человеку занятие любимым делом. На взгляд поэта, почести, чины, знатность, не могут быть главными заслугами человека. [6]

Важным разделом поэзии Симеона Полоцкого явилась стихотворная басня, которая впервые появилась в русской литературе благодаря поэту. Он, несомненно, знал басни Эзопа. Чтение античных басен на греческом и латинском языках культивировалось в Киево-Могилянской академии, где он учился. Его безусловной заслугой было введение их в русскую литературу, хотя и в переработанном виде. Басня-притча была одной из форм, в которой Симеон наиболее адекватно выразил свои философско-нравственные и просветительские взгляды. Стихотворные басни помещенные в «Вертограде многоцветном» - были произведениями, воплощавшими принципы поэтики литературного барокко. [7]

Творчество Симеона Полоцкого развивалось в русле панегирической и дидактической поэзии барокко с его обобщенностью и многозначностью символики, аллергий, контрастностью и гиперболизмом, дидактическим морализаторством.

Таким образом, своими творческими усилиями Симеон Полоцкий развивал в русской литературе черты, сближавшие её с литературами новоевропейского типа, прокладывая пути развития будущей русской классической поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
2. См. подробней: Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. Барокко в славянских культурах. М., 1982.
3. Словарь русского языка XI - XVII вв. М., 1975. Вып. 2: В - ВОЛОГА. С. 99, 185.
4. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М. - Л., 1953. С. 213.
5. Там же. С. 227.
6. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X - XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973.
7. Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII в. М., 1989. С. 118.

ВЛИЯНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО НА ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ

Станчиц М. А.,
(г. Минск)

Культура - исторически развивающаяся система созданных человеком ценностей, социо-культурных норм, способов организации поведения и общения. Вся общественная история обнаруживает себя в культуре со стороны развития самого человека, т. е. человеческой личностной стороны.

В нравственной культуре фиксируется достигнутый обществом уровень представления о добре и зле, чести, справедливости, долге и т. д. Эти представления и нормы регулируют поведение людей, характеризуют социальные явления. Усваивая нравственные воззрения и принципы, индивид превращает их в нравственные качества и убеждения.

Нравственная культура самоценна, она обладает относительной самостоятельностью, для нее характерны специфические закономерности развития.

Нравственная культура воспитывается в человеке именно в школьные годы.

Одним из средств воспитания и формирования нравственной культуры в старшем школьном возрасте становятся факультативные курсы этической направленности. Нами разработан, апробирован и предлагается педагогической практике факультативный курс «Развитие этической мысли эпохи Возрождения в Беларуси» /Народная асвета, 1997, № 5, с. 56-60/. Цель курса - обогатить внутренний мир учащихся, приобщить их к моральным ценностям, заложенным в философии, этике и культуре белорусского народа, в мировоззрении отече-

ственных мыслителей.

Опыт показывает, что этические воззрения Симеона Полоцкого можно эффективно использовать для воспитания нравственной культуры школьников.

В процессе изучения факультативного курса старшеклассникам предлагается для исследования тема «Общечеловеческие ценности и нравственный идеал в творческом наследии Симеона Полоцкого».

При работе над ней можно использовать выводы белорусских ученых, исследователей жизни и деятельности Симеона Полоцкого. /В. Болбас/, о том, что как педагог, разрабатывающий вопросы нравственного воспитания, он удачно синтезировал основные постулаты христианской этики, народно-воспитательный опыт и опыт отечественной и зарубежной мысли своего времени.

Процесс становления мировоззрения Симеона Полоцкого осуществлялся в условиях культуры барокко, что отразилось на характере и специфике его этических взглядов. Вместе с тем этика Симеона Полоцкого аккумулировала идеи отечественной мысли Эпохи Возрождения.

Этические воззрения Симеона Полоцкого изложены в его «Виршах». Например, решая проблему происхождения морали и утверждая идею о чувственно-рациональных истоках моральных понятий, Симеон Полоцкий большое значение придает нравственному воспитанию, в стихотворении «Нрав» он пишет: «Нрав юноши от детства всажденный, даже до старости бывает храненный».

Симеон Полоцкий - противник идеи о том, что моральные добродетели наследуются. В стихотворении «Достоинство» он пишет: «Родителей на сына честь не прехождает, аще добродетелей их не подражает, лучше честь собою камуждо стяжати, нежели предков ся честию сияти».

В стихотворении «Мысль» Симеон Полоцкий обо-

сновывает принцип единства нравственного сознания и поведения. По его мнению те, кто призывает других к деланию добра, а сами его не творят, «подобны суть звонам звонящим, в церковь зовущим, самим не входящим».

Анализ стихотворений Полоцкого в ходе факультативных занятий со старшеклассниками позволяет сделать вывод о том, что истинными ценностями для него являются знания и добродетель. Им обосновывается приоритет духовно-моральных ценностей, по мнению мыслителя сами по себе богатство и знатность не зло, зло, если они стремятся подчинить себе духовность человека, пытаются заставить строить отношения с другими людьми, исходя из оценки их материального достатка и положения в обществе (стихотворение «Риза»).

Понятно, что этический идеал мыслителя предусматривает и наличие таких традиционно христианских добродетелей, как набожность, покорность, послушание, воздержание и т. д.

В то же время Симеон Полоцкий акцентирует внимание и на тех интеллектуально-моральных ценностях, которые были поставлены в основу эпохой Возрождения, а затем и эпохой просвещения.

Таким образом, изучение темы «Общечеловеческие ценности и нравственный идеал в творческом наследии Симеона Полоцкого» в процессе факультатива «Развитие этической мысли эпохи Возрождения в Беларуси» развивает этическое мышление старших школьников, формирует их нравственные чувства и опыт поведения, что в совокупности и представляет собой нравственную культуру личности.

НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Старостенко В. В.,
(г. Могилёв)

Жизнь и творчество Симеона Полоцкого связаны с одним из самых противоречивых и драматических периодов отечественной истории. Мировоззрение мыслителя формировалось в обстановке активизации на белорусско-украинских землях Речи Посполитой, Контрреформации, введения Брестской церковной унии, войны 1654-1667гг., прогрессирующего социального и вероисповедного конфликта. Условия общественного бытия Великого княжества Литовского и Речи Посполитой предопределили складывание в отечественной мысли нетождественных политических, этнокультурных и церковно-конфессиальных ориентации, разнонаправленных тенденций понимания общего блага и путей дальнейшего развития белорусского этноса. В белорусско-украинском православии уже в 20-40 гг. XVII столетия достаточно отчетливо выявляются две основные религиозно- политические тенденции: 1) компромисса, существования в качестве относительно независимой церкви в пределах Речи Посполитой на основе лояльности к политическому руководству страны, достижения религиозно-конфессионального согласия и обеспечения на этой основе национально-религиозно-культурной автономии «русского народа» (Ф. Иевлевич, П. Могила, С. Косов и др.) и 2) конфронтации с униатством и государственно-политическим режимом Речи Посполитой, обратной стороной которой выступала идея политической и церковной интеграции с московским самодержавием и православием (И. Борецкий, И. Копинский, А. Филиппович и др.)

Недальновидная политика насильственная унизация,

проводимая феодально-католическими кругами Речи Посполитой, содействовала утверждению идеи интеграции с Россией в сознании широких народных масс, особенно восточной части Беларуси. Однако война 1654-1667 гг., поведение московских властей на занятых территориях привели к крушению у значительной части населения иллюзий о «царе-освободителе». Тем не менее, идея государственного единения восточных славян под эгидой Москвы сохранилась в общественном сознании. Теоретическое обоснование этого направления белорусской историософии было предпринято в произведениях Симеона Полоцкого.

Идея «единодержавия» наиболее откровенно выражена мыслителем в полоцких и витебских «Метрах» (1656), приветственных стихах в честь царя Алексея Михайловича. «Метры на пришествие во град отчистый Полоцк (здесь и далее выделено нами. - В. С.) пресветлого благочестивого и христолюбивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы... » были написаны Полоцким в соавторстве с игуменом Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатием Иевлевичем и дидаскалом братской школы Филофеем Утчицким, прочитаны 5 июля учениками братской школы. В них прославляется «Белая Русь» и российский самодержец:

«Лобзает вся Росия, Белая с Малою,
Веры просветившися светом под тобою(...)
Ты от нужды вражия избавил,
Россию белу во свете поставил,
Прежде напастей бурею стемнелу и оскорблену».

Алексей Михайлович провозглашается «единым царем восточным», «царем обладателем, дедичем милостивым». Утверждаются древность и наследственный характер прав московского царя на земли всех « россов», в том числе «отчыный Полоцк», преемственность Киевской и Московской Руси: « иже от Владимира наследие царствует, всю дедичным Русь

правом слушне обыймует».

Военные действия России Полоцкий трактует как освободительную миссию,избавление «единоверного» белорусского населения «от поруганий, от бед», притеснений со стороны « апостатов» (католиков и униатов) (9, с. 27-33).

Аналогичные по содержанию «Метры» были оглашены в Витебске:

«Радуйся, Белорусская земля, иж упадают
ереси в тебе през Алексея пречь ищезают (...)
Тот всем россом царь, князь и государь и обладатель,
Церкви же святой велий заступни благодатель (...)
Витаем тя, царю, от востока к нам пришедшаго,
Белорусский же от нужды народ весь свободшаго».

Автор призывает соотечественников « не бояться» и «не устрашаться», а признать государя, склониться перед царей « всех россов» и « великим князем всей российской земли дедича», несущего « свободу». Полоцкий подчеркивает принадлежность « белорусского народа» ко « всему роду российскому», « белорусскую землю» рассматривает как часть « российской земли» (4, с. 228-229)

Многие произведения мыслителя пронизаны идеей богоизбранности московского самодержца, война с Речью Посполитой объявляется богоугодным делом, освященным божьей волей: « Богом нам даный православный царю, России всея верный господарю!» (1, с. 455). В стихах « На счастливое возвращение его милости из-под Риги», « Приветствие на взятие Дерпта», « Приветствие избрания на польский престол», « Стиси краесогласнии ко пресветлейшему... Алексию Михайловичу» и других Полоцкий проводит мысль о том, что целью русского царя является на территориальные захваты, а радение за чистоту православной веры (9, с. 33-40, 392, комм.; 1, с. 454-459): « Прогнавы мрачны з Руси еретики, буди ж в победах преславлен во веки!», « Буди Константин и Владимир миру, сотри кумира и прослави веру», « Светом веры просве-

тятся люде от тебе, царю!» (1, с. 455, 456; (, с. 36). Движимый идеей православного « царя-освободителя», поэт пишет («Желание творца») о своем стремлении « царску славу возгласити по всей России и где суть словяне» (4, с. 253). Не желающие признать власть московского самодержца могут, по его мнению, подвергнуться наказанию и быть принуждены к покорности силой: « победит враги, смирит супостаты, иже не хошчют за царя знати» (9, с. 41).

Оценка Полоцким войны России с Речью Посполитой явно контрастировала с подлинными целями русского самодержавия, логикой феодальной войны, но было бы неверно сводить общественно-политические взгляды белорусского мыслителя к примитивному «западнорусизму», « манкуртизму» по отношению к своему народу. Он был искренне убежден, что вхождение Беларуси в состав России является благом для белорусского этноса, условием его сохранения в обстановке усилившейся в Речи Посполитой в середине XVII века католической реакции. Полоцкий « утратил всякую надежду на то, что национально-освободительное движение белорусского и украинского народов найдет понимание у руководства Речи Посполитой», и поэтому единственным выходом из создавшегося положения видел объединение с Россией в едином государстве. (8. С. 249)

Историософские воззрения Симеона Полоцкого имели последователей в белорусской мысли. Созвучные идеи высказывал анонимный белорусский поэт, автор стихов « О взятии Смоленска» « Воюет ц(а)рь православный, царь Алексей Михайлович, восточного царства дедеич. Идет Литвы воевати, свою землю очищати» (6, с. 61-62). За присоединение Беларуси к России высказывался видный деятель белорусской культуры Илья Копиевич. На существование в сознании белорусов царистских иллюзий, братское отношение к русскому народу указывают этнографические источники XVII- XVIII веков.

Творчество Симеона Полоцкого, его общественно-по-

литические воззрения отнюдь не исчерпываются панегириками в адрес московского самодержавия. Во многих его стихах, особенно полоцкого периода, выражены глубокий патриотизм, любовь к родному городу, уважение к традиционной культуре белорусов. Так, в сочинении « Взенто образ насвентшэй Богородзицы з Полоцка до Москвы» (1663) поэт делится своими религиозными переживаниями в связи с переносом иконы Полоцкой Богоматери. Стихи проникнуты высокими гражданскими чувствами по отношению к своей «Полоцкой стране», - беспокойством за то, что земляки могут лишиться «главной заступницы»: «Нине, о мати, Дева пресвятая, камо грядеши, градзей оставляя? Кому вручышы раб своих в оборону? И кто соблюдет «Полоцкую страну?» (9, с. 18, 62) Схожие идеи Симеон высказывает в « Прологе к преподобной матери Евфросинии». Стихи написаны в форме молитвы, обращенной скорейшему возвращению иконы для « просветления земли белороссийской». Восхваляется сама Евфросиния как просветительница родной земли, трудившаяся в «отчинным граде» Полоцке (9, с. 77-78). Сказанное свидетельствует о наличии явно выраженной национально- культурной тенденции в самосознании белорусского мыслителя,

Полоцкий продолжал осознавать себя белорусом и после переезда в Москву (1664). На это указывают, в частности, те факты, что он подписывал свои произведения как иеромонах из Полоцка (2, с. 352), именно в московский период деятельности начинает именоваться Полоцким, чем подчёркивал своё белорусское происхождение. Находясь в Москве, Симеон не забывал о родной Беларуси. Полоцкому Богоявленскому монастырю была отписана, согласно завещания писателя, часть его богатой библиотеки (9, с. 10). В период пребывания в Москве Полоцкий являлся воспитателем и учителем царских детей, стремился гуманизировать жизненный уклад, политику российского самодержавия. Многие его стихотворения наполнены просветительскими идеями. Симеон По-

лоцкий призывал царя уважать законность, справедливость, достоинство человека (9, с. 19, 69-70, 121-122). Являясь представителем конструктивного направления в православной мысли, он выступал против самоизоляции «Востока» от «Запада», отстаивал идеи диалога славяно-византийских и латинских культурных достижений, синтеза богословия и светского - ния, гуманистического реформирования системы образования и воспитания. По мнению ряда исследователей, деятельность Симеона Полоцкого в московский период стала продолжением просветительской миссии Франциска Скорины, содействовала приобщению Москвы к европейской цивилизации, знакомству с «латинской» культурной традицией, созданию новых для России интеллектуально-образовательных институтов (3, с. 210; 5, с. 130-131; 7, с. 97-98).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоруссия в эпоху феодализма. - Мн., 1960. - Т. 2
2. Званарова Л. Нататкі пра свядомасць Сімяона Полацкага / / Беларусіка. - Мн., 1993. - Кн. 2. - С. 351-354.
3. Звонарева Л. Симеон Полоцкий - историк // 480 год беларускага кнігадрукавання. - Мн., 1998. - С. 206-220.
4. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. - Мн., 1962.
5. Конон В. О белорусской идее // Неман. - 1993. -№3. - С. 125-131
6. Мальдзіс А.І. На скрыжаванні славянскіх традыцый. - Мн., 1980.
7. Падокшын С. А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура. - Мн., 1998.
8. Падокшын С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусь- Мн., 1990.
9. Полоцкий Симеон. Вирши. - Мн., 1990.

БЕЛАРУСЬ І РАСІЯ: НА ШЛЯХУ ДА ЯДНАННЯ

Шайкоў В.,
(г. Полацк)

Жыццёвы шлях выдатнага беларускага дзеяча культуры XVII ст. Сімяона Полацкага напрамую звязвае Маскву і Полацк, Расію і Беларусь.

Напрыканцы XVIII ст. у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай тэрыторыя Беларусі ўвайшла ў склад Расійскай імперыі і з таго часу лёс беларускага этнасу больш чым цесна звязаны з рускім. Адным з вынікаў гэтых узаемасувязей з'яўляецца сучаснае стаўленне беларусаў да роднай мовы. Падчас сацыялагічнага даследавання, праведзенага Полацкім дзяржаўным універсітэтам у чэрвені 1999 г., толькі 19, 5 працэнта палачан выказаліся ў падтрымку таго, што беларуская мова павінна быць адзінай дзяржаўнай мовай на Беларусі, у той час як амаль 65 працэнтаў палачан з такой пастаноўкай пытання не згодны, прычым 42, 2 працэнты не згодны цалкам (гл.: дыяграму № 1):. Цікавая тэндэнцыя праслежваецца сярод апошніх па ўзроставаму паказчыку:

18-29	30-44	45-54	55 і >
36,7	40,8	42,0	50,0

Асабліва актуальным сёння з'яўляецца пытанне аб'яднання дзвюх дзяржаў і стварэнне адзінай Расійска-беларускай дзяржавы. Як жа ставяцца да гэтага жыхары старажытнай сталіцы Беларусі - горада Полацка?

Цапкам згодны з такой прапановаю 36, 3 працэнта рэспандэнтаў, яшчэ 15, 8 - згодны часткова. Агульны малюнак размеркавання галасоў палачан наглядна прадстаўлены на дыяграме № 2.

У падтрымку існавання суверэннай незалежнай Беларуси адназначна выказалася 34, 1 працэнта жыхароў старажытнай сталіцы Беларусі, часткова іх падтрымлівае яшчэ 15, 8 працэнта рэспандэнтаў (гл.: дыяграму № 3).

Такім чынам, за стварэння Саюза з Расіяй выказваецца 52, 1 працэнта палачан, за існавання самастойнай дзяржавы Беларусь — 49, 9 працэнта.

Сярод рэспандэнтаў, якія падтрымліваюць ідэю стварэння саюза, пераважаюць людзі ва ўзросце 55 і болей гадоў (66, 2 %), за існаванне незалежнай дзяржавы - ва ўзросце 18-44 гг. (52, 7 %), прычым сярод апошніх рабочыя складаюць 46, 7 %, навучэнцы і студэнты - 53, 8 %, спецыялісты і служачыя - 62, 0 %.

Дадзеныя вынікі атрыманы падчас сацыялагічнага даследавання, праведзенага ў чэрвені 1999 г. у межах маніторынгавай праграмы "УЛАДА І ЛЮДЗІ". У апытанні па квотнапрапарцыянальнай выбарцы нрынялі удзел 1050 чалавек. Выбарка рэпрэзентатыўная. Каміыотэрная апрацоўка выканана з дапамогаю праграмнага пакета SPSS.

Дыяграма № 1

ДЗЯРЖАЎНАЙ МОВАЙ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

ПАВІННА БЫЦЬ ТОЛЬКІ БЕЛАРУСКАЯ МОВА

Дыяграма № 2

БЕЛАРУСЬ І РАСІЯ ПАВІННЫ АБ'ЯДНАЦЦА

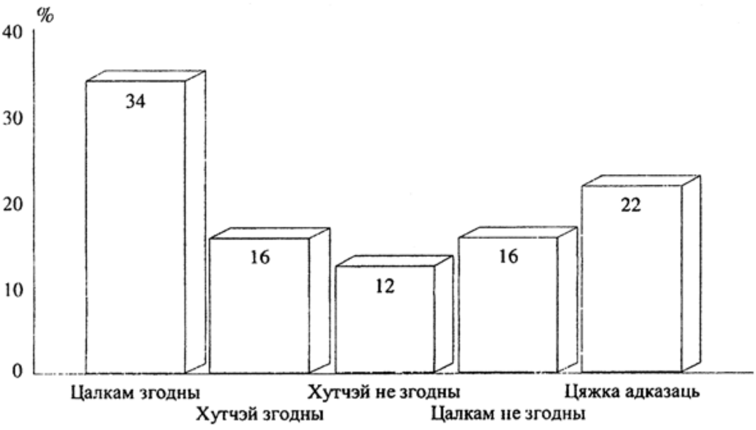
І СТВАРЫЦЬ АДЗІНУЮ ДЗЯРЖАВУ

Дыяграма № 3

БЕЛАРУСЬ ПАВІННА БЫЦЬ

НЕЗАЛЕЖНАЙ СУВЕРЭННАЙ ДЗЯРЖАВАЙ

<u>Авторы:</u>

Аверьянов Константин Александрович - старший научный сотрудник Института истории Российской академии наук, кандидат исторических наук.

Бавтович Михась- краевед, руководитель исторического клуба «Истоки»

Болбас Валерий Сергеевич- проректор по научной работе Мозырского государственного педагогического института, кандидат педагогических наук.

Витязь Сергей Петрович - научный сотрудник Национального научно- просветительного центра им. Ф. Скорины.

Гаранин Сергей Леонтьевич- научный сотрудник Института литературы им. Я. Купалы Национальной Академии наук Беларуси, кандидат филологических наук.

Голубович Виталий Владимирович- старший преподаватель кафедры истории и социологии Полоцкого государственного университета

Гордеев Максим Юрьевич - аспирант Института истории Национальной Академии наук Беларуси.

Краско Ольга Давыдовна- директор Полоцкого краеведческого музея

Крачак Ольга Евгеньевна- научный сотрудник Национального института образования, магистр педагогических наук

Ладисова Галина Петровна- директор Музея белорусского книгопечатания

Левшун Любовь Викторовна - старший научный сотрудник Института литературы им. Я. Купалы Национальной Академии наук Беларуси, кандидат филологических наук.

Лукьянова Евгения Валентиновна - главный специалист, заведующая Архивохранилищем старопечатных и редких изданий Российского государственного архива древних актов.

Менделеева Дарья Сергеевна - научный сотрудник Института мировой литературы

Митюров Борис Никифорович - профессор кафедры педагогики Ровенского экономико-гуманитарного института, доктор педагогических наук

Михайловская Людмила Львовна - доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета

Романова Наталья Ивановна - ведущий библиотекарь отдела рукописей, старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Беларуси.

Сапунов Борис Викторович - главный научный сотрудник Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, академик

Сидоренко Борис Иванович - старший научный сотрудник Могилёвского областного краеведческого музея

Сидорович Людмила Николаевна - преподаватель Полоцкого государственного университета

Симакова Ольга Алексеевна - доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета

Станчиц Маргарита Абрамовна- завлабораторией воспитания в национальной школе Национального института образования, кандидат педагогических наук

Старостенко Виктор Владимирович - старший преподаватель кафедры философии Мозырского государственного университета.

Шайков Василий Иванович- зав. кафедры истории и социологии Полоцкого государственного университета, кандидат исторических наук.

Содержание